

КАМИЛЛА ЛЭКБЕРГ

СЕРЕБРЯНЫЕ КРЫДЛЯ

18+

ПРОДОЛЖЕНИЕ НОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЦИКЛА
КАМИЛЛЫ ЛЭКБЕРГ

28 миллионов экземпляров книг
в 60 странах на 30 языках

Annotation

Фэй Адельхейм добилась всего, чего хотела. Созданная ею косметическая империя «Ревендж» процветает, ее близкие в безопасности, бывший муж отбывает срок в тюрьме. Она богата, успешна и наслаждается новой жизнью. Но идиллия рушится в один миг: неизвестное лицо начинает кампанию по захвату «Ревендж», Як сбегает из тюрьмы и жаждет возмездия за разрушенную репутацию. Однако Фэй умеет противостоять мужской жестокости и насилию. А ради защиты близких она готова пойти на самые крайние меры...

- [Камилла Лэкберг](#)
  -
  - [Часть I](#)
  - [Часть II](#)
  - [Часть III](#)
  - [Часть IV](#)
  - [Благодарности](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)

- [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
-

Камилла Лэкберг

Серебряные крылья

*Посвящается
Карин*

Camilla Läckberg

VINGAR AV SILVER

Copyright © 2021 Camilla Läckberg

First published by Bokförlaget Forum, Sweden

Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden.

© Колесова Ю.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

Часть I

Сегодня рано утром во время перевозки совершили побег двое заключенных, отбывающих срок за убийство. Когда конвой сделал вынужденную остановку на трассе E4 на широте Гренны, они воспользовались случаем и убежали в лес.

На место было вызвано несколько полицейских патрулей, однако поиски беглецов пока не принесли результатов.

По словам начальника пресс-службы пенитенциарного ведомства Карин Мальм, эти двое мужчин не представляют угрозу для общественности.

*(Из газеты
«Афтонбладет»
от 5 июня)*

Фэй запустила кофе-машину. Пока готовился ее эспрессо, она подошла к высоким кухонным окнам и посмотрела наружу. Как всегда, вид очаровал ее.

Дом в Рави стал для нее раем на земле. Деревушка невелика, всего две сотни постоянных жителей. Всю Рави можно обойти минут за пять, если идти очень медленно. Но посреди маленькой площади находился ресторанчик — такой вкусной пиццы и пасты, как там, Фэй нигде не доводилось пробовать. Каждый вечер в ресторанчике яблоку негде было упасть. Иногда появлялись туристы — особенно сейчас, ближе к концу мая. Сюда заглядывали восторженные французские велосипедисты или американские пенсионеры, взявшие напрокат трейлер и теперь осуществлявшие свою мечту увидеть Италию, куда взрослые дети недоумевали, с какой стати родители упорно желают жить собственной жизнью, вместо того чтобы сидеть в няньках со своими внуками.

Но никаких шведов.

С тех пор, как Фэй купила здесь дом, она в глаза не видела ни одного соотечественника, что само по себе стало решающим фактором при выборе этого места. В Швеции ее узнавали на улицах. В Италии Фэй предпочитала оставаться инкогнито.

Купленный ею красивый старый дом располагался не в самой деревушке, а в двадцати минутах ходьбы от нее. Он стоял высоко на холме, оплетенном виноградниками, тянущимися к самому дому. Фэй обожала спускаться и подниматься по склону, чтобы сходить в лавочку за хлебом, сыром и вяленым прошутто. Банальнейший стереотип жизни в итальянской глубинке — и она наслаждалась им на все сто. И не только она, но и ее мать Ингрид, а также Керстин и Жюльенна. Прошло два года с тех пор, как Як, бывший муж Фэй, был приговорен к тюремному заключению — за это время четыре женщины стали маленьким сыгранным квартетом^[1].

Ингрид и Керстин наперебой баловали Жюльенну, и теперь, когда Керстин проводила все больше времени вдали от них, Ингрид взяла на

себя обязанность каждый день посылать ей новые фотографии Жюльенны.

Когда эспрессо сварился, Фэй взяла чашку и вышла через гостиную на задний двор дома, где плеск и радостные детские крики говорили о наличии бассейна еще до того, как тот открывался взору. Гостиную Фэй любила. Потребовалось немало времени, чтобы обставить дом, но благодаря собственному терпению и усилиям одного из самых талантливых дизайнеров Италии ей в конце концов удалось добиться того, чего она хотела. Толстые каменные стены дома предохраняли от зноя и давали прохладу даже в самые жаркие летние месяцы, но из-за этого внутренние помещения казались довольно темными. С этим удалось справиться за счет светлой мебели и многочисленных, хотя и ненавязчивых ламп. Большие окна на задний двор также пропускали свет. Фэй очень нравилось, как гостиная почти незаметно переходит в террасу.

Белая портьера мягко коснулась ее тела, когда она шагнула наружу. Сделав глоточек эспрессо, Фэй стала наблюдать за дочерью и матерью, которые ее пока не заметили. Жюльенна так выросла... Волосы у нее выгорели на солнце почти до белизны. Каждый день появляются новые веснушки, она красивая, здоровая и счастливая. Все то, чего только могла бы пожелать ей Фэй. Все то, что сделалось возможным благодаря жизни без Яка.

— Мама, смотри, я могу плавать без нарукавников!

Фэй улыбнулась и сделала удивленное лицо, чтобы показать дочери свое восхищение ее достижениями. Жюльенна плавала в глубокой части бассейна по-собачьи, тяжело дыша, но прекрасно обходилась без нарукавников с медвежонком Бамсе, которые остались лежать на бортике. Ингрид, привстав, напряженно следила за внучкой, готовая в любую секунду кинуться на выручку.

— Не волнуйся, мама, она справится.

Фэй отхлебнула еще эспрессо — тот стремительно заканчивался — и сделала несколько шагов по террасе. Теперь она пожалела, что не сварила себе капучино.

— Жюльенна упорно заплывает на глубину, — сказала мать Фэй с выражением легкого отчаяния на лице.

— Это у нее от матери.

— Да уж, я в курсе!

Ингрид рассмеялась, и Фэй в очередной раз за эти два года поразила, какая красивая у нее мама. Несмотря на все, что ей выпало пережить.

Только Фэй и Керстин знали о том, что Ингрид и Жюльенна живы. Для мира они умерли. Жюльенна якобы убита своим отцом, теперь отбывавшим в Швеции пожизненное заключение за убийство. Он чуть было совсем не сломил Фэй. Любовь к нему превратила ее в жертву. Но в конце концов его козыри оказались биты.

Фэй подошла к матери и уселась рядом с ней в плетеное кресло. Ингрид, по-прежнему в напряжении, продолжала следить за Жюльенной.

— Тебе обязательно снова уезжать? — спросила она дочь, не сводя глаз с девочки.

— День нашего выхода на американский рынок приближается большими шагами, к тому же много дел перед новой эмиссией. Если мне удастся проверить сделку в Риме, та компания станет важным дополнением к «Ревендж». Владелец Джованни хочет ее продать; осталось только убедить его, что моя цена — лучшее предложение, которое он может получить. Но как и все мужчины, он сильно переоценивает самого себя.

Ингрид перевела встревоженный взгляд с Жюльенны на Фэй.

— Не понимаю, почему тебе по-прежнему приходится так много работать. В «Ревендж» у тебя осталось всего десять процентов, и теперь ты можешь до конца жизни и пальцем не пошевелить, после того что ты выручила за свои акции.

Фэй пожала плечами, допила эспрессо и поставила чашку на плетеный ротанговый столик.

— Видишь ли, иногда мне кажется, что я с удовольствием осталась бы здесь, с вами. Но ты меня знаешь — через неделю я засохну от скуки. Да и сколько бы акций у меня ни было, «Ревендж» — мое дитя. И я пока остаюсь председателем правления. Кроме того, я чувствую огромную ответственность перед всеми женщинами, которые вложились в «Ревендж» и теперь владеют акциями. Они дали шанс мне, предприятию — и я хочу показать, что они не ошиблись. Но в последнее время подумываю о том, чтобы снова выкупить большую долю, если кто-то захочет мне ее продать. Они в любом случае уйдут с доходом.

Ингрид чуть заметно приподнялась, когда Жюльенна повернула у дальней стенки бассейна.

— Да-да, женская солидарность и все такое, — проговорила она. — Возможно, я смотрю на все это немного иначе, чем ты...

— Сейчас другие времена, мама. Женщины объединились и поддерживают друг друга. Как бы то ни было, Жюльенна не возражает против того, что я ненадолго съезжу в Рим, — мы с ней вчера об этом говорили.

— Ты знаешь, что я горжусь тобой? Ты такая молодец...

Фэй взяла Ингрид за руку.

— Да, знаю, мама. Последи за нашей попрыгуньей, чтобы не утонула, а я скоро вернусь домой.

Фэй подошла к краю бассейна, где Жюльенна, фыркая, пыталась держаться на плаву.

— Пока, моя дорогая, я уезжаю!

— Пок...

Конец слова утонул в воде, когда Жюльенна попыталась помахать, не переставая плыть. Краем глаза Фэй отметила, как Ингрид поспешила к бассейну.

В гостиной она взяла уже сложенный чемодан на колесиках. Лимузин, который отвезет ее в Рим, наверняка уже прибыл. Подняв красивый чемодан от «Луи Виттон», чтобы не поцарапал начищенный деревянный пол, Фэй направилась к двери. Проходя мимо кабинета Керстин, она увидела, как та сидит, уткнувшись во что-то на мониторе компьютера, сдвинув очки на самый кончик носа.

— Тук-тук, я поехала...

Керстин даже не подняла глаз; меж ее бровей пролегла глубокая озабоченная морщинка.

— Всё в порядке? — Фэй, шагнув в комнату, поставила чемодан.

— Даже не знаю... — медленно проговорила Керстин, не глядя на нее.

— Ты меня тревожишь. Что-то с новой эмиссией? Или с выходом на американский рынок?

Та покачала головой:

— Пока не знаю.

— Мне уже надо начинать волноваться?

Керстин ответила не сразу.

— Нет... Пока нет.

Снаружи просигналила машина, и Керстин кивнула в сторону входной двери:

— Поезжай. Закончи дела в Риме. Поговорим после.

— Но...

— Наверняка ничего серьезного.

Керстин улыбнулась, желая ее успокоить, но когда Фэй двинулась к тяжелой деревянной входной двери, ее не покидало ощущение, что подступает нечто плохое, какая-то скрытая угроза. Однако она со всем справится. Ничего другого ей не остается. Такова уж она.

Усевшись на заднее сиденье, Фэй махнула рукой шоферу, чтобы трогал с места, и откупорила маленькую бутылочку, поджидавшую ее. И пока машина неслась в сторону Рима, задумчиво потягивала шампанское.

Фэй разглядывала свое лицо в зеркале лифта. Трое мужчин в костюмах с интересом смотрели на нее. Она открыла сумочку от «Шанель», выпятила губы и не спеша нанесла на них помаду «Ревендж». Потом заложила за ухо светлую прядь волос, накрутила обратно крышечку с выгравированной буквой «R» — и тут лифт остановился, достигнув холла. Мужчины подвинулись в сторону, давая Фэй выйти первой. Шаги по белому мраморному полу отдавались эхом, красное платье затрепетало от ночного ветерка, когда портье придержал ей стеклянную дверь.

— Такси, синьора? — спросил он.

Не сбавляя шага, Фэй с улыбкой покачала головой. Выйдя на тротуар, свернула вправо. Машины на улице стояли неподвижно. Гудели гудки; водители ругались, опустив боковые стекла.

Фэй наслаждалась свободой, возможностью побыть в одиночестве в городе, где у нее мало знакомых и никто ничего не может от нее потребовать. Побыть свободной от ответственности, от вины. Встреча с Джованни, владельцем маленького семейного предприятия по производству косметики, которое могло бы удачно дополнить уже существующую линейку продукции «Ревендж», прошла великолепно.

Как только Джованни понял, что не сможет использовать против Фэй техники доминирования и манипуляции, чтобы заставить ее согласиться на его условия, все повернулось в ее пользу.

Фэй любила азарт игры. Очень часто по другую сторону стола переговоров оказывались мужчины, и все они совершали одну и ту же ошибку: недооценивали ее компетентность только на том основании, что она женщина. Когда позднее им приходилось признать себя проигравшими, следовала реакция двух типов: одни уходили с деловой встречи, кипя от ярости, проникнувшись еще большей ненавистью к женщинам, а других ее знания и уверенность в себе возбуждали — они выходили из-за стола переговоров с твердым комком в штанах и пытались пригласить ее на ужин.

Вечер стоял теплый; Фэй чувствовала, как город буквально вибрирует вокруг, обнимая ее, даря все, без чего она соскучилась. Ее прогулка не имела конкретной цели. Шанс выпадет сам собой, если только отдаться биению пульса города.

Скоро ей снова придется надеть на себя маску, мастерски играя свою роль на родине. Но сегодня вечером она может быть какой угодно — какой ей захочется. Фэй пошла дальше. Добралась до красивой, выложенной каменными плитами площади. Заплутала в лабиринте маленьких улочек.

«Нужно потерять себя, чтобы возродиться», — подумала она.

От тени дома отделился мужчина и хриплым шепотом предложил ей свой товар. Фэй лишь покачала головой. Мягко открылась большая дверь, окруженная желтым светом уличных фонарей, и два человека, мужчина и женщина, ждавшие снаружи, вошли внутрь.

Остановившись на мгновение, Фэй огляделась, а потом решительно направилась к двери, которая вновь закрылась за вошедшими. Миниатюрный звонок. Над ее головой — видеокамера. Фэй нажала на кнопку звонка; прислушалась, надеясь различить, как тот звучит внутри, но ничего не услышала. Наконец замок щелкнул и дверь открылась. Ее глазам открылось огромное помещение, заполненное красивыми людьми и звяканьем бокалов. Прямо перед ней находилась стеклянная стена, за которой начиналась величественная терраса. Вдали, словно потерпевший крушение космический корабль, возвышался освещенный остов Колизея.

В большом зеркале с золоченой рамой Фэй могла наблюдать, как прекрасно одетые люди о чем-то беседовали группками у нее за спиной. Женщины были молоды, красивы, со вкусом накрашены, одеты в элегантные короткие платья. Мужчины в целом несколько старше, но тоже прекрасно выглядящие, излучавшие спокойствие и уверенность в себе — те качества, которые часто придает человеку богатство. Долетавшие до нее обрывки разговоров свидетельствовали о том, что здесь говорят по-итальянски. В бокалы подливалось вино, они опустошались и снова заполнялись вином.

Чуть в стороне стояли и целовались юноша и девушка. Фэй смотрела на них как зачарованная, не в силах отвести глаз. Совсем молодая пара, не старше двадцати пяти. Парень высокий, красивый на итальянский манер, с изящной бородкой, большим носом и темными волосами, расчесанными на прямой пробор. На девушке дорогое платье цвета слоновой кости, облегающее бедра и подчеркивающее узкую талию. Темные волосы просто схвачены в хвостик на макушке.

Кажется, они настолько влюблены, что ни на минуту не могут оторваться друг от друга. Длинные пальцы парня раз за разом скользили по загорелым бедрам девушки с внутренней стороны. Фэй улыбнулась. Когда ее взгляд встретился со взглядом девушки, она не отвела глаза, а продолжала спокойно рассматривать пару. Поднесла к губам напиток — коктейль «Виски сауэр». Когда-то и она была так же по уши влюблена. Однако любовь задушила ее, превратила в безвольную массу в золотой клетке...

Внезапно девушка подошла к Фэй, прервав ход ее мыслей.

— Я и мой жених хотели спросить, не хочешь ли ты с нами выпить, — проговорила она по-английски.

— Мне показалось, что вам не нужна компания, — с улыбкой ответила Фэй.

— Твоя нужна. Ты такая красивая...

Девушку звали Франческа; она родилась в Порту-Алегри на атлантическом побережье Бразилии, работала фотомodelью и рисовала картины. Юношу звали Маттео. Его семья владела империей отелей и ресторанов; он тоже рисовал, хотя и не так хорошо, как Франческа, со смущенной улыбкой объяснил Маттео. Они оказались любезные, воспитанные, легко могли ее развеселить. Их жажда жизни и беззаботность заражали. Увлечшись, Фэй выпила еще два напитка. Без

тени зависти она восхищалась их любовью, молодостью и красотой. Нельзя сказать, чтобы ей не хватало мужчины — Фэй хотелось самой управлять своей жизнью, не согласовывая ничего с другими. Но смотреть на эту молодую пару ей очень нравилось.

Через час Маттео извинился и удалился в сторону туалета.

— Мы скоро пойдем, — сказала Франческа.

— Я тоже. Завтра мне ехать домой.

— Может быть, ты хочешь поехать с нами и продолжить вечер у нас дома?

Фэй взвесила предложение, не отводя глаз. Упущенный сон она сможет возместить по дороге домой. Пока же ей не хотелось, чтобы вечер заканчивался. Она желала еще пообщаться с этой прекрасной парой.

Такси затормозило перед высоким роскошным домом, Маттео расплатился, они вышли из машины, и охранник в форме распахнул перед ними дверь. Квартира с огромными панорамными окнами располагалась на самом верхнем этаже. С балкона открывался вид на красивейший парк. По стенам висели черно-белые фотографии — изучив их поближе, Фэй обнаружила, что на многих из них изображена Франческа. Из усилителей полилась какая-то итальянская музыка. За ее спиной Маттео смешивал напитки, стоя у барной тележки, а Франческа рассказывала забавную историю, от которой Фэй смеялась так громко, как давно не смеялась.

Фэй уселась рядом с Франческой на гигантский кремовый диван. Маттео протянул им напитки, а потом уселся с другой стороны от Фэй. От опьянения приятно кружилась голова, уличный шум успокаивал, но все тело наполнялось напряженным ожиданием и возбуждением.

Франческа отставила свой бокал на журнальный столик, медленно подалась вперед, провела мягкими пальцами по бретельке красного платья и поцеловала Фэй в ключицу. Горячие волны разлились по всему телу. Маттео повернул к себе ее голову, его губы приблизились, но в последний момент он ускользнул, коснулся губами ее шеи, пощекотал затылок, прежде чем поцеловать ее. Рука Франчески мягко

гладила ее бедра, поднимаясь все выше, но в последний момент улетела и тут же, словно дразнясь, возникла на поясице.

Сначала они раздели ее, потом друг друга.

— Я хочу видеть вас, — прошептала Фэй. — Вместе.

В ее сознании возникло лицо Яка — вспомнились все те случаи, когда он предлагал пригласить к ним в постель еще одну женщину. Фэй отказывалась. Не потому, что эта мысль не привлекала ее, — просто было очевидно, что это нужно только ради него. С Франческой и Маттео все было по-другому. Фэй пришла к ним ради них обоих. Не потому, что они надоели друг другу, — их любовь и притяжение были так сильны, что перехлестывали через край, их хватало еще на одного человека. Вся ситуация доставляла Фэй наслаждение.

Она застонала, когда Маттео наклонил ее вперед, над Франческой, и вошел в нее сзади. Заглянула в широко открытые глаза бразилианки, пока ее жених совершал в ней толчки. Франческа смотрела на нее пристально и томно, полуоткрыв рот.

— Мне нравится смотреть, как ты берешь ее, дорогой, — шепнула она Маттео.

Для них Фэй оставалась лишь инструментом для усиления собственного наслаждения, но все же она чувствовала себя сопричастной.

Когда Фэй почувствовала, что вот-вот кончит, Маттео вытащил свой член. На диване образовалась куча из их обнаженных, потных тел. Фэй никогда не доводилось испытать ничего более прекрасного, чем участвовать в наслаждении этих двух красивых влюбленных людей. Она вся дрожала, когда Франческа придвинулась ближе к ней. Не сводя друг с друга глаз, они встали на четвереньки у края дивана и выгнули спины. Стоя позади них, Маттео вставлял свой член то во Франческу, то в Фэй. Наконец Фэй кончила. Закричала в голос. Маттео не смог больше сдерживаться, его дыхание стало тяжелым.

— В нее, — шепнула Франческа.

Фэй почувствовала, как он стал еще больше, а потом взорвался.

Потом они пошли, обнявшись, и легли втроем на большую кровать в спальне. Лежали и курили, передавая по кругу сигарету. Фэй выставила будильник в мобильном телефоне, чтобы не проспять, и попыталась заснуть. Через полчаса она оставила все попытки. Осторожно высвободилась и встала с постели, не разбудив юную пару.

Они зашевелились во сне, обнялись и подползли ближе друг к другу, слившись воедино на том теплом месте в кровати, где только что лежала Фэй.

Совершенно голая, она налила себе шампанского из открытой бутылки и вышла на балкон, прихватив бокал и бутылку с собой. Город переполняли свет и звуки, Фэй опустилась в шезлонг и забросила ноги на перила балкона. Теплый летний вечер ласкал ее обнаженное тело, щекотал и возбуждал. Однако этот незабываемый миг отравили мысли о выражении лица Керстин, когда та смотрела на экран в кабинете перед вчерашним отъездом Фэй из дома. Чтобы вывести из равновесия Керстин, требуется нечто экстраординарное. Она — скала, о которую расшибаются другие скалы, рассыпаясь в песок. Тут что-то не так...

Фэй в задумчивости попивала шампанское, мысли ее неслись вскачь. В такой большой компании, как «Ревендж», многое могло пойти наперекос, ведь игра шла по-крупному. Большие деньги, большие инвестиции, большие прибыли — но и большие риски. Ничто не вечно. Ничто не бывает неколебимым. Фэй это знала как никто.

Обернувшись, она еще раз посмотрела на красивую пару, спавшую в постели. Улыбнулась им. Ей так не хотелось думать об озабоченном лице Керстин, не хотелось думать о предстоящем дне... Сейчас ей нужно другое.

— Мама!

Жюльенна выбежала навстречу Фэй и обняла ее, прижавшись к ней всем своим мокрым тельцем.

— Не бегай по каменным плитам! — крикнула Ингрид с дивана из ротанга.

— Ой, мамочка, ты стала совсем мокрая! — озабоченно проговорила Жюльенна, высвободившись из маминых объятий и заметив, что на блузке Фэй образовалось мокрое пятно.

— Ничего страшного, моя дорогая. Высохнет. А ты что — так и не вылезала из бассейна с тех пор, как я уехала?

— Не-а, — захихикала Жюльенна. — Я спала в бассейне и обедала в бассейне.

— Подумать только! Я считала, что у меня маленькая доченька, а она, оказывается, русалка...

— Да! Как Ариэль!

— Точно, как Ариэль.

Фэй провела рукой по мокрым волосам дочери, которые уже приобрели зеленоватый оттенок.

— Пойду разберу чемодан, скоро спущусь! — крикнула она Ингрид, которая, кивнув, вернулась к своей книге. Судя по всему, ее мать стала больше полагаться на умение Жюльенны плавать.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, Фэй закинула чемодан в спальню. Быстро сняла с себя мокрую блузку и другие вещи, в которых приехала, и надела мягкий домашний костюм из хлопка. Чемодан на колесиках она поставила в гардеробную. Ее помощница по дому Паола потом все распакует.

Постель казалась такой притягательной, что Фэй прилегла на покрывало, скрестив руки за головой, и позволила себе расслабиться. Воспоминания о том, что произошло в постели в Риме, заставили ее невольно улыбнуться. Зевнув, Фэй почувствовала, насколько устала — прошедшей ночью она в буквальном смысле слова ни на минуту не сомкнула глаз. Зато проспала всю дорогу до дома. Сейчас ей не хотелось случайно заснуть, однако за все эти годы Фэй научилась глубоко расслабляться на несколько минут, чтобы потом вставать с удвоенной энергией. Хитрость заключалась в том, чтобы не закрывать глаза, так что она огляделась, отмечая отдельные детали и целостную картину.

Спальню Фэй считала своим оазисом. Здесь тоже царили светлые тона — свежий белый в сочетании с мягким голубым. Легкая элегантная мебель, ничего тяжелого и массивного. Ничего похожего на тот огромный письменный стол, который она купила в подарок Яку лишь потому, что когда-то он принадлежал Ингмару Бергману. Як обожал такое. Красивые жесты. Постоянную похвальбу. Отправиться с гостями на экскурсию по квартире и как бы невзначай упомянуть, что стол, мимо которого они только что прошли, принадлежал великому режиссеру.

Фэй оглядела свой изящный белый письменный стол. Он никогда не принадлежал какому-то самодовольному властному старикану, который всю свою жизнь обманывал и использовал женщин. Этот стол

принадлежал только ей. Он не прогибался под грузом прошлого. Как и сама Фэй. Она освободилась от своей истории. Создала себя заново.

Фэй села, спустив ноги с края кровати. Тревога, вызванная словами Керстин, снова ворвалась в ее сознание. Дальше этот вопрос откладывать невозможно.

Кабинет Керстин пустовал, так что Фэй предположила, что его хозяйка в своей комнате. После обеда та любила прилечь отдохнуть, но Фэй старалась не думать о том, что ее верная спутница уже немолода, что ей перевалило за семьдесят. От одной мысли, что Керстин не всегда будет рядом с ней, у Фэй сжимало грудь и становилось тяжело дышать. С тех пор как она потеряла Крис, ей стало слишком ясно, что ничто не вечно и никто не вечен. Хотя смерть и до того была в ее жизни частым гостем...

Она постучала в дверь комнаты Керстин.

— Ты проснулась?

— Я не сплю.

Когда Фэй вошла в комнату, Керстин села на постели и потянулась за очками, лежавшими на ночном столике. Взгляд ее был затуманен сном.

— Ты крепко спала?

— Я не спала, — повторила Керстин и поднялась, разгладив брюки. — Просто дала отдых глазам.

Фэй немного поморщилась от сильных запахов, царивших в большой спальне Керстин. Познакомившись однажды в самолете с Бенгтом, работавшим в шведском посольстве в Мумбаи, Керстин начала проводить все больше времени в Индии. Взяла шефство над детским домом и часто уезжала туда с огромным количеством полезных вещей для детей. Беда лишь в том, что на обратном пути она прихватывала с собой массу всяких индийских штучек для дома. Временами пыталась потихоньку протащить на диван в гостиной какую-нибудь подушечку с золотой бахромой или яркий плед, однако Паоле дано было строгое указание, что все подобные предметы следует немедленно отправлять в комнату «мисс Карин». Довольно вскоре они отказались от попыток научить пылкую итальянку произносить имя Керстин, поэтому нашли компромисс в виде более простого «Карин».

— Соскучилась по Бенгту?

Керстин фыркнула и надела тапочки, аккуратно стоявшие рядом с кроватью.

— В моем возрасте уже не скучаешь друг по другу. Это как бы... совсем другое, когда становишься старше.

— Да ладно, не рассказывай, — улыбнулась Фэй. — Паола доложила мне, что «*Ms Karin has much nicer underwear now*»^[2].

— Ну Фэй!..

Керстин покраснела до самой шеи, и Фэй не смогла удержаться — подошла и обняла ее.

— Керстин, я так рада за тебя... Но надеюсь, что он не заберет тебя к себе насовсем — ты нужна нам здесь.

— Не волнуйся. Обычно я устаю от него.

Керстин улыбнулась, но глаза ее оставались серьезными.

— Пойдем в кабинет. Я должна тебе кое-что показать.

Они молча двинулись вниз по лестнице. С каждым шагом сердце Фэй падало все ниже. Что-то не так. Случилось нечто серьезное.

Керстин уселась за письменный стол и запустила компьютер. Фэй села на один из двух чиппендейловских кресел^[3], стоящих у стола. Хотя в кабинете Керстин действовал запрет на сари, Фэй оборудовала его с мыслью о своей компаньонке. Помимо недавно возникшей страсти ко всему индийскому у Керстин была в жизни одна большая любовь: Уинстон Черчилль. Поэтому Фэй придала ее кабинету классический английский стиль с легким налетом современности. А изюминкой стало огромное фото Уинстона Черчилля в раме, красовавшееся на стене напротив письменного стола.

Керстин повернула монитор к Фэй, которая подалась вперед, пытаясь разобраться в цифрах, мелькающих на экране. Сама она прекрасно разбиралась в нумерологии делового мира, но Керстин оказалась уникальным профессионалом. Уинстон строго смотрел на них, но Фэй избегала поднимать глаза на фотографию. В данный момент ей менее всего нужен осуждающий мужской взгляд.

— Я веду реестр акций «Ревендж», поскольку ты плотно занята американским рынком и новой эмиссией. До того как ты уехала в Рим, были проданы два пакета акций. А теперь ушли еще три.

— Покупатель тот же?

Керстин покачала головой:

— Нет. Однако меня не покидает мысль, что покупки все же синхронизированы.

— Думаешь, кто-то пытается захватить «Ревендж»?

— Возможно, — проговорила Керстин, взглянув на нее поверх очков. — Боюсь, именно с этим мы сейчас и столкнулись.

Фэй откинулась в кресле. Тело напряглось, по венам разлился адреналин. Усилием воли она взяла себя в руки, хотя мысли ее неслись вскачь. Рано строить предположения. Сейчас нужны только факты.

— Кто продает?

— Я подготовила для тебя список.

Керстин протянула Фэй листок. Она хорошо ее знала. Принципиальную коммерческую информацию Фэй всегда хотела видеть в распечатке, не только на экране. Срубленный лес придется потом как-то компенсировать.

— Не понимаю... почему они продают?

— Сейчас у нас нет времени на сантименты. В первую очередь мы должны оценить ситуацию. Ты пока разберешься во всем, а я буду ковырять дальше. Потом можем беситься. Но не сейчас. Тратить на это энергию мы не можем себе позволить.

Фэй медленно кивнула. Она понимала, что Керстин права. Однако сложно было сдержаться и не начать строить догадки, кто из тех женщин, кому она так доверяла, решил продать свою часть. У нее за спиной...

— Я хочу, чтобы мы рассмотрели всё по порядку. Каждую позицию, — сказала она.

Керстин кивнула в ответ.

— Давай начнем.

Фэй посмотрела на нее, а потом перевела взгляд на лист бумаги. Что-то тревожно перевернулось в животе. Такого она не предусмотрела. И это волновало ее более всего остального.

В доме царил тишина. Все спали. Кроме Фэй. Она сидела со списком в руках, раз за разом просматривая его и пытаясь собраться с мыслями.

Цифры плясали у нее перед глазами. Ее охватили усталость и уныние. Этого чувства Фэй давно не испытывала — с тех пор, как рассталась с Яком, и ей все это жутко не нравилось. Подкрадывались запретные мысли. А что, если уже поздно? Вдруг «Ревендж» уже нельзя спасти? Вдруг она настолько расслабилась за эти два года, что враг сумел подкрасться незаметно? Этого она себе никогда не простит. Слабость Фэй оставила позади. Сбросила Яку. И теперь он носит ее на теле как неудобную тюремную одежду.

Фэй отложила список. Мысль о предательстве отзывалась болью. Имена женщин, продавших свои акции, были ей хорошо знакомы. Перед глазами вставали их лица — лица женщин, которым она в свое время представила идею «Ревендж». Женщин, которых она убедила, которые решили поверить в «Ревендж», положиться на нее. Почему никто ничего ей не сказал? Неужели разговоры о солидарности и поддержке ничего не значили? Ни для кого, кроме самой Фэй?

Она протерла глаза, слипавшиеся от усталости, и ругнулась, когда в глаза ей попали крошки ссохшейся туши. Заморгав, поспешила в ванную, чтобы смыть макияж. Так или иначе, сейчас она слишком устала, чтобы еще что-то делать. Сказывались приключения вчерашней ночи, и Фэй понимала, что, не выспавшись хорошенько, она никому не принесет пользы — ни себе, ни предприятию.

Уже откинув одеяло, чтобы лечь на крахмальные простыни из египетского хлопка, Фэй замерла. Посмотрев в сторону двери, ощутила тоску во всем теле. Встала и тихонько вышла в холл. Дверь в комнату Жюльенны стояла приоткрытой — дочь отказывалась спать с закрытой дверью. Осторожно открыв дверь, Фэй проскользнула внутрь. Маленький ночник в форме кролика освещал комнату мягким светом — достаточным, чтобы разогнать привидения. Дочь спала на боку, спиной к Фэй. Длинные светлые волосы разметались по подушке. Фэй тихонько забралась в постель Жюльенны, убрала с подушки ее волосы и улеглась рядом. Дочь всхлипнула во сне и чуть пошевелилась, но не проснулась — даже когда Фэй обняла ее одной рукой, миллиметр за миллиметром подбираясь поближе к Жюльенне, уткнувшись носом ей в затылок, пахнувший лавандой и хлоркой.

Она закрыла глаза. Почувствовала, как напряжение отпустило, накатила сон. Лежа так, обнимая свою дочь, почувствовала, что сделает все, чтобы спасти «Ревендж». Не ради себя. Ради Жюльенны.

Фьельбака, давным-давно

Хотя мне было всего двенадцать, меня не покидало ощущение, что я знаю о жизни всё. Во Фьельбаке она казалась такой предсказуемой... Те же перепады между десятью месяцами полной тишины и двумя месяцами летнего хаоса. Все знали всех. Летом приезжали одни и те же туристы, год за годом. Дома тоже все оставалось по-старому. Мы словно бегали в беличьем колесе — на одном месте, ни малейших шансов сдвинуться вперед. Ничего так и не менялось.

Поэтому, когда мы сели за ужин, я поняла, что это будет именно такой вечер. Еще только придя домой из школы, почувствовала, что от папы пахнет алкоголем.

Наш дом я и любила, и ненавидела. Здесь выросла моя мама. Он перешел к ней по наследству от бабушки и дедушки, и все, что мне в нем нравилось, было связано с ней. Она сделала все, что могла, сделав домик уютным и милым — придав ему все те черты, что ассоциировались со счастливой жизнью. Старая древесина, оставшаяся со времен бабушки и дедушки. Белые льняные шторы, которые мама сшила собственными руками, — она прекрасно шила. Вышивка в рамке, полученная бабушкой от прабабушки в качестве свадебного подарка. Винтовая лестница с перилами из толстого каната, по ступенькам которой ступали представители нескольких поколений. Маленькие комнатки и белые окна с разделенными на мелкие квадратики рамами. Все это я очень любила.

Ненавидела я все, что напоминало о папе. Зарубки от ножа на кухонной столешнице. Отметки на деревянной двери в гостиной, оставшиеся от того, как папа не раз пинал дверь ногой в приступах пьяной ярости. Слегка изогнутый карниз, с которого он однажды пытался стащить занавеску, чтобы намотать маме на голову, — пока Себастиан не собрался с духом и не оттащил его от мамы.

Камин в гостиной я любила. Но портреты на каминной полке казались жестокой насмешкой. Семейные фотографии, которые мама поставила туда, — мечты о жизни, которой не существовало. Снимки, на которых улыбаются она с папой, я и мой старший брат Себастиан. Мне хотелось пошвырять их на пол, однако я не хотела огорчать маму.

Один раз она поставила туда же портрет своего брата. Но когда папа увидел фото дяди Эгиля, то пришел в бешенство. Пока мама лежала в больнице, он позаботился о том, чтобы фотография исчезла.

У меня заболел живот. Я ждала, что сейчас последует неминуемый взрыв. Как всегда.

Часы, прошедшие с того момента, как я пришла из школы, папа провел в просиженном кресле перед выключенным телевизором, в то время как уровень жидкости в его бутылке «Эксплорера»^[4] все понижался и понижался. Мама тоже знала, к чему все идет. Я видела это по ее тревожным неуверенным движениям. Особо позаботившись об ужине, она приготовила все любимые блюда папы: свинину с бобами, жареным луком и картошкой, яблочный пирог с густо взбитыми сливками.

Больше никто из нас не любил свинину и бобы, однако мы знали, что их придется съесть. Одновременно мы понимали, что ничто нас не спасет. Критическая точка уже пройдена — как качели, уже прошедшие точку, после которой оставался лишь один путь: вниз.

Никто не проронил ни слова. В молчании мы накрыли на стол, достали праздничный сервиз, выложили салфетки, которые я свернула веером. На такие вещи папа вообще не обращал внимания, но мы старались убедить маму, что это, может быть, поможет. Что он заметит, как мы постарались, какую вкусную еду приготовила мама; что внутри него что-то сдвинется от нашей заботы о нем и он не станет. Просто не станет. Даст качелям качнуться обратно в исходное положение. Однако в нем не осталось ничего, что можно было бы тронуть нашими заботами. Пустота. Пустыня.

— Йоста, ужин готов.

Голос мамы слегка дрожал, хотя она постаралась произнести это веселым тоном. Осторожно провела рукой по волосам. Мама переделалась, заколола волосы, надела красивую блузку и выходные брюки.

Вскоре все мы сидели на своих местах. Мама положила на папину тарелку ровно столько свинины, сколько, как она знала, он хочет. Бобы, картошка, жареный лук — все в точной пропорции. Папа смотрел в тарелку. Долго, слишком долго. Мы все трое знали, что это значит. Я, мама, Себастиан.

Мы сидели, словно замерев, запертые в тюрьме, в которой мы с Себастианом жили с рождения, а мама — с тех пор, как она повстречалась с папой. Мы сидели неподвижно, пока папа смотрел в свою тарелку. Затем, словно в замедленной съемке, он сгреб с тарелки еду. Свинину, бобы, лук и картошку. Ему удалось собрать в свой огромный кулак всего понемногу. Другой рукой он схватил маму за волосы — за ее прическу, которую она так долго делала, и ткнул еду ей в лицо. И медленно, тщательно размазал.

Мама не пошевелилась. Она знала, что ее единственная возможность — ничего не предпринимать. Но мы с Себастианом знали, что сегодня это не поможет. Глаза папы смотрели слишком холодно. Бутылка слишком пуста. Хватка за мамины волосы слишком крепка. Мы не решались поднять на нее глаза или посмотреть друг на друга.

Папа медленно поднялся. Стащил маму со стула. На лице у нее я увидела остатки свинины и бобов. Из духовки доносился запах сахара и корицы — там стоял папин любимый яблочный пирог. Я быстро рассмотрела все возможности, что папа будет делать. Все части тела, которые он может выбрать для атаки. Возможно, он вернется к тем местам, где уже побывал много раз. На руках у мамы было пять переломов. На ногах — два. Ребра сломаны трижды. Нос — один раз.

В тот вечер папа, видимо, ощущал творческий порыв. Со всей силы он своей мускулистой рукой быстро и жестко прижал мамино перепачканное лицо к столу. Зубы попали на край стола. Мы слышали звук, когда они сломались. Осколок зуба чуть не попал мне в глаз, но застрял в ресницах, а потом упал мне в тарелку. Между бобами.

Себастиан дернулся, но не решился поднять глаза.

— Ешьте! — прошипел папа.

Мы стали есть. Я убрала вилкой кусок маминого зуба...

— Кофе?

— Спасибо, нет. Мне, пожалуйста, еще шампанского и красного вина.

Керстин взяла бумажный стаканчик с кофе из рук стюардессы, которая отправилась принести то, что заказала Фэй.

— Как ты думаешь, кто это может быть? — озабоченно спросила та.

— Угадать невозможно. И бессмысленно тратить силы на догадки, пока мы не собрали дополнительную информацию.

— Не понимаю, как я могла быть такой наивной... Мне и в голову не могло прийти, что прочие акционеры могут продать свои доли, не поговорив со мной.

Керстин приподняла брови.

— А ведь я предупредила тебя — большой риск продавать такую значительную часть предприятия.

— Да, знаю, — нервно пробормотала Фэй и огляделась, высматривая стюардессу, которая должна была вернуться с ее бутылками. — Тогда мне казалось, что это оптимальное решение. Среди всего этого — Як и Жюльенна, процесс, истерика в СМИ... И смерть Крис. Я обеспечила капитал и надеялась, что, оставаясь председателем правления, смогу контролировать ситуацию.

— В делах ни на что нельзя полагаться, — проговорила Керстин.

— Знаю, ты любишь повторять: «А что я говорила», — но давай возьмем паузу, хорошо? Поговорим о чем-нибудь другом. Я в таком стрессе от того, что приходится сидеть в самолете и не в силах ничего сделать или выяснить до завтрашних встреч... Достаточно того, что я ломала над этим голову все выходные.

Стюардесса вернулась с маленькой бутылочкой шампанского и бутылкой красного вина. Фэй взяла две пустые бутылки, стоявшие перед ней на столике, и отдала их в обмен на новые. Шампанское она открыла в первую очередь, а бутылку охлажденного в холодильнике красного положила между ляжек, чтобы согреть.

— Не забудь, у нас дела, — сухо проговорила Керстин и отхлебнула кофе, пока Фэй выливала шампанское в свой бокал.

— Как я уже говорила, встречи у нас только завтра. И я намерена с чистой совестью утопить свои горести в вине. Кстати, а разве тебе не надо выпить? Ты ведь боишься летать.

— Спасибо, что напомнила, мне только что удалось отогнать эти мысли... Нет, если я и умру, то умру трезвой.

— Совершенно нелогично. И не нужно. Когда я умру, я хочу умереть пьяной вдрызг. И пусть между ног у меня будет вон тот пилот...

Фэй подняла одну бровь, кивнув в сторону пилота, который как раз вышел из кабины и переговаривался о чем-то со стюардессами. Ему было на вид лет тридцать — темноволосый, с очаровательной улыбкой, а его фигура свидетельствовала о том, что он проводит много часов в спортивном зале.

— Знаешь, мне думается, пусть лучше пилот сосредоточится на том, чтобы вести самолет, вместо того чтобы предаваться мимолетному общению в туалете, — сказала Керстин с нервным видом, и Фэй рассмеялась.

— Спокойствие, Керстин, именно для этого Бог и изобрел автопилот...

— Чтобы пилот успел совокупиться с пассажирками? Сомневаюсь.

Фэй допила остатки шампанского, открыла бутылку красного и вылила вино в тот же бокал.

Она любила Керстин, однако многое напоминало ей о том, что они принадлежат к разным поколениям. Крис прекрасно поняла бы, что имела в виду Фэй, и посмеялась бы вместе с ней — или даже начала бы поддразнивать ее, чтобы она с этим пилотом перешла от слов к делу. С тех пор, как они подружились в Торговом институте, Крис всегда была рядом с Фэй. Направляла ее, защищала, поддерживала — и критиковала самым честным образом. Теперь Фэй всегда носила браслет с надписью «FuckCancer»^[5] как напоминание о Крис и о том, как тяжела эта потеря.

Керстин похлопала Фэй по руке. Как обычно, она прекрасно замечала, когда ее мысли устремлялись к Крис.

Фэй откашлялась.

— Квартиры, которые мы с тобой смотрели, будут доступны через несколько дней, — сказала она. — Поживем пока в «Гранд-отеле».

— Там мы ни в чем не будем нуждаться, — сухо откликнулась Керстин.

Фэй улыбнулась. Да уж, там они ни в чем не будут нуждаться.

— Иногда я вспоминаю первое время после развода, — проговорила Фэй. — Когда я снимала у тебя комнату. Как мы сидели с

тобой после ужина и строили планы по поводу создания «Ревендж».

— Я еще тогда подумала, что ты потрясающая женщина, — сказала Керстин и снова похлопала ее по руке. — Такой ты и осталась.

Фэй заморгала, чтобы скрыть слезы, и повернулась к кабине. Пилот снова вышел, чтобы переговорить о чем-то со стюардессами. Глядя на него, Фэй подняла в воздух бокал и получила в ответ чуть заметную улыбку.

Несколько минут спустя пилот сообщил по громкоговорителю, что пора готовить самолет к посадке. Стюардессы обошли салон, собирая мусор, проверили, что все спинки кресел и столики подняты, все ремни безопасности пристегнуты.

Керстин судорожно вцепилась в подлокотники, так что косточки пальцев побелели, и Фэй взяла ее за руку, поглаживая.

— Большинство аварий происходит при взлете и посадке, — произнесла Керстин, тяжело дыша.

Вскоре колеса самолета упруго стукнулись о землю, и Керстин так крепко сжала руку Фэй, что кольца врезались в кожу. Но та и бровью не повела.

— Мы уже приземлились, — сказала она. — Все позади.

Керстин выдохнула и слабо улыбнулась ей.

Когда самолет остановился, они собрали свою ручную кладь и двинулись вперед по проходу. Экипаж стоял у выхода, прощаясь с пассажирами. Пилот встретился глазами с Фэй, и она незаметно сунула ему в карман свою визитную карточку. Он тепло улыбнулся ей, и Фэй в душе понадеялась, что им разрешают брать домой летную форму.

Когда они зарегистрировались в «Гранд-отеле», Керстин отправилась в свой номер, чтобы отдохнуть. Фэй подумывала о том, чтобы пойти в спа-салон и заказать себе массаж, но вдруг поняла, что слишком нервничает и не может усидеть на месте. Тогда она отправилась в бар «Кадриер».

Усевшись возле длинной барной стойки, огляделась. Как всегда, здесь яблоку негде было упасть. Большинство посетителей составляли бизнесмены в дорогих костюмах с редяющими волосами и упрямими

животами. Женщины тоже были одеты дорого, и Фэй мысленно отметила все бренды, которые увидела при поверхностном осмотре: «Хьюго Босс», «Макс Мара», «Шанель», «Луи Виттон», «Гуччи» и несколько смельчаков, решившихся надеть вещи от «Пуччи».

Имидж от Эмилио Пуччи воспринимался как «дорогой, но бунтарский», и в гардеробе у самой Фэй имелось немало одежды из его коллекций последних лет.

Сегодня она выбрала нечто более скромное и элегантное. Брюки от «Дианы фон Фюрстенберг» и шелковая блузка кремового цвета от «Стеллы Маккартни». Одежда, которую можно сдать в химчистку. Золотой браслет от «Картье». Она вздрогнула, когда заметила, что рядом с браслетом «FuckCancer» у нее надет браслетик, сделанный для нее Жюльенной. Яркие бусины, нанизанные без всякой системы. Фэй поспешно сняла его и спрятала в карман. На мгновение она забыла, что здесь, в Швеции, все считают Жюльенну умершей.

— Что желаете?

Молодой белокурый бармен внимательно посмотрел на нее, и Фэй заказала мохито — один из любимых напитков Крис. Живо представила себе, как подруга водит трубочкой в бокале с характерной искоркой в глазах, прежде чем начать рассказывать о своем последнем приключении — в деловом мире или с очередным молодым красавцем.

Бармен отвернулся и начал изящно смешивать напиток в высоком бокале. Фэй достала компьютер, открыла его и включила. До завтрашнего дня она ничего не сможет сделать с продажей акций, так что можно было продолжить подготовку к выходу на американский рынок, словно ничего не случилось. Это помогло бы ей сохранить спокойствие.

Именно такое воздействие всегда оказывала на нее работа. Задним числом Фэй не могла понять, как Яку удалось убедить ее отказаться от учебы и карьеры, чтобы потом потерянно бродить дома в четырех стенах или тратить кучу времени на бессмысленные разговоры за скучными обедами. Была ли она счастлива в той жизни — до того, как все рухнуло? Или только внушала себе это, потому что у нее не оставалось иного выбора? Потому что Як загнал ее в угол?

Як сломил Фэй так, как не удавалось никому. Но теперь она отомстила ему — создала успешное предприятие и разрушила его бизнес.

Хенрик Бергендаль, лучший друг и компаньон Яка, тоже лишился всего и вынужден был начинать с нуля. Впрочем, это еще как посмотреть. Пара миллионов в банке и большой дом на Лидингё, оплаченный и отремонтированный — пожалуй, большинство людей не восприняли бы это как «начало с нуля».

Поначалу Фэй даже жалела его. По отношению к ней он всегда вел себя дружески и пострадал только потому, что был в связке с Яком. Но она знала, что Хенрик постоянно изменял своей жене Алисе и что на самом деле между ним и Яком особой разницы не наблюдалось. Оба совершенно потребительски относились к своим спутницам жизни.

Хенрик вскоре снова встал на ноги, так что удар оказался не слишком разрушителен. Его инвестиционная компания добилась больших успехов, а состояние Хенрика теперь стало гораздо больше, чем в те годы, когда он владел «Компэр». Фэй не злилась по поводу его успеха, но и не радовалась за него. Если б он не обращался так плохо с Алисой, она, возможно, даже ощущала бы угрызения совести за то, что между делом наступила на него. Однако теперь ее это не волновало.

Бармен с улыбкой поставил перед ней мохито, и Фэй расплатилась.

— Как тебя зовут? — спросила она, посасывая трубочку. Этот вкус так сильно ассоциировался в ее сознании с Крис...

— Брассе.

— Брассе? Сокращенно от...

— Просто Брассе. Меня так называли.

— О'кей, это требует пояснений. Откуда взялось такое имя?

Смешивая в шейкере напиток, бармен ответил:

— Папина идея. Матч Швеция — Бразилия. Чемпионат мира девяносто четвертого года.

— Девяносто четвертый? Стало быть, тебе...

— Двадцать пять, — вставил мужчина, сидевший рядом.

Фэй обернулась к нему, быстро окинула взглядом от макушки до пят. Серый костюм. «Хьюго Босс». Белая рубашка, тщательно отутюженная. На левой руке платиновые часы «Ролекс» с голубым циферблатом уровня трехсот тысяч. Густые светлые волосы. Либо хорошая генетика, либо тайный визит в какую-либо клинику. Заурядная внешность, но, похоже, держит себя в форме. «Ходит в зал

«Фабрика атлетизма» на Эстермальме, — предположила Фэй. — Похоже, он из тех, кто любит единоборства».

— Знаю. Я выгляжу моложе, — проговорил бармен Брассе, наливая напиток в бокал в форме русской матрешки.

— Ты вполне, — сказала Фэй.

Мужчина рядом с ней хохотнул.

— Простите, — обратилась она к нему. — Вы что-то хотели?

— Нет-нет, не буду мешать...

Брассе ускользнул к другому концу стойки и начал принимать заказы. Фэй обернулась к мужчине в сером костюме, который тут же протянул руку.

— Давид, — представился он. — Давид Шиллер.

Она нехотя пожала его руку.

— Фэй.

— Красивое имя. Необычное.

По его глазам Фэй увидела: он понял, кто она.

— Так вы...

— Да, — коротко ответила Фэй.

Казалось, Давид понял намек — во всяком случае, дальше комментировать не стал. Вместо этого он кивнул на ее компьютер.

— Вы много работаете — подозреваю, в этом и кроется секрет вашего успеха. А у меня тут назначена встреча с другом.

— Хорошо, а чем вы занимаетесь?

Фэй отодвинула компьютер. Брассе лучше подходил для небольшого флирта, но теперь все равно не удастся сосредоточиться на работе. С таким же успехом она могла скоротать время за разговором с этим незнакомцем.

— Финансы. Банально, знаю. Финансист, потягивающий джин с тоником в баре «Кадьер».

— Да, немного банально. То есть — банально до ужаса.

— Просто затертое клише, если уж смотреть правде в глаза.

Шиллер улыбнулся ей, и в его лице произошла какая-то перемена. На мгновение он показался ей почти красивым.

— Совершенно нелепо, — согласилась Фэй и подалась вперед. — Давай поиграем в угадки о типичном представителе финансового мира. Посмотрим, сколько у меня будет верных ответов.

— Валяй, — сказал он с веселой готовностью, в глазах сверкнула искорка.

— О'кей, начнем с простого... — Она наморщила лоб. — «БМВ»? Нет-нет, «Альфа-Ромео»!

— Бинго.

Он снова улыбнулся, и Фэй не смогла удержаться, чтобы не улыбнуться в ответ.

— Так-так, «Театральный погребок» не менее одного... вернее, не менее двух раз в месяц.

— Бинго.

— Далее вопрос, где ты живешь — в квартире или на вилле. Эстермальм или Юрскольм. Или, может быть, в Сальтшёбадене? Да, думаю, у тебя вилла в Сальтшё.

— Снова бинго. Ты просто невероятно догадливая!

— Да, я такая. Но пока речь шла о вещах само собой разумеющихся. Дальше будет сложнее...

Фэй допила свой напиток, и Давид помахал Брассе.

— Заказать тебе еще такой же?

— Нет, теперь хочу попробовать напиток из матрешки.

Брассе кивнул и стал готовить заказ.

— Надеюсь, я не испортил того, что могло бы стать началом потрясающей истории любви. — Давид кивнул на Брассе.

— Да нет, я начинаю уставать от двадцатипятилетних, — ответила Фэй. — Они все такие сладенькие и восторженные...

— Сладенькие...

Давид засмеялся. Фэй вынуждена была признать, что ей нравится его смех.

— Ну что ж, продолжай угадывать. Пока ты во всем попала в точку. Немного тревожит то, что я такой ходячий шаблон.

— Так-так, дай подумать... Ты ведь точно занимаешься спортом. Борьба? «Фабрика атлетизма»?

— Точно. Мне там очень нравится.

— А какой вид борьбы?

— Бразильское джиу-джитсу.

— Само собой... Так, что еще? В последний год ты попробовал падел-теннис и теперь без ума от него?

— Бинго!

— Но твоя жена по-прежнему ходит играть в теннис на Королевский теннисный корт. Когда она свободна от верховой езды.

Давид приподнял брови.

— Бинго раз и бинго два... Уф, хватит, пожалуй, а то я начинаю чувствовать себя как «Фредди на солнечной стороне»^[6].

Фэй ухмыльнулась:

— Да, у вас и фамилия одинаковая. Кстати, какой марки у тебя садовый мангал?

Давид покачал головой и закрыл лицо руками, изображая притворный стыд.

— «Саммит S-670 GBS»^[7].

— Ну вот, видишь.

Получив свой напиток, Фэй осторожно пригубила его. У Давида засветился экран телефона — ему пришло смс-сообщение.

— Мой приятель уже здесь, занял место на веранде. Приятно было познакомиться... Фэй.

Когда он ушел, она обернулась к компьютеру и придвинула его ближе. От общения с Давидом у нее неожиданно улучшилось настроение, и она могла снова сосредоточиться на работе.

Тут на экране всплыло сообщение. От Керстин. Фэй как раз собиралась поднести бокал к губам, но ее рука замерла в воздухе. Куплен еще один пакет акций «Ревендж». Фэй сложила компьютер и попросила счет. Хорошее настроение бесследно улетучилось.

Пережженный кофе имел отвратительный вкус — как и всегда в аудиторской фирме «АКВ». Фирма занимала тесные и темные помещения, заставленные полками с папками, которые буквально лопались от бумаг. Однако Фэй и Керстин предпочли провести встречу в их офисе, а не в своем, куда более просторном и уютном. Разумнее всего пока не показывать своим сотрудникам, что что-то затевается. Как на иллюстрации, висевшей на стене у аудитора Эрьяна Биргерссона. Утка, которая плавно скользит по воде, а под водой

остервенело работает лапками. Это в точности показывало, как Фэй чувствовала себя сейчас.

— Еще кофе? — с энтузиазмом спросил Эрьян, однако и Фэй, и Керстин активно замотали головами. На одну чашечку они из вежливости согласились, но никто не желал подвергнуть себя этому сомнительному удовольствию еще раз.

— Итак, каково ваше мнение?

Фэй подалась вперед, вглядываясь в лицо Эрьяна. Аудитор был низкорослый и седоволосый, с очками в тонкой стальной оправе. Глаза его смотрели живо, и все, связанное с цифрами, дебетом и кредитом, вызывало у него неумеренный энтузиазм.

— Ну, тут дело сложное! — радостно ответил он, и Фэй почувствовала, что скрежещет зубами.

У нее стоял вопрос о жизни или смерти. Она воспринимала «Ревендж» как живое существо — из плоти и крови, дышащее, пульсирующее. В «Ревендж» продолжала жить Крис. Жюльенна была частью «Ревендж». Керстин. Все те женщины, чьи раны и шрамы легли в основу «Ревендж». Все их истории жили в этой фирме. Но теперь нашлись и те, кто угрожал ее существованию.

— Керстин совершенно права. Если посмотреть внимательно на покупку акций, можно увидеть некий паттерн, так что многое указывает: за ними стоит один и тот же скупщик.

— Вы можете увидеть, кто за этим стоит? Есть ли какой-то общий знаменатель?

— Пока нет, на это потребуется время. Как бы то ни было, тот, кто скупает акции — индивид или предприятие, — свое дело знает. Я бы провел аналогию с мотком пряжи. Хаотичное нагромождение компаний и закупок. Не следуй они все единому паттерну, трудно было бы увидеть, что за ними стоит один скупщик. Паттерн их выдал. Керстин, как я уже говорил, это мастерски распознала.

Он подмигнул Керстин, и Фэй с изумлением уставилась на него. Керстин такое обращение не понравилось.

— Сделайте все от вас зависящее, чтобы собрать как можно больше сведений. Как можно скорее, — проговорила она самым корректным тоном.

Эрьян, кажется, не замечал этого, а продолжал стрелять глазами в ее сторону.

— Само собой, Керстин. Само собой. Здесь, в «АКВ», мы всегда делаем все от нас зависящее, а я, скажу без ложной скромности, — один из лучших специалистов в отрасли. Помню, например, заказ от Министерства обороны, когда...

— Каково положение на сегодняшний день? — прервала его Фэй.

Из собственного опыта она знала, что истории боевых походов Эрьяна на почве аудита оказывались долгими и убивали в слушателях всякую искру радости жизни.

— Не слишком многообещающее.

— Мы догадались, но нам нужны подробности.

Фэй слышала, как сурово прозвучал ее голос, однако стресс и нетерпение подгоняли ее. Она — человек действия, ей хочется действовать, но, не располагая фактами, она чувствовала себя связанной по рукам и ногам. Чтоб дать отпор, ей нужно знать, кому и как.

— Новая покупка, совершившаяся вчера, наводит на мысль, что скупщик уже не осторожничает и не пытается скрыть, что осуществляется насильственное присоединение, то есть исходит из того, что колокольчик уже прозвенел.

Фэй выругалась себе под нос, и Керстин положила ладонь ей на руку. Фэй подумала, что никому не позволит присвоить себе то, что принадлежит ей. Никто не сможет отобрать у нее фирму, ради которой она столь многим рискнула и столь многим пожертвовала.

Предприятие Крис, которое Фэй унаследовала после смерти подруги, она интегрировала в «Ревендж». Это означало, что и вся империя продукции по уходу за волосами, созданная Крис, теперь находилась под угрозой. И будь у той малейшая возможность вернуться с той стороны, чтобы задушить ее голыми руками за то, что она это допустила, Крис обязательно бы так и сделала, это Фэй знала точно. Похоже, ей придется спать по ночам, оставив один глаз приоткрытым...

— Узнайте, кто за всем этим стоит. И дайте нам распечатку всего, что вам удалось собрать, — с этого мы и начнем работать.

Фэй поднялась, и на лице у Эрьяна отразилось разочарование. Он посмотрел на Керстин, которая тоже встала, взяла сумочку и расправила юбку.

— Понимаю, что у вас много дел, однако питаться все равно приходится, поэтому я хотел спросить...

Он в очередной раз взглянул на Керстин, которая в панике ущипнула Фэй за бедро.

Та откашлялась.

— Пообедать мы сейчас не успеем, но у вас есть мой номер телефона. Позвоните, как только что-нибудь выясните.

— Само собой. Но, боюсь, непросто будет вам, девочки, во всем этом разобраться. Может быть, пригласим людей от «Маккинси»? У них очень толковые ребята.

— Спасибо, нет.

Фэй захлопнула за ними дверь.

— Я намерена отказаться от услуг Эрьяна, — сказала она, когда они сели в такси. — Надо найти кого-нибудь другого.

Керстин кивнула.

— В тот момент, когда он называл нас девочками, я подумала о том же самом.

Вскоре такси остановилось у вращающихся золотых дверей «Гранд-отеля», и Фэй с Керстин вышли.

— Обед? — Фэй взяла свой плащ и сумочку, вопросительно глядя на Керстин.

— Мне нужно кое-что проверить прямо сейчас. Ты сможешь пообедать одна?

— Да, ясное дело; к тому же мне тоже надо кое-что сделать. Тогда увидимся в два? В моем номере? И засучим рукава.

— Да, в два — то что надо.

Керстин первая прошла через вращающуюся дверь, а Фэй попала в следующий отсек. Плащ она перекинула через руку, чтобы достать из сумочки ключ, и вздрогнула, когда кто-то дернул ее сзади. Она обернулась и увидела, что плащ застрял в дверях.

— Проклятье!

Фэй изо всех сил потянула за плащ, но тот застрял намертво. Портье, стоявший за конторкой у входа, поспешил к ней на выручку, но и у него ничего не получилось. Сделав виноватое лицо, он умчался вверх по лестнице за помощью, пока Фэй продолжала дергать плащ.

Кто-то постучал в стекло. Это был Давид, вчерашний мужчина из бара.

— Если ты сделаешь шаг назад, я навалюсь с этой стороны. Дергая за плащ, ты не сможешь повернуть дверь.

— Да, я уже заметила, — мрачно ответила Фэй.

Она отступила на шаг. Давид нажал на дверь. Образовалась большая щель, так что Фэй смогла высвободить свое плащ. Портье, спускавшийся по лестнице в сопровождении консьержа, казалось, вздохнул с облегчением.

Давид улыбнулся ей:

— Как хорошо, что все разрешилось.

— Спесишь на падел-теннис? — мрачно спросила Фэй.

Она понимала, что должна быть благодарна своему спасителю, однако тот выглядел слишком самодовольным из-за того, что смог изобразить из себя рыцаря на белом коне.

— Нет, я как раз собирался пойти пообедать где-нибудь поблизости. Ты обедала?

— Нет, — ответила Фэй и тут же пожалела о сказанном.

— Собираешься обедать?

— Да. То есть нет. Мне надо немного поработать, поэтому я хотела что-нибудь на скорую руку...

— Отлично, тогда пообедаем вместе. Предпочтешь остаться здесь или пойдем куда-нибудь?

— Лучше здесь.

Фэй снова прикусила язык. Да что с ней такое? У нее ведь нет ни малейшего желания обедать с этим незнакомцем. Впрочем, после встречи в аудиторской фирме ей все равно трудно будет сосредоточиться на работе, так почему бы не пообедать основательно?

— «Фуд-бар». Ты угощаешь, — сказала она.

Давид снова улыбнулся той самой улыбкой.

— Принимается.

— Предупреждаю тебя: я обхожусь дорого. Ем как лесоруб. И глушу шампанское, как жена богача, муж которой только что сбежал от нее с секретаршей.

— Отлично. Я при деньгах.

Он стал подниматься по затянутой коврами лестнице, потом обернулся и вопросительно взглянул на нее. Вздохнув, Фэй двинулась за ним.

— Нет, черт возьми, с какой стати тебе такая честь — угощать меня? Я угощаю.

Давид пожал плечами:

— Решать тебе. Но предупреждаю: я тоже дорого обхожусь.

— Я тоже при деньгах, — ответила Фэй.

Вопрос в том, как долго это будет оставаться правдой.

— Может быть, все же попробуешь устрицу? Ну самую маленькую...

Керстин бросила на Фэй полный отвращения взгляд.

— Даже не знаю, сколько раз ты задавала мне этот вопрос, — но разве когда-нибудь слышала какой-нибудь другой ответ? Нет.

— Клянусь тебе, они ужасно вкусные.

Фэй выжала на устрицу лимонный сок, а сверху положила чайную ложечку мелко нарезанного красного лука, вымоченного в уксусе.

— Нет, ты даже не представляешь себе, как много теряешь.

— Я предпочитаю приготовленную еду. Как вот этот омар, например. Никому не придет в голову есть его сырым.

Керстин потянулась к большому подносу с дарами моря, стоящему перед ними, за второй половинкой омара. «Стюрехоф» вибрировал от хохочущих посетителей, позвякивающих приборов и официантов в элегантной, расшитой золотом белой форме, ловко маневрировавших среди столиков.

— Ты же любишь селедку!

— Но ведь она не сырая, она... да какая же, черт побери, селедка? Малосольная? Маринованная? Во всяком случае, не сырая.

— Ну, раз ты так говоришь...

— Замолчи и ешь свои ракушки. Иначе я и твою половинку омара съем.

— Бери, я еще не проголодалась после обеда.

Фэй откинулась на стуле, потягивая вино. К ужасу официанта, она заказала целую бутылку «Амароне»^[8]. Видимо, считалось, что этот напиток не сочетается с дарами моря. Однако персонал здесь слишком

хорошо вышколен, чтобы указывать посетителям на такие вещи. Посетитель всегда прав. Впрочем, Фэй не сомневалась, что сомелье рыдает на кухне.

— Кстати, обед... Ну как, было мило?

— Да ладно, ничего такого; я просто случайно заговорила с ним вчера в баре отеля. Как раз такой тип мужчины, которого и ожидаешь встретить в «Кадиере».

— Однако, похоже, вы с ним хорошо посидели? Ты сегодня несколько раз его упоминала...

— Послушай, теперь ты начинаешь мне надоедать.

Фэй потянулась за морским раком и принялась ловко очищать его. Если ты родился во Фьельбаке, то дары моря сумеешь очистить даже во сне.

— Да. Нет. Мы хорошо посидели. Он с юмором, довольно эрудированный, при этом не поучает. Всегда приятно встретить в мужчине такое редкое качество.

Керстин подняла брови, и Фэй покачала головой:

— Хватит о моем обеде. Итак, у нас есть план, так?

Всю вторую половину дня обе провели в номере у Фэй, обсуждая, что им известно и какие возможности для маневра имеются. Их оказалось куда меньше, чем надеялись две женщины. Фэй и Керстин перебирали названия фирм и фамилии людей, которые, по их мнению, могли стоять за скупкой акций, однако никто не казался более вероятным, чем остальные. Фэй просто не могла додуматься, кто же пытается отнять у нее «Ревендж».

Не могла она понять и того, как акционеры могли начать продавать акции у нее за спиной. Женщины, с которыми она бок о бок прошла подъем и успех «Ревендж». Никакого недовольства не наблюдалось. Все лишь хвалили ее стиль руководства, пресса писала о ней восторженные статьи, ее удостоили награды «Бизнес-леди года». Никто никогда не высказывал никаких жалоб, от которых могли бы загореться тревожные лампочки. Фэй просто не могла понять, как это возможно.

— Ты не можешь вот так оставить голову, — возмущенно проговорила она, указывая на половинку омара Керстин. — Это коричневое — омаровое масло, самое вкусное. Можно высосать мясо

из этих мелких косточек, а в хвосте есть тонкие-тонкие полосочки мяса, если раздвинуть плавники...

— Уж позволь мне есть так, как я считаю нужным, — проворчала Керстин и положила панцирь омара обратно на поднос, взяв вместо него горсть креветок.

— Может быть, закажешь себе в следующий раз омаров в банке — не придется возиться с панцирем...

Керстин со смехом замотала головой и откинула челку тыльной стороной ладони. Взяв в рот глоток «Амароне», Фэй наблюдала за Керстин, которая с трудом чистила своих креветок. В очередной раз у нее мелькнула мысль, как она благодарна подруге за то, что та вошла в ее жизнь. Когда они встретились, все было совсем по-другому. Когда Фэй сняла комнату на вилле у Керстин в Эншеде, Керстин жила там одна, поскольку ее негодяй-муж находился на длительном лечении после инсульта. Керстин не скучала по нему, поскольку он превратил ее жизнь в ад — в психическом и физическом смысле. Постепенно женщины сблизились, стали одной семьей и теперь стояли друг за друга и в горе, и в радости. У Фэй с трудом получалось доверять людям, но Керстин она доверяла слепо.

Благообразный господин с седой шевелюрой и ухоженными усиками задержал взгляд на Керстин чуть дольше обычного. Фэй толкнула ее ногой под столом.

— Вон там, на два часа. Старик, который выглядит так, словно сошел с картинки о колониальных временах. Глаз от тебя не отводит. Ты начала пользоваться мускусным маслом или что вообще происходит?

Керстин покраснела до ушей.

— Не собираюсь даже отвечать. Закажи мне бокал шардоне и давай поговорим о наших планах на завтра.

Жестом подозвав официанта, Фэй сделала заказ. Мужчина с усиками улыбнулся Керстин, которая изо всех сил пыталась игнорировать его.

— Начнем со «Скавлан»^[9], а потом поделим между собой акционеров, которые еще не продали свои пакеты акций, и побеседуем с ними.

Фэй взяла с серебряного блюда еще одного рака.

— Важно не раскрывать карты перед ними. Мы же не хотим, чтобы они знали, что на предприятие ведется атака.

— Знаю, но самое главное, на мой взгляд, — помешать тому, чтобы и другие стали продавать...

— От господина за тем столиком.

Официант установил рядом с их столиком ведро с бутылкой шампанского, изящным движением поставил перед ними по бокалу и с громким хлопком открыл бутылку.

Фэй многозначительно подняла бровь. Керстин фыркнула.

— Я же говорила. — Фэй усмехнулась. — Muskusное масло.

Она предполагала, что Керстин делало неотразимой для мужчин то счастье, которое та испытывала с тех пор, как познакомилась с Бенгтом.

Фэй кивнула колониальному дядечке, который поднял свой бокал в тосте, улыбаясь от уха до уха, и снова пнула Керстин под столом.

— Веди себя прилично. Чокнись, поблагодари. Никогда не знаешь, к чему все это может привести.

— Фэй!..

Керстин снова покраснела. Но подняла свой бокал и одарила незнакомца любезным взглядом.

Свет прожекторов в студии слепил глаза. Фэй потеряла счет времени — не знала, как давно продолжается интервью, сколько еще осталось. Публика сидела рядами на трибуне, словно голодная безликая масса, ловя каждое слово, каждое малейшее изменение в ее лице.

В таких ситуациях Фэй обычно чувствовала себя как рыба в воде. Будучи артистической натурой, она обожала сидеть перед публикой, ощущать напряжение во время записи телепередачи. Но сегодня чувствовала себя не в своей тарелке.

Мысль о том, что кто-то пытается скупить акции, почти всю ночь не давала ей заснуть, и Фей без конца ворочалась в постели. Все слова она продумала заранее — мысленно выстроила беседы с теми женщинами, которых ей предстояло убедить сохранить свои пакеты

акций, не раскрывая им, что что-то затевается. Непростая задача, которая потребует такта и ловкости.

От мыслей ее оторвала повисшая пауза. Ей задали вопрос и ожидали от нее ответа.

— В ближайшее время планируется выход на американский рынок, — услышала она свой собственный голос. — Я пробуду в Стокгольме около месяца, чтобы встретиться с возможными инвесторами и обсудить детали. К тому же я хочу лично наблюдать за новой эмиссией.

В студии царила невыносимая жара. По спине стекала струйка пота.

Фредрик Скавлан, норвежский ведущий программы, выпрямился.

— Эта неиссякаемая страсть... Что тобой движет? Ведь ты уже миллиардерша. Икона феминизма.

Фэй выдержала паузу. Другими гостями в студии были актер из Голливуда, женщина-профессор, только что выпустившая документальную книгу, разошедшуюся огромным тиражом, и еще одна женщина, которая поднялась на Эверест с протезом вместо одной ноги. Голливудский актер откровенно флиртовал с Фэй с того момента, как она вошла в студию.

— Перед смертью моей лучшей подруги Крис я пообещала ей жить за нас обеих. Я хочу проверить, насколько могу преуспеть и что могу создать. Более всего я боюсь умереть, не успев реализовать свой потенциал.

— А Жюльенна, твоя дочь, убитая твоим бывшим мужем... Что означает для тебя память о ней?

Фредрик Скавлан подался вперед, напряжение в студии возросло.

Фэй выждала, прежде чем ответить, наблюдая, как накаляются страсти. Ответ она разучила заранее, но важно было произнести его с чувством.

— Она всегда со мной, что бы я ни делала. Когда боль и тоска становятся невыносимыми, я с головой ухожу в работу. Я управляю «Ревендж» и помогаю компании расширяться, чтобы не сойти с ума. Не хочу стать очередной женщиной, молчащей о поступках своего мужа. Не позволю ему — мужчине, которого я когда-то любила, но который убил нашу дочь, — убить и меня тоже.

Фэй сжала губы, и слеза медленно скатилась у нее по щеке, упав на блестящий черный пол студии. Все это давалось ей без труда. Боль таилась под самой поверхностью, так что пробудить ее было проще простого.

— Спасибо, Фэй Адельхейм, что ты пришла сюда и поведала нам свою историю. Я знаю, что тебя ждут срочные дела и тебе пора идти.

Публика вскочила на ноги; затрещали аплодисменты, которым, казалось, не будет конца. Они продолжались, пока Фэй шла через студию, мимо трибуны и далее за сцену.

По пути к своей гримерной она подозвала девушку с наушником в ухе и попросила вызвать ей такси. В конце коридора услышала голос голливудского актера, который окликнул ее. Проигнорировав его, закрыла за собой дверь. В гримерной жужжал кондиционер. В углу, словно забытый кем-то, стоял просиженный диван горчичного цвета. Фэй остановилась и, прислонившись к стене, постаралась улыбнуться своему отражению в зеркале. Миссия выполнена. Все прошло прекрасно. Фрагменты правды, полуправды и лжи сложились в единый образ — такой она хотела подать себя. Однако Фэй не ощущала обычного прилива адреналина, как всегда после хорошо проведенного выступления на телевидении. Тревога накрыла ее, словно мокрое одеяло, которое не получалось сбросить. Она совершила большую ошибку — восприняла будущее как данность. Ее охватила та же гордыня, которая заставила Икара подлететь слишком близко к солнцу на своих скрепленных воском крыльях. Теперь ей придется расплачиваться — покуда воск плавится, а ее крылья рассыпаются на части.

Фьельбака, давным-давно

В день рождения, когда мне исполнилось тринадцать лет, меня впервые изнасиловали. На самом деле тот день ничем не отличался от других. Скорее по чистой случайности все произошло именно в мой день рождения. Никакого празднования устраивать не стали, поскольку папа заявил, что это пустая трата денег; к тому же он не захотел вставать до работы пораньше, чтобы спеть мне традиционную песню.

За ужином — на ужин была запеченная рыба — мы тоже сидели молча. Я, Себастиан, мама и папа. Несколько раз мама попыталась заговорить, вставить какие-то житейские фразы, чтобы завести разговор, хотя бы на несколько секунд создать ощущение нормальности, но после того как папа наорал на нее, велел ей заткнуться, она сидела молча, ковыряясь в тарелке. Я все же оценила то, что она попыталась. Вероятно, это и не соответствовало действительности, но мне показалось, что мама особенно старалась по случаю моего дня рождения. Я поспешно погладила ее по руке под столом, желая без слов выразить благодарность; даже не знаю, уловила ли она мой жест.

Покончив с ужином, папа встал и вышел, оставив тарелку на столе. Себастиан поставил свою в мойку. Мы с мамой не возражали против того, чтобы заняться мытьем посуды. Напротив, готовя ужин, мама успевала максимально напачкать в кухне, чтобы тот момент, когда мы остаемся одни в кухне, наводя порядок, продолжался как можно дольше.

В гостиной включился телевизор, и мы улыбнулись друг другу, с облегчением отметив, что остались одни. Под прикрытием звона посуды и шума воды из крана шепотом начали рассказывать друг другу, как провели день. Я обычно присочиняла и добавляла кое-что от себя, чтобы рассказ звучал повеселее, чтобы мама не расстраивалась. Думаю, она поступала так же. Эти краткие минуты в кухне стали нашей отдушиной. Так зачем портить их чем-то столь мрачным, как реальность?

— Пошли.

Мама взяла меня за руку, оставив воду течь, чтобы папа думал, что мы все еще моем посуду. Вслед за ней я выскользнула в прихожую. Запустив руку в карман своей куртки — осторожно, чтобы не зашуршать, — мама протянула мне маленький пакетик, завязанный ленточкой с бантиком.

— С днем рождения, моя дорогая, — прошептала она.

Я осторожно развязала бант, развернула бумагу и беззвучно открыла крышку коробочки, лежавшей внутри. Там лежала серебряная цепочка с кулоном в виде крыльев. Ничего прекраснее я в жизни не видела.

Я крепко обняла маму. Долго держала ее в объятиях, вдыхала ее запах, ощущая, как ее сердце тревожно стучит в груди. Когда мы разомкнули объятия, она достала цепочку из коробочки и надела мне на шею. Потом ласково потрепала меня по щеке и вернулась к посуде. Я коснулась пальцами крыльев. На ощупь они показались мне такими хрупкими...

В гостиной кашлянул папа. Я отпустила крылышки, поспешно спрятала кулон под джемпером и пошла в кухню помогать маме с мытьем посуды.

Когда мы закончили, я поднялась в свою комнату, находившуюся рядом с комнатой Себастиана. Быстренько сделала уроки. Хотя я ходила в седьмой класс, учебник математики у меня был для девятого. Я пыталась протестовать, зная, что это еще больше разозлит моих одноклассников и вызовет настоящую войну по отношению ко мне, но учитель настаивал. Он сказал мне, что надо приложить усилия, чтобы чего-то добиться в этом мире.

Письменный стол у меня был старый, кривой и весь в следах от ручки, когда та выходила за пределы бумаги. Время от времени мне приходилось подгонять картонку, лежавшую под одной ножкой, чтобы стол не качался.

Положив ручку, я потянулась. Как часто бывало, взгляд мой упал на книжную полку. Потрепанные, многократно перечитанные книги. Временами мне приходилось с тяжелым сердцем расчищать на ней место для новых книг, которые я находила на блошином рынке или получала в подарок от доброй библиотечарши Эллы, когда библиотека Фьельбаки избавлялась от излишков.

С некоторыми книгами я никогда не соглашусь расстаться. «Маленькие женщины», «Тесс из рода д'Эрбервилей», «Жизнь и любовь дьяволицы», «Кристина, дочь Лавранса», «Поющие в терновнике», «Грозовой перевал», «Маленькая принцесса». Это были не просто книги, доставшиеся мне от мамы, — в них таились воспоминания. Магические моменты, когда мне удавалось ускользнуть в иной мир, сбежать из моего собственного, побыть кем-то другим.

Там, где стены не были закрыты книжными полками, я повесила изображения своих любимых писателей. Когда у других девчонок в классе на стенке висели «Тейк Зэт», «Бон Джови», «Блёр» и «Бойзоун», на меня смотрели Сельма Лагерлёф, Сидни Шелдон, Артур

Конан Дойл, Стивен Кинг и Джекки Коллинз. Когда-то они были любимцами моей матери. Теперь они стали моими. Моими героями. Они отрывали меня от моей повседневной жизни и уносили далеко-далеко. Я понимала, что за такое меня обзовут ботаником. Но ко мне в гости все равно никогда никто не приходит, так кто же увидит?

Я решила не чистить зубы и сразу перебралась на кровать, слыша, как Себастиан бродит туда-сюда в своей комнате. На нижнем этаже папа ругал маму; та молчала, стиснув зубы, — думаю, она обещала исправиться в надежде, что этого окажется достаточно, чтобы хотя бы сегодня избежать побоев. В этом году мама уже четыре раза обращалась в «травму». Неужели они не разгадали ее отговорки по поводу дверей, на которые она наткнулась, и лестниц, с которых она упала? Целый дом, вся обстановка которого ополчилась против нее, словно могущественный деревянный враг... Ни один нормальный человек не мог бы в это поверить. Но никто ничего не предпринял. В этом маленьком поселке не принято было выносить сор из избы. Все казалось гораздо проще, когда ото всех ко всем тянулись нити взаимной зависимости — как гигантская паутина.

Я легла на бок, лицом к стене, положив голову на руки. Будучи поменьше, мы с Себастианом часто перестукивались через стенку. Особенно когда папа бил маму. Но с нашего последнего перестукивания прошло уже несколько лет. Иногда он спал в моей постели, когда мама с папой ссорились; лежал, свернувшись клубочком, как маленький щенок. Но чаще мы перестукивались. Однажды вечером Себастиан перестал мне отвечать. Я пыталась, неделями пыталась достучаться до него, но однажды он влетел ко мне в комнату и заорал на меня, чтобы я перестала колотить ему в стенку.

— Маленькая шлюшка! — крикнул он.

Запинаясь, я извинилась, потрясенная его словами.

Это совпало по времени с тем моментом, когда его перестали дразнить в школе и он подружился с двумя парнями старше себя, которые пользовались популярностью. С Томасом и Рогером.

Томас всегда смотрел мне в глаза, когда мы сталкивались в школе. В нем мне чудилось нечто трогательное, хрупкое, но все же очаровательное, поэтому я всегда немного сбавляла шаг, встречаясь с ним в школьном коридоре. Иногда я надеялась, что он придет как-

нибудь вместе с Себастианом к нам домой. Но чаще надеялась, что не придет.

Я погасила верхний свет, кровать превратилась в островок света среди тьмы, и поскольку я дочитала перед ужином детектив Агаты Кристи, а новых книг в библиотеке взять не успела, то достала «Приключения Гекльберри Финна» — одну из тех книг, от которых я никогда не избавлюсь и которую перечитывала десяток раз.

Глаза слипались от усталости, но мне требовалось забыться, так что я стала читать, чтобы не встречаться лицом к лицу с собственными мыслями. Чем больше я устану, тем быстрее засну, и мне не придется лежать в темноте.

Где-то около полуночи я услышала, как распахнулась дверь. Я ожидала услышать скрип на лестнице, когда кто-то крадется вниз в туалет. Но этих звуков не последовало; вместо этого распахнулась дверь моей комнаты. Сперва я обрадовалась, подумав, что это означает: мы с Себастианом снова начнем общаться. В последнее время мне его так не хватало...

Бар «Кадьер» был заполнен до половины. Туристы и бизнесмены расположились на диванчиках и в креслах с бокалами в руках. То и дело пробегали туда-сюда быстроногие официанты. Фэй отодвинула пустую тарелку; тут же подбежал официант и спросил, не желает ли она чего-нибудь еще. Покачав головой, она откинулась в кресле, глядя на освещенный королевский дворец по другую сторону Стрёммена. Группа американцев за соседним столиком громко и недовольно обсуждала представления шведов о том, как должен выглядеть дворец. По их словам, он у них скорее похож на тюрьму. Фэй подумала, что дворцы из диснеевских мультфильмов создали у них неверные ожидания.

После напряженного дня она чувствовала себя совершенно опустошенной. Сначала «Скавлан», потом несколько бесед с акционерами, с одними по телефону, с другими лично. Но все прошло великолепно. По ее мнению, ей удалось, не возбуждая подозрений, донести свою мысль — что они должны сохранить за собой свой пакет

акций. Они с Керстин выработали стратегию, которая, похоже, сработала — намекнуть, что в связи с расширением в США намечаются большие дела, так что разумнее всего будет попридержать свои акции.

Голос, звучавший все громче, заставил ее обернуться. За несколько столиков от нее сидели мужчина лет пятидесяти и женщина двадцати с небольшим. Они могли оказаться отцом и дочерью, но Фэй вскоре поняла, что здесь происходит собеседование. Молодая женщина пыталась держаться профессионально и говорить о своих деловых качествах, в то время как мужчина, все более хмелея, спрашивал, есть ли у нее бойфренд, много ли она пьет, и уговаривал ее выпить и «расслабиться».

Фэй покачала головой, ощущая, как внутри нее клокочет ярость.

— Точно не хочешь джин с тоником? — спросил мужчина. — Или предпочитаешь сладенькие напитки? Может быть, мохито?

Молодая женщина вздохнула.

— Спасибо, не стоит, — проговорила она.

Фэй стало жаль ее. Нетрудно догадаться, что у мужчины, который, судя по разговору, являлся владельцем рекламного бюро, в голове было нечто иное, нежели прием на работу.

Фэй поднялась и, держа в руке бокал, подошла к их столу. Мужчина, всю рассуждавший о своей яхте, на которую только что пригласил молодую женщину, замолк от неожиданности.

— Я не могла не услышать потрясающий рассказ о том, как ты создал свое бюро. Отличная работа.

Легко было заметить, что мужчина узнал Фэй. Облизнув губы, он кивнул и гордо произнес:

— Тяжелый труд приносит результаты.

— Как тебя зовут? — спросила Фэй, протягивая руку.

— Патрик Ульман.

— Фэй. Фэй Адельхейм. — Она улыбнулась ему. — Но один момент несколько удивил меня, Патрик, поэтому я решила спросить тебя: при приеме на работу новых сотрудников ты всегда проводишь интервью в барах отелей в столь поздний час или только когда речь идет о молодых женщинах?

Патрик Ульман открыл было рот, но тут же снова закрыл его. В эту минуту он более всего напоминал окуня, хватающего ртом воздух

на разогретых солнцем мостках.

— Это выглядит как весьма сомнительный способ узнать о деловых качествах человека — пытаться подпоить его, спрашивать о бойфрендах и тут же пригласить к себе на яхту. Но, может, я чего-то не понимаю?

Молодая женщина скривилась. Лицо Патрика Ульмана все заметнее краснело. В глубине его горла зародился какой-то звук, но Фэй опередила его:

— Что у тебя там, «Галеон 560»? Дорогой мой, на такой пластмассовой посудине я даже на рыбалку отправиться не рискнула бы.

Женщина уже не могла сдерживать смех.

— Ах ты проклятая су...

Фэй подняла в воздух палец и подалась вперед, так что их носы почти соприкоснулись.

— Проклятая кто? — тихо переспросила она. — Что ты собирался сказать, Патрик?

Мужчина сжал губы. Фэй выпрямилась.

— Я так и подумала.

Она улыбнулась ему, отпила глоток вина и, повернувшись к женщине, достала из сумочки свою визитную карточку и положила перед ней.

— Если тебе нужна настоящая работа или возникнет желание прокатиться на настоящей яхте, напомни о себе.

Развернувшись на каблуках, она вернулась к своему столику и уселась.

Красный как рак Патрик Ульман что-то пробормотал своей спутнице, расплатился и выбежал прочь.

Фэй помахала вслед его удаляющейся спине, допила вино и уже собралась встать, чтобы отправиться к себе в номер. Она мечтала опуститься в горячую ванну, смыть телевизионный макияж и забраться в постель.

Ее мысли прервало вежливое покашливание. Обернувшись, Фэй увидела, что рядом стоит Давид Шиллер. В его глазах блестели искорки смеха. Раньше она не обращала внимания, какого цвета у него глаза. Лазурные. Как Средиземное море. В одной руке Давид держал бокал сухого мартини.

— Хотел поблагодарить тебя, — начал он.

— За что? — с вызовом спросила Фэй.

— За то, что ты только что сделала. Этот твой поступок навел меня на мысль о моих дочерях. Я хочу, чтобы они выросли с уверенностью, что весь мир лежит у их ног, как когда-то казалось мне. Через несколько лет мои Стина и Фелиция станут как эта молодая женщина. И я так рад, что есть такие люди, как ты, стоящие на их стороне.

От его слов в груди у нее что-то сжалось. Фэй подняла бокал, обозначая тост.

— В чем суть взятки за молчание, если никогда не просить народ заткнуться, — ответила она. Давид, который как раз отпил мартини, рассмеялся, так что прозрачная жидкость выступила на уголках его губ. — Так говорила моя лучшая подруга Крис.

— Выпьем за Крис, — ответил Давид.

Он не обратил внимания, что она сказала в прошедшем времени, а Фэй не стала это подчеркивать. Боль оставалась слишком сильной. У нее даже не хватало сил на то, чтобы общаться с Юханом — тем прекрасным мужчиной, с которым Крис обвенчалась на смертном одре. Он слишком напоминал Фэй о том, что она потеряла.

Она снова взглянула на Давида. Пожала плечами, сама не зная чему — вероятно, своим прошлым возражениям, — и спросила:

— Не хочешь присесть?

Они заказали новые напитки: сухой мартини Давиду и джин с тоником для себя.

— И давно ты живешь в отеле? — спросила она, отставив свой бокал. — Ибо я подозреваю, что ты живешь здесь. В противном случае у тебя нездоровая склонность постоянно болтаться в «Гранд-отеле».

Давид поморщился:

— Я живу здесь уже две недели.

— Долго. Есть для этого какие-то особые причины? Зачем жить в отеле, имея виллу в Сальтшёбадене?

Он вздохнул:

— Я в состоянии развода с мамой девочек.

Достав из своего напитка оливку, отправил ее в рот и произнес, обведя рукой вокруг:

— Бывает и хуже. Как-никак я живу в «Гранд-отеле». Всего в нескольких шагах отсюда на тротуарах спят бездомные, у которых не хватает денег заплатить за самую примитивную ночлежку. Остается посмотреть правде в глаза. Юханна справляется с материнской ролью куда лучше, чем я с отцовской, как бы я ни старался, так что более чем логично, что она осталась с ними в нашем доме. Но, черт подери, как я по ним скучаю...

Фэй отпила глоток джина с тоником. Ей понравилось, как он отзывается о будущей бывшей жене. Уважительно, не пытаюсь изобразить другую сторону как злобного монстра.

Давид рассмеялся — мысль о дочерях что-то пробудила в нем.

— В субботу Стина и Фелиция придут сюда. Съездим в «Грёна Лунд», а потом нас ждет квест по Гарри Поттеру. Боюсь, что я, как ни печально, жду этого момента с бóльшим нетерпением, чем они.

Он взмахнул в воздухе воображаемой волшебной палочкой, и Фэй не смогла сдержать улыбку.

— Мы уже выяснили, что ты финансист. Чем конкретно ты занимаешься? — спросила она.

Фэй вынуждена была признать, что Давид пробудил в ней интерес. В нем чувствовалась некая обезоруживающая открытость, которая притягивала ее.

— Я... собственно говоря, я тот, кого называют «бизнес-ангелом». Нахожу интересные новые компании и инвестирую в них, стараясь сделать это на максимально более ранней стадии.

— И во что же до сих пор были твои самые удачные инвестиции?

Давид назвал компанию в области биотехнологий, хорошо известную Фэй. Ее основатели сделали стремительную карьеру на бирже и теперь стоили сотни миллионов, а компания продолжала расти.

— Отлично. Поздравляю. Насколько рано ты в них вложилась?

— Ой, настолько рано, что парни еще не закончили школу. Они учились в Чальмерс^[10], и все это началось как студенческий проект. Однако по поводу их инновации появилась заметка в газете, я ее случайно прочел, заинтересовался, связался с ними и... ну, остальное уже история. В первую очередь инвестируешь в людей, создавших то или иное предприятие. У некоторых людей есть такая черта, которая приведет их к успеху, которая не позволяет им сдаться. Остается

только найти их. Многие, кто приходит ко мне со своими бизнес-планами, — всего лишь привилегированные сынки богачей, которым никогда ни за что не приходилось бороться. Они думают, что стать предпринимателем — раз плюнуть.

— Знаю-знаю, я училась с такими в Торговом институте.

Давид указал на ее джинс с тоником.

— Сегодня ты не взяла тот коктейль?

— Нет. На самом деле я человек привычки и обычно предпочитаю классику.

— Существуют веские причины, по которым они стали классикой, — произнес Давид, поднимая бокал с мартини.

— Это верно.

Поверх своего бокала Фэй исподтишка разглядывала Давида. Ей imponировала его предприимчивость. Чтобы проворачивать такие дела, требуются умение, интуиция, знания и солидный капитал.

— Все же это, должно быть, рискованно?

— Пить сухой мартини?

— Ха-ха... Нет, вкладывать свои деньги в новые компании. На моих глазах многие предприятия сошли на нет, как бы хороша ни была их бизнес-идея или продукция. Предпринимательство таит в себе множество опасностей, плюс рынок очень капризен.

— Да уж, ты в этом разбираешься не хуже меня... Но должен тебе сказать — меня очень впечатлило то, что ты проделала с «Ревендж». Классический пример того, как за небольшой промежуток времени можно довести компанию до миллиардного уровня. Достоинно всяческого восхищения.

— Спасибо.

— Возвращаясь к твоему вопросу: ты права, это бизнес высокого риска, но я люблю его от начала до конца. Если не рисковать, то и жить не стоит.

— Согласна.

Фэй задумчиво провела пальцем по краю бокала. Бар вокруг них стал заполняться посетителями, гул голосов становился все громче. Бармен Брассе вопросительно кивнул в сторону их почти опустевших бокалов. Фэй взглянула на Давида, но тот покачал головой.

— Я бы с удовольствием остался и пропустил бы с тобой еще по бокалу. Или по два. Или по три. Но как раз сегодня у меня деловой

ужин, который надо как-то вынести. И — да, в «Театральном погребке»...

Фэй ответила на его улыбку, с удивлением отметив, что испытывает разочарование. В его обществе она чувствовала себя комфортно.

Давид помахал Брассе:

— Напиток дамы запишите мне на счет. — Взяв в руки куртку, обернулся к Фэй. — Не спорь. Лучше угости меня в ответ при удобном случае.

— С удовольствием, — ответила Фэй. Она говорила от чистого сердца.

Когда он пошел через помещение к выходу, она проводила его долгим взглядом.

Сидя на террасе своего номера, Фэй допила остатки смузи и вытерла рот салфеткой. Потом потянулась к телефону. Следовало вернуться к компьютеру и проверить, сколько сообщений пришло за ночь на электронную почту, но в животе ощущался непроходящий спазм — тоска по Жюльенне. Поэтому она набрала номер и с нетерпением ждала, слушая сигналы.

Трубку сняла Ингрид. Немного поговорив с ней, Фэй попросила дать трубку Жюльенне. В груди потеплело, когда она услышала совсем рядом голосок дочери, которая с восторгом рассказывала, что научилась нырять до самого дна.

А затем последовал неизбежный вопрос:

— Мама, ты сегодня вернешься домой?

— Нет, — ответила Фэй и почувствовала, что голос не слушается ее. — Мне придется остаться чуть дольше. Но очень скоро я вернусь к вам. Я люблю тебя, очень скучаю и посылаю тебе массу поцелуйчиков.

Положив трубку, она вытерла непрошенные слезы. Живот снова свело спазмом, тоска засела внутри, как острый шип, однако Фэй убеждала себя, что дочери хорошо в Рави вместе с бабушкой. Теперь надо отогнать от себя мысли о Жюльенне и снова приспособиться к миру, где все думают, что дочери нет в живых...

Вернувшись в номер, она подошла к шкафу, на дверце которого висел синий брючный костюм.

Светило солнце; подступала жара, хотя на часах еще не было двенадцати. Пролистав газеты, Фэй отметила, что метеорологи предсказывают необычно жаркое лето.

В понедельник она наконец-то получит ключи от квартиры.

— Могло быть и хуже, — пробормотала Фэй и улыбнулась, вспомнив предыдущий вечер с Давидом Шиллером.

Его шарм застал ее врасплох. Слова о том, что без риска и жить не стоит, заставили ее о многом задуматься. Как она в своей работе с «Ревендж» могла не моргнув глазом пойти на большой риск, в то время как в личной жизни окружала себя такой высокой стеной, что ее не преодолеть без лестницы... Давно уже не случалось, чтобы мужчина сказал нечто такое, что заставило бы ее задуматься о себе. Но с этим Давидом Шиллером многое было по-другому.

Включив компьютер, Фэй стала готовиться к встрече с Иреной Арнель в таверне «Брилло» на площади Стюреплан. Эту встречу она сознательно отложила, воспринимая беседы с другими инвесторами как своего рода разминку. Ирена была ее первым и самым крупным инвестором. Живая легенда шведского финансового мира. К тому же со временем они подружились.

Ирена стала одним из немногих людей, к которым Фэй обращалась за советом, однако в последний год она не часто выходила на контакт. Фэй уже и не знала, что происходит в ее жизни.

Она «погуглила» имя Ирены. Некоторые статьи, вышедшие в последний год, она прочла, но кое-что упустила. Год стал для Ирены удачным. Два новых важных поста в правлениях крупных компаний, на шумевшая продажа одной из компаний, успеху которой она способствовала, и новая должность в качестве генерального директора в одной из самых уважаемых финансовых компаний Европы. В жизнь Ирены вошел также новый мужчина — наследник итальянской автомобильной компании... Да, будет о чем поговорить за обедом.

Синий брючный костюм от «Проэнза Скулер» сидел на Фэй безупречно. Поддавшись сиюминутному порыву, она купила его когда-то в магазине Натали Шуттерман, отдав за него целое состояние, но сегодня ей важно было чувствовать себя потрясающей. Разгладив

ладонью несколько чуть заметных морщинок на ткани, Фэй подумала, что готова начать день.

* * *

Выйдя в холл, она надела темные очки. Краем глаза заметила, как какая-то женщина поднялась с диванчика и направилась к ней.

— У вас есть минутка?

Фэй наморщила лоб — женщина показалась ей смутно знакомой. Решив, что это журналистка, она подумала, что пора снова привыкать к постоянному вниманию, и ответила как можно любезнее.

— Сейчас не самый лучший момент.

Бросив взгляд через плечо, женщина достала из кармана джинсов полицейское удостоверение. *Ивонна Ингварссон*. Теперь Фэй вспомнила: это та женщина-полицейский, которая вела следствие об убийстве Жюльенны. На мгновение прикрыв глаза, она мысленно вошла в роль скорбящей матери. Прошептала:

— Вы нашли ее? Вы нашли мою Жюльенну?

Ивонна Ингварссон покачала головой.

— Мы можем сесть и поговорить в уединенном месте?

Взяв Фэй под локоть, она повела ее через вращающиеся двери, вниз по лестнице, на набережную перед отелем. Там они сели на скамейку.

— Мы пока не обнаружили те... вашу дочь, — проговорила женщина-следователь, провожая глазами паром, идущий на Юргорден.

Фэй заставила себя держаться спокойно, предоставив Ивонне Ингварссон сделать первый шаг. Тревожно, что та решила с ней связаться, но пока ничего катастрофического не произошло.

— Вы по-прежнему утверждаете, что находились в Вестеросе в ту ночь, когда ваш бывший муж убил вашу дочь?

Фэй поежилась, мысленно радуясь, что на ней солнечные очки.

— Да, разумеется, — тихо ответила она.

— На углу Карлавеген и Стюрегатан есть банкомат, — спокойно проговорила Ивонна Ингварссон, по-прежнему не отрывая глаз от воды.

Фэй собралась с мыслями. Если у них против нее что-то есть, они не сидели бы здесь и не беседовали так спокойно на солнышке.

— И что?

— Камера зафиксировала человека, подозрительно похожего на вас, но вы, стало быть, находились в Вестеросе?

Наконец Ивонна Ингварссон повернула голову и взглянула на Фэй, которая и бровью не повела.

— На что вы тут намекаете? — возмутилась Фэй. — Что вы такое утверждаете?

Ивонна Ингварссон приподняла одну бровь.

— Я ничего не утверждаю. Я задала вопрос: не может ли быть так, что вы находились неподалеку от предполагаемого места убийства, а не в номере отеля в Вестеросе?

Повисла пауза. Фэй взяла сумочку и поднялась.

— Не понимаю, что вы имеете в виду. Делайте свое дело вместо того, чтобы утверждать такие нелепые вещи. Найдите тело моей дочери.

Развернувшись, она пошла прочь, чувствуя, как сердце колотится в груди.

В таверну «Брилло» Фэй явилась с опозданием на пятнадцать минут. По спине у нее стекал пот. Ирена Арнель с улыбкой поднялась из-за круглого столика, расположенного во внутреннем зале красивого помещения. Высоко подняв голову, Фэй проигнорировала шепотки и любопытные взгляды других посетителей, обняла подругу, и обе уселись.

— Ирена, мы так давно не виделись... Прости, что я опоздала.

— Ничего страшного. Согласна, давненько, но я понимаю, что у тебя было так много всего.

— Да, у меня выдался интенсивный год — тут и подготовка к новой эмиссии, и экспансия на рынке США, и к тому же непростая задача интегрировать в «Ревендж» концерн «Куин-групп», принадлежавший Крис. Это потребовало немало времени —

собственно, только сейчас возникает ощущение, что это единое предприятие, а не два разных.

Ирена кивнула и потянулась к меню. Достав очки для чтения, пристроила их на кончике носа.

— Прекрасно понимаю, что ты имеешь в виду. Разные структуры, различия в корпоративной культуре, тысячи мелочей, которые надо подвести под общий знаменатель... Что касается меня, то не чувствуй себя обязанной проявлять ко мне внимание. У меня тоже много всего происходит, однако я всегда рада тебя видеть, сколько бы времени ни прошло.

— Кстати, насчет того, что у тебя происходит... — Фэй взглянула на Ирену поверх своего меню. — Я что-то читала про нового мужчину.

Ирена покраснела, и Фэй с интересом наблюдала это любопытное зрелище. Раньше она никогда не видела, как Ирена краснеет — от этого шестидесятилетняя женщина становилась похожа на школьницу.

— Ну да, посмотрим, что из всего этого выйдет... Но пока все хорошо. Марио — потрясающий мужчина. Слишком хорош, чтобы все это было правдой, так что я все время ожидаю, какие же скелеты выпадут из его шкафа.

— Ты ведь знаешь, я отношусь к мужской половине рода человеческого не менее скептически, чем ты. Но должны же где-то быть и хорошие! Возможно, ты нашла одного из них.

— Хочется надеяться, — ответила Ирена и отложила меню. — Хотя за все эти годы я не раз наступала на эти грабли.

Она чуть заметно покачала головой. Фэй подалась вперед.

— Что скажешь, не заказать ли нам игристого?

Ирена, с улыбкой кивнув, жестом подозвала официантку, которая тут же подошла и приняла у них заказ.

Когда подали шампанское, Фэй осторожно отпила глоточек, раздумывая, как лучше начать. Прежде чем она успела что-либо сказать, Ирена откашлялась.

— Ходят слухи, что «Ревендж» пытаются захватить.

В животе у Фэй что-то перевернулось. Ясное дело, Ирена уже обо всем знает.

— Так и есть. Я не знала, что именно тебе известно...

Ирена пожала плечами, сняла очки и положила на стол.

— Деталей не знаю, пока отдельные слухи.

Фэй отставила бокал.

— Все началось некоторое время назад с покупки отдельных акций. Однако они продолжают с такими интервалами, что мы начали замечать определенный паттерн — видимо, за всем этим стоит один и тот же покупатель.

— И ты понятия не имеешь, кто же это?

— Нет. Скупка тщательно замаскирована через подставных покупателей. Но мы всю расследуем дело — и найдем ответ. Проблема лишь в том, что на это потребуется время, а я не знаю, сколько его у нас.

— И ты волнуешься, что и я продам свою долю?

Официанты принесли пиццу и поставили ее на подставку посреди стола. От нее исходил восхитительный запах. Щедрый слой икры уклеики, крем-фреша и красного лука. Обе женщины взяли по куску дымящейся горячей пиццы. Однако Фэй не могла до конца сосредоточиться на еде. Она оглядела сидящую перед ней женщину — светскую, утонченную, в каком-то смысле по-прежнему непостижимую.

— Не могу понять, почему остальные надумали продавать, и хочу удостовериться, что ты намерена сохранить за собой свой пакет.

Ирена была крупнейшим акционером после самой Фэй, и если б она продала свои акции, это привело бы к катастрофе.

— Ко мне никто не пытался подкатить. Пока. Наверняка потому, что все знают: мы с тобой друзья и я тут же сообщу тебе. Но я даю тебе слово, что не намерена продавать свои акции.

— Для меня большое облегчение слышать такое, — ответила Фэй и взяла еще кусок пиццы.

Откусив, она запила ее шампанским. Вкус был божественный.

«Ты и вправду собираешься все это съесть?» — раздался у нее в голове голос Яка. Нахмуренный лоб. Grimаса отвращения на лице. В первые годы после рождения Жюльенны он постоянно попрекал ее внешним видом и весом. Что бы она ни предпринимала, Як всегда оставался недоволен.

Теперь Фэй позволяла себе есть все, но не всегда, старалась как можно больше двигаться, а ее прежняя неуверенность сменилась гордостью за свое тело. Как ни верти, оно произвело на свет Жюльенну.

Уверенность в себе — одна из многих вещей, которые она отвоевала назад у Яка.

— Что еще вы делаете? — спросила Ирена, глядя на нее. — Эта женщина.... как бишь ее зовут... Керстин — она приехала с тобой в Швецию?

— Да, Керстин здесь, и она работает днем и ночью, пытаюсь разобраться, что же происходит. Вчера мы переговорили с несколькими инвесторами, чтобы убедить их не продавать.

— Надеюсь, не рассказывая ничего об угрозе? — Ирена строго посмотрела на нее, тоже потянувшись за вторым куском.

— Само собой. И мне показалось, что это сработало. Но вопрос в том, достаточно ли этого. Все зависит от того, насколько целеустремленный человек стоит за всем этим. Боюсь, что очень целеустремленный...

Ирена отложила приборы и посмотрела на нее:

— Как ты?

Фэй знала, что Ирена ценит прямоту.

— Честно говоря, я сама удивлена, насколько это меня потрясло. У нас и раньше случались кризисы. Сотни, тысячи кризисов разного масштаба. Управлять предприятием — значит постоянно справляться с кризисами, сама знаешь. Но чтобы такое... Кто-то пытается отнять у меня дело всей моей жизни. Я создала «Ревендж» с пустого места — и по-прежнему остаюсь у руля. Я была столь наивна... даже не предполагала никогда, что кто-то попытается его у меня отнять.

Ирена с чувством покачала головой.

— Это не наивность. Как часто происходят в наше время рейдерские захваты? Практически никогда... А не может ли за всем этим стоять Як?

— Як? Нет, у него нет средств. И никаких связей. Он остался с пустыми руками, все от него отвернулись. Не представляю себе, как он мог бы повернуть такое, особенно находясь в тюрьме.

— Как ты думаешь, есть кто-либо еще, кто мог бы это сделать?

Официантка принесла горячее и поставила перед ними на стол, вопросительно покосившись на недоеденную пиццу.

— Вы закончили? Унести ее?

— Нет-нет, оставьте, нам сегодня понадобятся углеводы, — ответила Фэй, и Ирена согласно кивнула.

— Ясное дело, за эти годы я нажила себе врагов, — проговорила Фэй, когда официантка ушла. — Невозможно создать большое предприятие, не наступив никому на любимую мозоль. Но никто особо не выделяется. Вот бы у меня было более ясное представление о происходящем или, по крайней мере, предположение о том, кто это может быть... Но — увы. К несчастью, я и понятия не имею.

— Во всяком случае, ты можешь быть уверена, что я свою долю не продам. А еще поговорю с людьми в своем окружении. Может быть, удастся что-то выяснить, и тогда, конечно же, я сразу свяжусь с тобой.

Фэй почувствовала, как облегченно опустились ее плечи — только теперь она осознала, в каком напряжении находилась.

Фэй подняла бокал, и они чокнулись друг с другом. Вокруг шумел гул голосов других посетителей, а две женщины накинулись на еду.

Вода окатывала тело приятной прохладой. Фэй плыла длинными сильными гребками, напоминая себе глубоко дышать. Бассейн в «Гранд-отеле» располагался словно в гроте, с красивыми сводчатыми потолками и приглушенным освещением. Говорили здесь негромко, фоном звучала музыка — из тех, что обычно звучит в спа-центрах, в какой бы точке мира ты ни находился.

Керстин сидела на широкой лестнице, наполовину в воде. Фэй подплыла к ней и уселась рядом. Откинувшись назад, оперлась локтями о ступеньку и осторожно пошевелила в воде ногами.

— Сколько человек у тебя в списке на сегодня?

— Пять-семь. Зависит от того, с кем мне удастся связаться и сколько времени займет каждый разговор.

— Ну, как я уже говорила, по поводу Ирены мы, по крайней мере, можем не волноваться. Она дала мне слово не продавать акции.

— Отлично. Не то чтобы я подозревала, что она это сделает, — но с другой стороны, о других, кто продал, я тоже ничего такого не думала.

Фэй глянула в воду, на волны, расходящиеся от ее ног, когда она повернулась на лестнице. Снова вспомнилась темная вода. Отчаянные крики... Перед глазами встали испуганные лица...

— Фэй, что с тобой?

Голос Керстин вернул ее в сегодняшний день, и она легонько покачала головой.

— Я должна заняться срочными делами в свете наших планов в США. Не могу позволить себе тратить все время на разруливание этого кризиса; обычная работа должна продолжаться, иначе вскоре нам нечего будет спасать.

— Сосредоточься на своем, а я буду копать дальше.

Закрыв глаза, Керстин наслаждалась водой. Она провела здесь целый час до того, как пришла Фэй, и успела проплыть туда-сюда много раз, хотя бассейн был маловат для тренировок.

— Знаю, что у тебя много всего, но не могла бы ты помочь мне в одном деле?

— Само собой, — ответила Керстин и открыла глаза. — Что-то особенное?

— Ты не могла бы разузнать побольше о Давиде Шиллере? Он бизнес-ангел, частный венчурный инвестор.

— Разумеется могу, — ответила Керстин с лукавой улыбкой. — Что-то подсказывает мне, что это тот мужчина, который живет здесь, в «Гранд-отеле», и который совершенно не в твоём вкусе...

Фэй плеснула на нее водой.

— Какая беспардонность!

Керстин улыбнулась:

— Никакой беспардонности. Просто указываю тебе на тот факт, что ты хочешь побольше узнать о мужчине, который, по твоим словам, тебя совершенно не интересует.

Фэй снова посмотрела на свои ноги в воде.

— Ну что ж, мне начало казаться, что у него есть некоторые плюсы. И в этом случае тем более важно побольше о нем разузнать. — Она обернулась к подруге. — Ни один мужчина больше не застанет меня врасплох.

Керстин поднялась, накинула белый махровый халат с логотипом отеля и затянула пояс на талии.

— Я найду все, что можно найти. А ты воспользуйся случаем, чтобы немного восстановиться. Никто из нас ничего не выиграет, если у тебя случится нервный срыв. Расслабься и проведи тут часок в спокойной обстановке.

— Ты права. Могу позволить себе небольшой отдых... — Фэй выбралась из бассейна и потянулась за своим халатом.

Когда Керстин ушла, она растянулась в одном из шезлонгов, наслаждаясь покоем. Обед с Иреной отчасти унял ее тревогу, и ужас, который она испытала во время встречи со следователем Ивонной Ингварссон, тоже начал отступать. Есть лишь смутная запись кого-то, кто напоминает ее. И что такого? Як осужден за убийство Жюльенны, его выпустят лишь через несколько лет. СМИ внесли свой вклад — статья за статьей рассказывали о том, что Жюльенна мертва. Теперь это считалось непреложной истиной. Хотя тело так и не нашли...

Она потянулась за стаканом свежавыжатого апельсинового сока, стоявшим возле шезлонга, и сделала глоток. Мысли ее унеслись к любимой доченьке, которая, скорее всего, плескалась сейчас в другом бассейне. На календаре первое июня, Италию накрыла жара...

Звук шагов по кафельной плитке заставил ее обернуться. Давид, спустившись из тренажерного зала этажом выше, огляделся, не заметив ее, снял черные шорты и черную футболку, обнажив невероятно рельефную мускулатуру, и в одних трусах нырнул в зеленоватую воду. Фэй улыбнулась. Наверное, это нарушение всех правил. Он проплыл несколько раз вдоль бассейна, и Фэй осторожно вытянула шею. Наконец ей надоело смотреть, она встала и подошла к краю бассейна.

Давид подплыл к ней, улыбаясь той самой улыбкой, от которой все его лицо преображалось, становясь почти красивым.

— Доброе утро, — сказала она. — Как прошли выходные с дочерьми?

Черная тень упала ему на лицо. Он выбрался из бассейна, с благодарным кивком приняв полотенце, которое протянула ему Фэй.

— Они не смогли приехать, — коротко ответил он.

— Что-то случилось?

Бок о бок они пошли к шезлонгам.

— В последний момент Юханна решила отвезти их в Париж в «Диснейленд».

— Почему вдруг?

Давид опустил на шезлонг и вытер ноги полотенцем, избегая смотреть на Фэй.

— Она уже не раз так делала раньше, — тихо произнес он. — Узнает у девочек, что я планировал с ними делать, и в последний момент побивает меня своими козырями... Не знаю почему, но у нее наверняка есть свои причины так поступать.

— У меня сложилось впечатление, что вам обычно удавалось договариваться, несмотря на обстоятельства.

— Вероятно, я несколько приукрасил картину. Не хотел выглядеть мужчиной, который плохо отзывается о бывшей жене.

Фэй заглянула ему в глаза.

— Мне ты можешь рассказать все как есть.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, потом Давид потянулся, заложив руки за голову. Фэй растянулась в шезлонге, повернув лицо к нему.

— Ревнивой она была всегда, — наконец заговорил он, — но примерно два года назад все пошло вразнос. Я никогда ей не изменял. Но тут заметил, что она начала следить за мной, контролировать каждый мой шаг... Внезапно потребовала, чтобы я дал ей прочесть свои эсэмэски. Мне нечего было скрывать, так что я позволил ей это сделать. А потом... Она пришла в офис. Напугала моих сотрудниц, стала посылать сообщения с угрозами на их странички в «Фейсбуке»...

Давид вздохнул:

— Я попытался замять дело, заплатил им, чтобы они не заявили на нее в полицию. Сделал все, чтобы защитить Юханну, защитить девочек. Иногда она словно отключалась, бродила по дому, как привидение... Могла забыть забрать Стину или Фелицию с тренировки, разговаривала с ними злым тоном. Одно дело, когда у нее случались приступы ярости на меня, но на них?.. Она все больше отдалялась от нас. Я начал больше работать из дома, чтобы не оставлять девочек одних с ней.

По щеке покатила слеза, он поспешно смахнул ее. Челюсти сжались.

— Чертовски противно чувствовать себя таким беспомощным.

Это чувство беспомощности было хорошо знакомо Фэй. Но о прошлом она говорила редко. Не хотелось вспоминать о Яке.

— Я слишком хорошо знаю, о чем ты, — тихо проговорила Фэй, не отрывая взгляд от кафельных плит на полу. — С этим чувством я

жила много лет. Позволяла собой управлять, контролировать, отнимать у меня мое «я», веру в себя... Всё.

Почувствовав взгляд Давида, Фэй заставила себя встретиться с ним глазами. Она чувствовала себя голой, незащищенной, но и живой, настоящей. Как ей могло показаться, что у него заурядная внешность?

Давид положил ладонь поверх ее руки — от его прикосновения по всему телу словно пробежал электрический разряд.

— Мне так жаль, что кто-то причинил тебе боль, — проговорил он, неотрывно глядя ей прямо в глаза. — И я знаю, что если кто-то способен сам за себя постоять, так это ты. Но знай, что можешь поговорить со мной обо всем; нет нужды всегда быть сильной.

— Я привыкла, — ответила она, убрав руку, но по-прежнему ощущая тепло его ладони.

— Ты в состоянии рассказывать? Я готов тебя выслушать — и все пойму.

Фэй заколебалась. Так долго она держала дверь в свое прошлое с Яком на замке, что теперь даже не была уверена, что сможет ее отворить. И как это сделать? Давид молчал. Он ждал, пока она созреет, а у нее в голове проносились тысячи мыслей. Потом Фэй все же решилась.

— Мы вместе учились в Торговом институте.

Давид снова положил ладонь на ее руку. На этот раз она не стала возражать. Слова пришли — поначалу медленно, словно каждое из них причиняло боль, потом потекли все быстрее...

Фьельбака, давным-давно

Меня трясло. Я лежала в темноте с широко раскрытыми глазами.

— Расскажешь кому-нибудь — убью.

Себастиан, сжав мне горло, приблизил лицо так близко, что я почувствовала его кислое дыхание, и надавил еще сильнее.

— Поняла?

— Да, — прохрипела я.

Когда он отпустил меня, я закашлялась. Подняв с пола свои трусы, Себастиан не спеша ушел в свою комнату. Я открыла окно, чтобы

проветрить, и снова залезла под влажное одеяло. Между ног жгло, я вытерлась футболкой. Осталась сидеть неподвижно, глядя в окно.

В голове проносились воспоминания. Мы с Себастианом в детстве. Мы крепко держимся за руки под столом; папа кричит что-то маме, приблизив свое лицо почти вплотную к ее лицу. Себастиан лежит рядом со мной, свернувшись калачиком и ища тепла и защиты...

Все исчезло. Все эти воспоминания гроша ломаного не стоят. Он отнял их у меня.

Мы искали друг у друга спасения — мы были единственные, кто понимал. Теперь остались только я и мама. А мама слаба. Я думала об этом без осуждения. Она слаба, потому что выносила нас, потому что защищала нас как могла. Оставалась с ним ради нас.

Я слышала, как Себастиан нервно бродит по комнате; потом открылось окно, и наступила тишина. Интересно, как он выглядит, что чувствует сейчас, сидя на подоконнике в двух-трех метрах от меня? Тут я поняла, что легко могу убить его. Он сидит, свесив ноги, на высоте четырех-пяти метров над землей. Если подкрасться на цыпочках, распахнуть дверь в его комнату и подбежать к окну, я успею столкнуть его. А потом скажу маме и папе, что услышала его крик и прибежала, чтобы посмотреть, что случилось... Но я не смогла. Я все еще любила его, несмотря на то, что он со мной сделал.

Знай я тогда, что меня ждет, чему он будет меня подвергать, я убила бы его мгновенно, ни секунды не колеблясь. Сколько боли, скольких мучений мне удалось бы избежать!..

Фэй лежала на своей кровати в номере люкс. У дверей стояли упакованные чемоданы — завтра она покинет «Гранд-отель» и переедет в квартиру на площади Эстермальмсторг. Хотя и приятно будет пожить в настоящей квартире после стольких дней в отеле, она внезапно осознала, что ей будет не хватать Давида.

Экран телефона засветился, и Фэй увидела эсэмэску от Керстин. Открыла ее и стала читать, чувствуя, как по лицу расползается улыбка.

Похоже, все так и есть. Пока не нашла ничего странного в Давиде Шиллере. Ничего в реестре преступлений, никаких замечаний по уплате налогов, ничего на «Флэшбэке»^[11]. К тому же я осторожно навела справки среди его деловых знакомых — ничто не указывает на то, что с ним что-то не так.

Фэй, перекатившись на живот, невольно улыбнулась, вспоминая время, проведенное вчера с Давидом в спа-отеле. Они просидели и проговорили больше часа, прежде чем им пришлось попрощаться.

То, что она смогла рассказать кому-то про Яка — что тот заставил ее делать и как себя чувствовать, — равнялось ощущению от потери нескольких килограммов: колоссальное облегчение! Давид дал ей почувствовать, что ее видят и слышат. Как человека, а не только как женщину, где конечная цель для мужчины — затащить ее в постель.

Снова достав телефон, Фэй позвонила Жюльенне по «Фейстайм». Лицо дочери на маленьком экране всегда заставляло ее забыть обо всем плохом. Это единственное, за что она благодарна Яку. Он подарил ей дочь, которая в глазах Фэй была совершенством — от кривовато покрашенных розовых ногтей на ногах до светлых волос, падавших кудряшками на спину.

— Привет, моя дорогая!

— Привет, мама! — ответила Жюльенна и радостно помахала ей.

Волосы у нее были мокрые — Фэй предположила, что она опять побывала в бассейне.

— Чем ты занимаешься?

— Мы с бабушкой купались.

— Весело было?

— Угу, жутко весело, — ответила Жюльенна.

— Вчера я тоже плавала в бассейне и думала о тебе.

— Ага, — ответила Жюльенна, и Фэй заметила, что та уже начала терять интерес к разговору. Жизнь влекла ее больше.

— Позвоню вечером, поговорим еще. Скучаю без тебя. Целую.

— Ага, пока, — сказала Жюльенна, помахав ей быстро и нетерпеливо.

— Бабушке при... — начала Фэй, но Жюльенна уже отключилась.

Фэй улыбнулась. Жюльенна наверняка вырастет очень независимой молодой женщиной.

Поднявшись с кровати, она пошла в ванную и открыла кран, чтобы налить себе ванну. И тут кто-то постучал в дверь. Фэй бросила быстрый взгляд на свои часы — без двадцати девять. Она выключила воду, вышла в холл и крикнула через дверь:

— Кто там?

— Ивонна Ингварссон, полиция.

Фэй, сделав глубокий вдох, открыла дверь. Ивонна Ингварссон взглянула на нее почти с улыбкой.

— Можно мне войти?

Фэй стояла неподвижно, скрестив руки на груди.

— Мне кажется неуместным ваше появление таким вот образом.

— Я хотела вам кое-что показать. Так я могу войти или нет?

Фэй вздохнула и отступила в сторону, чтобы Ивонна могла войти внутрь. Сделав несколько шагов, следователь остановилась.

— Красивый номер.

— Я не знала, что в ваши обязанности входит наносить такие визиты. Какую цель вы преследуете?

Ивонна Ингварссон не ответила. Вместо этого запустила руку в сумочку и достала вырезку из какой-то газетенки. Это было старое фото — Фэй и Як. Она протянула ее Фэй.

— А в чем, собственно...

Ивонна подняла палец, словно желая остановить ее, снова засунула руку в сумку и достала другое фото, распечатанное на компьютере. Фэй отметила, что у Ивонны обкусанные ногти, кожа вокруг них пересохла и воспалилась. Эта фотография была более мутной, свет желтый — явно снято вечером. Фэй сразу же поняла, что женщина на фото, спина которой едва виднелась, — она сама. На ней был тот же жакет, что и на фотографии с Яком.

— Что скажете? — спросила Ивонна, с любопытством разглядывая ее.

— О чем?

— Это вы на фото, Фэй. Вам это известно, и мне известно. Вы не были в Вестеросе, вы находились на месте преступления.

По лицу женщины пронеслась быстрая неприятная улыбка. Она прищурилась.

— Это не я, — ответила Фэй. — Такой жакет от «Монклер» есть у каждой домохозяйки в Эстермальме. Как деревянные башмаки в

деревне.

Ивонна медленно покачала головой, но Фэй продолжала спокойно стоять перед ней. Как и в прошлый раз при неожиданном появлении Ивонны, она подумала, что, будь у них доказательства, разговор проходил бы не так и в другом месте. А то, что Ивонна пришла в воскресенье, заставило Фэй заподозрить, что та обходит свои полномочия.

Чего она хочет? Денег? Похоже на личную месть, крестовый поход против Фэй...

— Чего вы на самом деле хотите? — спросила она.

— Правды, — быстро ответила Ивонна. — Меня интересует только правда.

Не сводя глаз с Фэй, она достала из заднего кармана джинсов еще одну бумажку. Фэй задалась вопросом, сколько еще сюрпризов припасено у следователя. Прямо Мэри Поппинс с ее сумкой...

Ивонна держала бумажку двумя пальцами, покачивая ею перед Фэй. Та взяла ее у нее из рук. Это была старая статья из газеты «Бухюсленнинген», которую она мгновенно узнала. Под ложечкой сразу же засосало; пришлось изо всех сил сдерживаться, чтобы не показать Ивонне Ингварссон водоворота чувств, возникшего внутри.

— Похоже, ты приносишь несчастье тем, кто находится вокруг тебя, — проговорила Ивонна и добавила: — Матильда.

«Двое мальчиков из Фьельбаки бесследно пропали после прогулки на яхте со своими друзьями. Весь поселок парализован горем.

“Не верю, что они погибли”, — говорит Матильда, 13 лет, присутствовавшая при несчастном случае».

С усилием вздохнув, она медленно свернула вырезку, не дочитав до конца, и протянула Ивонне, которая опять покачала головой.

— Можете оставить ее себе, — проговорила та и направилась к двери. — Роскошный номер. Совершенно великолепный, — пробормотала она, открыла дверь и исчезла в коридоре.

Фэй принялась изучать тринадцатилетнюю девочку, смотревшую прямо в объектив. На вид та казалась несчастной и беспомощной, но Фэй-то знала, что она просто позировала фотографу. Внутри нее сорвалась с цепи тьма.

Упав на кровать, она уставилась в потолок. Однако видела не белые барельефы «Гранд-отеля», а нечто совсем другое — черную

бурлящую воду, от которой внутри у нее все сжималось...

Резкий сигнал заставил Фэй вздрогнуть. Она испуганно огляделась — еще оставаясь там, у бурлящей воды, — прежде чем вспомнила, где находится. Сердцебиение улеглось, когда она поняла, что это всего лишь телефонный звонок. На экране высветилось имя Керстин.

— К сожалению, у меня плохие новости.

Керстин, как всегда, сразу брала быка за рога.

— Что еще стряслось? — спросила Фэй и закрыла глаза.

Хочет ли она услышать ответ? Хватит ли у нее сил? Она не знала, и это пугало ее.

— Звонили из «Дагенс индустри». До них дошли слухи о скупке акций. Если нам не удастся остановить их, статья скоро появится в печати.

Фэй вздохнула.

— Отчего продажа акций пойдет по нарастающей, — сказала она. — Крысы всегда бегут с тонущего корабля.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — спросила Керстин.

— У меня там есть одна знакомая. Сейчас позвоню и разузнаю. Ничего не предпринимай. Этим делом я займусь сама.

Фэй нажала на кнопку отключения и бросила телефон на покрывало рядом с собой. Если бы она поддалась отчаянию, то просто натянула бы одеяло на голову и проспала бы пару дней, не просыпаясь. Но это не про нее. Такой она никогда не была. Фэй снова взяла в руки телефон. Битва продолжается.

Фэй сидела на кровати в скрюченной позе, с бумагами, которые оставила ей Ивонна, и отчетом Керстин о движении акций компании. Каждая из этих новостей сама по себе могла вызвать тревогу, вместе же они представлялись почти непреодолимой преградой. Вскоре всерьез начнется работа в связи с выходом на американский рынок; из офиса «Ревендж» на площади Стюреплан позвонили, чтобы сообщить — несколько человек обратились туда, выразив желание инвестировать в предприятие после выступления Фэй в «Скавлан». В таком уязвимом

положении слишком рискованно, когда тебе дышит в затылок Ивонна Ингварссон, к тому же Фэй должна убедиться, что для выхода на новый рынок у нее по-прежнему есть компания.

В телефоне звякнуло. Она открыла приложение «Телеграм», настроенное так, чтобы сообщения и снимки исчезали через пятнадцать секунд, и улыбнулась, увидев фото Жюльенны у бассейна.

— Дорогая моя девочка! — пробормотала она до того, как изображение исчезло.

И вновь стук в дверь заставил Фэй вздрогнуть. Приподняв покрывало, она засунула под него бумаги, встала и подошла к двери. Вид Жюльенны вызвал у нее прилив энергии, пробудил желание бороться. Ивонна Ингварссон даже не представляет себе, с кем решила тягаться; к тому же Фей готова поставить на уши весь мир, чтобы выяснить, кто атакует ее предприятие.

В дверях стоял Давид Шиллер. Он улыбнулся ей.

— У тебя такой вид, словно тебе не повредила бы прогулка с новым другом.

* * *

Как всегда в воскресный вечер, набережная Страндвеген казалась пустынной. Фэй и Давид шли бок о бок вдоль воды. Вечер выдался теплый. В аллее собачники выгуливали своих собак, на Юргордене поскрипывали, сверкали и светились огнями аттракционы парка «Грёна Лунд». Фэй успела забыть, какими волшебными бывают стокгольмские летние вечера.

— С тобой все хорошо после нашего вчерашнего разговора? После всего, что ты мне рассказала...

Голос Давида звучал встревоженно. Фэй почувствовала, что ее это тронуло.

— Все нормально, — с улыбкой ответила она, и синие глаза Давида просияли.

— Хорошо. Я немного волновался, что ты пожалела о сказанном.

— Нет-нет, вовсе нет. Для меня это было... такое облегчение! На самом деле я никогда никому не рассказывала, что произошло, как

выглядела моя жизнь с Яком. Даже Керстин, которую считаю своим лучшим другом. Крис, ясное дело, знала почти все.

— А кто это — Крис? — осторожно спросил Давид. — Ты уже упоминала это имя.

Он выглядел так, словно пытался сделать первые шаги на ставший за ночь лед, чтобы проверить, выдержит ли тот.

— Крис... Ой, даже не знаю, как объяснить, кто она была. Мы с ней подружились во время учебы в Торговом. Она... она была просто как природная стихия. Для нее не существовало препятствий.

— А что с ней случилось? Если ты не возражаешь, что я спрашиваю...

Они миновали «Страндбрюгган»^[12], где полным ходом шли приготовления к вечернему нашествию посетителей. Молодые-красивые-пьяные толпились, внимательно разглядывая друг друга — дизайнерские сумочки, накладные ресницы, часы «Ролекс», полученные в подарок на окончание школы...

— У нее обнаружили рак, — проговорила Фэй и подняла руку, чтобы он мог увидеть ее браслет с надписью «FuckCancer». — Все закончилось очень быстро. Но она успела влюбиться — встретить потрясающего мужчину, который идеально ей подходил...

— Это прекрасно, — произнес Давид. — Успеть встретить свою любовь... Разве не ее все мы ищем?

Они свернули к Скандинавскому музею и Юнибаккену.

Давид мрачно смотрел на воду. За деревьями угадывались очертания музея «Васа» — странного монумента одному из величайших провалов в истории Швеции^[13].

— Ты ее любишь? — спросила Фэй.

Давид вопросительно посмотрел на нее.

— Кого?

— Свою жену, кого же еще?

Он чуть смущенно рассмеялся.

— Ах да, я должен был догадаться... После пятнадцати лет семейной жизни такой вопрос кажется даже забавным. Любить... Можно ли любить после пятнадцати лет повседневной рутины, рождения детей? Кто-то еще в состоянии любить?

— Звучит весьма цинично.

— Может быть. Или же мы с самого начала не подходили друг другу. Если уж быть до конца честным.

Он потряс головой, отвернулся от Фэй.

— То, что я говорю, звучит ужасно.

— Нет, говори.

Фэй взяла его под руку, они приближались к парку аттракционов. Восторженные крики, доносившиеся оттуда, звучали все громче.

Давид откашлялся.

— Пожалуй, о любви с самого начала речи не шло. Скорее это было удобно. Все сходилось, все совпадало, но чувства?.. Даже не знаю.

Он похлопал Фэй по руке:

— Тебе неприятно это слышать?

— Вовсе нет. Люди живут вместе по тысяче разных причин. Мало кому выпадает испытать любовь. Настоящую любовь.

— А ты ее испытала? — спросил он, останавливаясь.

В глубине души ей захотелось избежать его взгляда, не отвечать. Она слышала крики с аттракциона «Свободное падение» — люди, добровольно поднимавшиеся на верхотуру, чтобы ощутить, как щекочет в животе, когда они падают вниз... Пожалуй, именно так она воспринимала любовь.

— Да. Я любила Яка. Думала, я и неспособна никого так полюбить. Но этого оказалось недостаточно. Меня оказалось недостаточно. А потом появилась Жюльенна. Совершенно новая разновидность любви. И она перебила...

Голос изменил ей, она отвернулась. На мгновение все нахлынуло снова. Все, через что пришлось пройти их семье. Сперва то, что делал Як. Потом — то, что сделала она, когда решила спасти их от него.

— Даже представить себе не могу, что тебе довелось пережить, — сказал Давид, и Фэй вздрогнула. На секунду она позабыла о его существовании. — Потерять ребенка... Фэй, я... мне так хотелось бы снять с твоих плеч эту тяжесть, но это никому не под силу.

Фэй встряхнулась, отогнала все чувства и воспоминания, требовавшие внимания. Если она позволит себе чувствовать и вспоминать, то не сможет сделать больше ни шагу.

— Как хорошо, что ты рядом, — сказала Фэй. — Что ты слушаешь...

Некоторое время они стояли молча на фоне мерцающих огней парка развлечений. Долго-долго никто из них не говорил ни слова. Потом Давид протянул ей руку.

— Пошли. Давай вернемся.

Фэй кивнула. Они развернулись и пошли обратно в сторону Страндвеген. Когда снова миновали «Страндбрюгган», Давид остановился и обернулся к ней.

— Искупаемся? — спросил он.

— Здесь?

— Да, сегодня теплый вечер, а мы живем в Северной Венеции. Мостки есть повсюду. Вон там, например.

Он указал на два больших плавучих дома и длинные деревянные мостки, уходящие в воду между ними. Не дожидаясь ее, почти бегом устремился туда. Из-за плавучих домов его практически не было видно с набережной. Наклонившись, он развязал ботинки. Фэй огляделась. Ни души. Мимо проезжали лишь редкие машины. Давид уже снял льняную рубашку, джинсы и ботинки. Носки. Трусы. В темноте мелькнули его бледные ягодицы, потом Фэй услышала бодрый крик, сменившийся мощным всплеском. Она наклонилась вперед. Давид плескался в воде в двух метрах от Фэй, глядя на нее снизу вверх.

— Холодно, но здорово, — отрапортовал он. — Прыгай сюда.

Бросив взгляд через плечо, Фэй убедилась, что никого нет. Сбросив туфли, она положила платье рядом с кучей вещей Давида, оставшись в нижнем белье, разбежалась и пролетела, дрыгая ногами в воздухе, пока не врезалась в воду. Завопила в голос от страха и восторга. Холодная вода обжигала тело.

Они отплыли от берега и остановились, плескаясь на месте. Некоторое время, дрожа от холода, рассматривали огни города.

— Ты мне нравишься, — сказал Давид.

Слова звучали урывками — у него стучали зубы.

Фэй улыбнулась, ибо выглядело это комично, но внутри у нее так потеплело, что на какое-то время она забыла о холоде. Ей хотелось ответить, но она молчала. Когда-то Фэй дала себе слово больше не влюбляться, но теперь чувствовала, что ее оборона начала давать трещину. Давид умел ее рассмешить. И это джентльмен без скрытых мотивов. Напротив, он сам успешный бизнесмен, понимающий ее работу, а его улыбка заставляет ее растаять даже в холоднющей воде.

Когда они выбрались на берег и быстро накинули на себя одежду, Давид обнял ее за плечи и потер, чтобы согреть.

— Что будем делать теперь? — спросила она.

Возвращаться в номер отеля ей совершенно не хотелось.

Давид посмотрел на нее хитрым взглядом.

— Пошли, — проговорил он и надел ботинки.

Вслед за ним Фэй двинулась к яхт-клубу на другой стороне моста Юргордсбрун. Ее волосы прилипли к плечам и спине, пока они почти бежали, чтобы согреться. У ворот остановились. Давид заглянул в будку охранника, убедился, что она пуста, и перелез через забор.

— Там камера, — сказала Фэй, указывая пальцем.

— Не беспокойся, — ответил он, приземлившись на другой стороне. — У одного моего приятеля здесь стоит лодка; он не рассердится, если мы ее одолжим.

Фэй поставила ногу на прут, ухватилась за верхнюю планку забора и перелезла на другую сторону, где ее подхватил Давид.

Оглядев катера и яхты, он воскликнул, указывая на большой катер, пришвартованный в самом конце пирса:

— Вот же она!

А в следующий момент схватил за руку Фэй и потащил ее следом за собой.

Они взошли на борт. Давид присел на корточки и пошарил рукой под белой подушкой сиденья, затем с триумфальной улыбкой вытащил ключи. Отпер дверь, и Фэй шагнула в тепло. Они сняли с себя мокрую одежду и завернулись в большие махровые простыни, обнаруженные Давидом.

— Кому принадлежит катер? — спросила Фэй, усевшись на диван, пока Давид открывал кухонные дверцы.

— Моему хорошему другу, — повторил он и тут же воскликнул: — Смотри-ка, виски!

Давид налил и протянул ей стакан, а потом и сам опустился рядом с ней. Напиток согревал изнутри. Волны бились о корпус, приятно покачивая лодку. На диванчике лежали детская заколка с Эльзой из «Холодного сердца» и большой голубой бант; Фэй растерянно перебирала их. Они напомнили ей Жюльенну. Та обожала Эльзу и обычно во все горло распевала «Отпусти и забудь» на своем выдуманном английском.

— Ты о чем-то задумалась?

Давид нежно разглядывал ее. Потом увидел детскую заколку у нее в руках и тихо охнул.

— Прости... Я...

Фэй положила ладонь ему на руку, чтобы показать, что всё в порядке. От тепла его тела в ней все затрепетало.

Давид улыбнулся ей.

— Что такое? — спросила она.

— Ничего.

Фэй была близка к тому, чтобы сказать, что он ей тоже нравится, ответить, пусть с задержкой, на его слова, сказанные в воде, но не могла ничего из себя выдать. Слова застряли в горле. Застряли в шрамах. В тех, которые не видны снаружи.

— Можно мне будет навестить тебя, когда ты переберешься из «Гранд-отеля»? — спросил Давид.

— Если хочешь.

— Хочу.

— Я тоже.

Он с улыбкой вздохнул.

— Не знаю, что со мной такое, но когда я с тобой, я так нелепо счастлив... Становлюсь как подросток, хочу произвести на тебя впечатление... Мне даже и не нравится плавать в открытой воде. И все же я знаю, что тебя это не волнует, что ты все равно хорошо ко мне относишься, хотя и не говоришь это. И я так благодарен тебе, что ты доверилась мне!

Фэй молча кивнула.

— Кстати, я встретил его несколько лет назад. Яка. Мне показалось, что он высокомерный и самовлюбленный тип, и...

Фэй подалась вперед и прижалась к нему. Она не хотела больше говорить о Яке — ни сейчас, ни потом. Прижав губы к губам Давида, чтобы заставить его замолчать, она обнаружила, что губы у него куда мягче, чем она думала.

— Давай не будем о нем. Давай не будем говорить ни о чем, кроме нас двоих, — по крайней мере, сегодня.

— По рукам.

Словно по молчаливой договоренности они встали, прихватив с собой бутылку в каюту. Кровать оказалась неожиданно большая и

застеленная белыми простынями.

Фэй села на кровать. Ее полотенце упало на пол. Под ним у нее ничего не было. Она посмотрела в глаза Давиду. От алкоголя и возбуждения взгляд у него затуманился. Он медленно подошел к ней. Уронил свое полотенце. Подошел к Фэй, сидевшей на краю кровати — его возбужденный член на уровне ее глаз.

Продолжая смотреть ему в глаза, Фэй обхватила рукой его член, медленно приблизила лицо и открыла рот. Поначалу коснулась головки лишь своим горячим дыханием. Потом вытянула язык и слизнула первую прозрачную капельку. Давид застонал, на мгновение закрыл глаза, но тут же снова открыл их и взглянул на Фэй.

Она чуть приоткрыла рот, обхватила губами головку, щекоча языком тонкую натянутую струну. Ей доставляло удовольствие слышать тяжелое дыхание Давида. Медленно, медленно она все глубже брала его в рот. Временами ощущала легкий рвотный рефлекс, но извлекала член изо рта до того, как становилось неприятно. Потом снова вводила внутрь. И вытаскивала наружу. Она помогала себе рукой; от ее слюны член стал влажным и скользким, рука двигалась легко.

Давид дышал все более прерывисто, громко постанывая; теперь он закрыл глаза, обхватив ее рукой за голову и запустив пальцы ей в волосы.

— Больше не могу сдерживаться, хочу войти в тебя, — пробормотал он.

Фэй откинулась на кровать. Он лег на нее, между ее ног, прижался к ее отверстию, расширил его и медленно, невыносимо медленно вошел в нее. Это было восхитительно. Теперь застонала Фэй, ощущая между ног его жар, его твердость, его решительность.

Внезапным движением Давид резко вошел до самого конца и рухнул на нее. Почти касаясь губами ее уха, так что его горячее дыхание опаляло ее щеку, стал двигаться толчками, а Фэй обвила его тело ногами. Крепко держа его за бедра, она помогала ему найти нужный ритм, прижималась к нему — она хотела еще, хотела его всего...

Но тут он вышел из нее.

— Не хочу кончать. Ты меня безумно возбуждаешь... Я должен попробовать тебя на вкус.

Давид раздвинул ей ноги, облизнул пальцы правой руки и принялся медленно ласкать ее. Фэй приподняла голову, чтобы видеть, как он касается ее. Массируя ее клитор, он медленно ввел в нее два пальца, затем три. Она всхлипнула, застонала.

Давид извлек из нее свои пальцы. Фэй заверещала — она уже была близка к высшей точке. Он развел ее ноги еще шире, приблизил лицо и кончиком языка стал щекотать ее клитор. Фэй пыталась сжать его бедрами, но он нежно держал ее, положив руки на ее колени. Язык у него был мягкий, но решительный; он все крепче и крепче ласкал ее клитор, двигаясь волшебными кругами. И довел ее до крайности. Она выгнула спину дугой, вцепившись в простыню. Потом Давид снова ввел в нее пальцы, и Фэй почувствовала, как подступает оргазм — наслаждение на грани боли. Она металась головой по подушке, пока он уверенной рукой подводил ее к пику.

Кончая, Фэй громко закричала. Давид продолжал, двигаясь все интенсивнее, а она тряслась всем телом, сжимаясь в сладких спазмах вокруг его пальцев.

Когда оргазм отзвенел, все тело расслабилось, но Фэй не желала отдыхать — ей хотелось ощутить Давида внутри себя.

От удара волны по борту лодка покачнулась. Фэй перевернулась и встала на четвереньки. Стукнулась головой о низкий потолок каюты, так что они с Давидом захихикали. Опустилась ниже, выгнув спину, повернула голову и увидела, как он встал, приближаясь к ней сзади. Но взял ее не сразу. Сперва погладил ее по ягодицам, нежно и трепетно.

— Какая ты красивая...

— Возьми меня, — сказал Фэй, еще больше выгибая спину.

Давид снова погладил ее по ягодицам, потом взял за бедра, прижался к ней и вошел глубоко-глубоко. Хотя Фэй только что кончила, она тут же снова возбудилась, захотела еще.

— Возьми меня, Давид!

И он выполнил ее просьбу.

Потом они повалились на кровать, наслаждаясь теплом друг друга. Давид убрал с затылка ее волосы и поцеловал в самое чувствительное место за ухом. Фэй засмеялась — было бесконечно приятно, но и щекотно тоже. Он скатился с нее, лег на спину, положив руку ей на поясницу.

— Я вся вспотела, — проговорила Фэй и повернулась на бок, так что его рука оказалась у нее на бедре.

Подняв руку, он нежно погладил ее по щеке.

— Тебе известно, какая ты потрясающая? Какая ты красивая?

— Нет, боюсь, тебе придется мне рассказать.

— Обещаю. Снова и снова.

Фэй поймала себя на том, что улыбается, лежа спиной к нему. Она заморгала, прогоняя непрощенные слезы. И тут же напонила себе, что больше не должна покоряться мужчине, хотя и начинала опасаться, что напоминание опоздало...

Выйдя из лифта, Фэй сделала несколько нетерпеливых шагов к тяжелой двери. Нельзя сказать, чтобы она тосковала по своей старой квартире. Там осталось слишком много воспоминаний. И Як стал их частью. А эта квартира будет принадлежать только ей...

Ключи тяжело лежали в ладони. Фэй упивалась чувством нового, нетронутого. Хотя она всего лишь снимала квартиру на время, ей разрешили перекрасить ее.

Улыбаясь, она вставила ключ в замочную скважину — вспомнилась ночь, проведенная с Давидом, все то, чем они занимались...

Отперев дверь, Фэй почувствовала запах свежей краски. Вот бы никогда не подумала, что она будет так любить этот запах... Квартира казалась девственной землей, которую ей предстояло завоевать.

Керстин ушла в свою квартиру за стеной. Она по-прежнему рядом. Семья... Но эта квартира принадлежит ей. Только ей.

Отперев черную защитную решетку, Фэй вошла, сбросила туфли от «Джимми Чу» и поставила их в прихожей на полочку для обуви орехового дерева. Потом медленно и осторожно обошла квартиру, открывавшуюся ей навстречу — большую и просторную.

Общая площадь составляла более двухсот квадратных метров. Возможно, слегка слишком для нее одной, но после стольких лет в золотой клетке она в первую очередь нуждалась в воздухе и пространстве. Эту квартиру Фэй полюбила с первого взгляда, по

фотографии на сайте, где предлагалось жилье в аренду; хотя квартира и не принадлежала ей, но была обставлена совершенно в ее стиле.

Кухня напоминала сельскую кухню в современном прочтении. Филипп Старк^[14], «Гаггенау»^[15] и «Кордон-Блё» создавали нужную комбинацию. Длинный деревянный стол со скамейками из такого же состаренного дерева, видимо, выполнены мастером по специальному заказу. Фэй провела рукой по крышке стола. На ощупь он показался ей исключительно приятным.

Войдя в гостиную, она улыбнулась при виде огромного дивана, оббитого изумрудным бархатом. Теперь комната была окрашена в светлые ненавязчивые тона, придававшие ей уютный вид.

Подойдя к окну, Фэй некоторое время смотрела на крыши домов Эстермальма, а потом не спеша продолжила осмотр комнат. Квартира станет ее домом, пока она будет заниматься экспансией в США и спасением «Ревендж». Теперь у нее два дома. Один в Италии, один здесь. Оба важны, хотя и по-разному. Половина ее сердца осталась в Италии, где ее ждали Жюльенна и мама. Но вторая половина навсегда останется здесь. Стокгольм стал ее городом с первого дня, как она приехала сюда. Здесь родилась Жюльенна, здесь она сделала свои первые неуверенные шаги. Стокгольм стал родным для нее и Крис. Он помнил их смех, приключения, успехи, провалы и глубокую скорбь.

Эта квартира станет ее крепостью.

Фэй нашла дом.

Сердце забилось чаще, когда Фэй вошла в дверь дома на Биргер-Ярлсгатан. Когда же она увидела логотип «Ревендж» — причудливо выведенную букву R, — ей пришлось поморгать, чтобы прогнать слезы. Идя по открытому офисному пространству, она улыбалась молодым женщинам, приветствовавшим ее.

В животе защекотало, когда Фэй открыла дверь в свой кабинет — она любила этот офис, здесь ей удалось сотворить магию и выстроить империю.

Именно отсюда она дирижировала падением Яка. Победила его. Отобрала у него «Компэр».

Поставив сумочку на письменный стол, Фэй уселась в кресло, раскрыла компьютер и устремила взгляд через стеклянную стену на двадцать сотрудниц, сидевших на своих местах. В последнее время появилось с десятков новеньких; она знала их по именам, поскольку переписывалась с ними по электронной почте, и радовалась возможности наконец-то увидеть их вживую. Женщины всех возрастов. Деловые, со знанием нескольких языков, самостоятельные и профессиональные. Современные, уверенные в себе.

— Оборот «Ревендж» будет рекордным — строго говоря, — рассуждала Фэй, сидя за столом и поглядывая на своих сотрудниц, — расширяться нет необходимости. Зачем рисковать тем, что уже есть? Разве не лучше сосредоточить все силы на том, чтобы остановить скупку акций?

С финансовой точки зрения даже праправнуки Жюльенны уже обеспечены до конца жизни. Но Фэй знала: Крис понравилось бы, если бы она осуществила свою мечту и завоевала Штаты. И интервью в «Скавлан» дало результаты сверх всяких ожиданий. Папка «Входящие» переполнилась письмами финансистов, желающих заполучить свой кусок пирога, когда «Ревендж» шагнет через Атлантику. На самом деле до окончательной договоренности с партнерами в США оставался один шаг. Гораздо ближе, чем Фэй давали понять. Однако ей хотелось привлечь надежных инвесторов. Тех, кто дал бы ей свободу и, самое главное, людей, творящих добро. «Людей с хорошим нутром», — как говорила Крис.

Иногда Фэй вспоминала улыбку Крис, снова слышала ее смех, ощущала ее крепкую ладонь в своей. Если закрыть глаза, можно было представить, что Крис стоит рядом... В горле все сжалось, Фэй вытерла слезы. Снова вернулась прежняя меланхолия.

На что ей деньги и успех, если приходится быть в разлуке с теми, кого она любит? Конечно, ей нравятся ее сотрудницы, однако их не было рядом, когда она ничего из себя не представляла — до того, как стала миллиардершей. И если все рухнет, они схватят свои брендовые сумочки и покинут ее не моргнув глазом. В предприятии, как и в отношениях, все держится на лояльности. Однако же тот факт, что Фэй больше времени проводила с Жюльенной и отдавала предпочтение

своим потребностям, теперь привел к тому, что она теряет контроль над «Ревендж»...

Бросив взгляд на письменный стол, Фэй охнула. Десять пропущенных звонков от Керстин! Должно быть, случайно поставила мобильный телефон на беззвучный режим... С трепетом в груди она набрала номер Керстин.

— Я выяснила, кто стоит за скупкой акций, — с места в карьер заявила та.

Фэй сглотнула.

— И кто же? — как можно спокойнее спросила она.

— Хенрик Бергендаль.

— Да что ты говоришь!

Зажмурившись, Фэй откинулась на спинку кресла. Прежний компаньон Яка. Как она не догадалась, что рано или поздно это произойдет?

Хотя сейчас дела у Хенрика идут как никогда хорошо, некоторое время у него все шло из рук вон плохо. Однако о нем она и не подумала...

— И это еще не всё, — неумолимо продолжала Керстин. — Только что я узнала, что Ирена Арнель продала ему свой пакет акций.

Фьельбака, давным-давно

Я почти бегом бежала домой из школы. Папа собирался поехать в мастерскую чинить машину — он должен был вернуться только поздно вечером. Меня ожидали несколько редких часов свободы.

Мама пообещала, что мы с ней будем шить. От бабушки я узнала, что мама всегда мечтала стать портнихой и еще в детстве шила потрясающие наряды для своих кукол. Сейчас она успевала шить только для дома, однако начала учить меня.

Строго говоря, шитье меня не очень интересовало. Но когда мы с ней сидели бок о бок, перед маминой швейной машинкой «Хюскварна», которую папа после долгих уговоров разрешил ей купить, мне казалось, что мы живем отдельно от всех в своем маленьком мирке. С восторгом я разглядывала ее руки, когда она умело и привычно заправляла нитку, показывала, какие кнопки отвечают за

прямую строчку, а какие — за зигзаг, какой шов где использовать и как закрепить нитку, закончив работу. Каждая минута доставляла мне удовольствие.

Сегодня мама обещала помочь мне сшить шелковые шаровары. С урока домоводства я утащила домой отрез блестящей фиолетовой ткани и теперь представляла себе, как красиво все будет смотреться, когда мы их сошьем.

Когда я вошла в дом, меня встретила тишина. Я осторожно окликнула маму, не будучи до конца уверенной, что папы нет дома. Но никто мне не ответил.

Стоя в прихожей, я огляделась. Мамина куртка висела на вешалке. И ее туфли стояли на подставке для обуви. В моей душе зашевелилась тревога.

— Мама, ты дома?

Ответа не последовало. До прихода Себастиана оставалось несколько часов. Мы с мамой могли провести вместе много времени — редкостный подарок, и я знала, что она ни за что на свете не пропустила бы такое, ибо тоже любила нашу возню за швейной машинкой. Может быть, она просто прилегла?

Осторожно ступая, я поднялась на второй этаж в спальню родителей. Лестница скрипела, но, похоже, меня никто не слышал. Я свернула направо. Дверь в спальню оказалась закрыта, и от этого я испытала облегчение. Наверное, мама просто прилегла отдохнуть...

Я тихонько отворила дверь. Так и есть. Она лежала на постели, отвернувшись от меня. Тихо-тихо я прокралась в комнату, так и не решив, дать ей поспать или все же разбудить. Я знала, как она расстроится, если нам с ней не удастся посидеть за швейной машинкой.

Обогнув кровать и зайдя с ее стороны, я несколько мгновений рассматривала ее, нахмутив брови. Веки мамы подергивались, она засыпала. Тут мое внимание привлек предмет, лежавший на полу. Белая баночка. Крышка валялась отдельно. Я наклонилась и подняла пустую баночку. Снотворное.

Меня охватила паника. Я принялась тормозить маму, но она не реагировала.

В голове у меня царил полный сумбур, однако я быстро поняла, что должна сделать.

Я наклонила ее через край кровати лицом вниз и стала вводить пальцы ей в рот, все глубже и глубже в горло. Поначалу ничего не произошло. Но потом мама вдруг начала всхлипывать, и я почувствовала, как горячие потоки полились по моей руке на пол.

В луже лежали маленькие кусочки таблеток вперемешку со спагетти от обеда. Я продолжала засовывать пальцы ей в рот, пока не пошла желчь. Тогда я прижала ее голову к своей груди.

Она плакала с таким отчаянием, что ее плач эхом отдавался от стен комнаты, а я укачивала свою маму, как ребенка. Никогда еще мне не случалось так ненавидеть папу, как в этот момент. И я поняла две вещи. Я никогда не смогу рассказать ей, что сделал со мной Себастиан. И я должна любой ценой вырвать нас обоих отсюда...

— По какому такому закону Вселенной все должно идти псу под хвост одновременно?

Керстин налила Фэй чашку чая. В «Брумс» толпились посетители, желающие позавтракать. От гула голосов и раздражения у Фэй заболела голова.

— Думаю, ты имеешь в виду закон Мерфи, — ответила Керстин. — Да, знаешь ли, в своей жизни, которая чуть-чуть подлиннее твоей, я заметила, что вещи и явления имеют тенденцию слипаться в ком. Счастье тянет за собой счастье. Горе притягивает горе. Неприятности ходят табуном.

— Тогда к нам сейчас точно пожаловал табун, — проворчала Фэй, отхлебнула чаю и поморщилась. — Кто станет добровольно пить эту дрянь? Мне нужен крепкий кофе.

Остановив проходившую мимо официантку, она прошипела:

— Один капучино, пожалуйста.

Та кивнула.

— Съешь что-нибудь, — проговорила Керстин, указав глазами на стол. Они заказали себе ржаные лепешки, яйца всмятку, мюсли с йогуртом и фруктовый салат.

Фэй покачала головой:

— Я не проголодалась.

Керстин молча ела, в то время как Фэй раздраженно махала официантке, желая напомнить о своем капучино. Всю ночь она провела без сна.

— Не срывай свое раздражение на персонале, — сказала Керстин.

— Делаю как мне нравится.

Фэй наконец-то установила визуальный контакт с официанткой, которая тут же поспешила на кухню.

За окнами светило солнце. Люди торопились по своим делам, и на мгновение Фэй задалась вопросом: неужели и все остальные живут, как и она, резко переходя от надежды к отчаянию?

— Ты должна назвать вещи своими именами, вместо того чтобы ругаться на других, — сказала Керстин. — Ирена действовала у тебя за спиной, несмотря на свои обещания. Она продала свои акции Хенрику, старому компаньону Яка.

Фэй стукнула кулаком по столу. Она не сердилась на Керстин, не сердилась на обслуживающий персонал. Она просто была в ярости.

— Пойду принесу пудинг с семенами чиа, — сказала Фэй и поднялась.

На самом деле есть она не хотела, как и сказала, но ей требовалась передышка, чтобы собраться с мыслями. Стоя в длинной очереди, Фэй чувствовала, что с каждой минутой все больше сердится. Дойдя наконец до стойки, она заказала пудинг со всем, с чем можно, — с черникой, клюквой и кокосовой стружкой. Когда снова уселась за стол, Керстин взглянула на нее, не говоря ни слова. Фэй проглотила не только пудинг с семенами чиа, но и все остальное. Еда легла в животе комом. Фэй перевела дух и откинулась на стуле. Только теперь она заметила, что ей наконец-то принесли капучино.

— Во-первых, — проговорила Фэй, — в голове не укладывается, что Ирена продала свои акции. Еще не успел перевариться у нее в желудке тот обед, который мы с ней съели вместе, а она уже побежала продавать! Мне Ирена всегда казалась такой лояльной, честной... Ничего не понимаю.

— Должно быть, тут что-то кроется, — ответила Керстин. — Однако об этом после. Пока мы имеем только факт: она продала свои акции.

— И к тому же Хенрику, — горько добавила Фэй и, залпом выпив капучино, показала официантке пустую чашку.

— У тебя заболит живот, — сухо проговорила Керстин.

— У меня он и так уже болит настолько, что хуже быть не может. Я совершила так много ошибок, Керстин... От этого у меня болит все, не только живот. Я недооценила ненависть Хенрика ко мне. Недооценила уязвимость «Ревендж». И переоценила лояльность акционеров.

— В таком случае все эти ошибки мы совершили вместе. Я тоже не могла все это предположить.

— Что верно, то верно. Но если честно, от этого несколько не легче.

По всему телу бегали мурашки. Фэй поднялась. За ее спиной официантка поставила на стол еще одну чашку капучино, но Фэй продолжала идти прочь от всего.

В руке у нее зажужжал телефон, и она взглянула на дисплей. Номер не значился в списке ее контактов, однако Фэй узнала его. Это была Ивонна Ингварссон.

— Да, что вы хотели? — сухо ответила Фэй.

Женщина на другом конце линии сделала несколько вдохов. Фэй показалось, что та предвкушает ее реакцию.

— К сожалению, должна сообщить вам, что сегодня утром во время перевозки заключенных произошел побег. Один из сбежавших — ваш бывший муж Як.

Часть II

Теперь
«Афтонбладет»
может раскрыть
секрет: один из
сбежавших
заключенных —
осужденный за
убийство
финансист Як
Адельхейм. Два
года назад его
осудили за
убийство
собственной
дочери. До
приговора он был
исполнительным
директором
инвестиционной
компании
«Компэр», которую
основал. Ранее был
женат на бизнес-
леди Фэй
Адельхейм.
Полиции по-
прежнему не
удалось
обнаружить
никаких следов Яка
Адельхейма, как и
второго
заключенного,
сбежавшего во

*время перевозки в
другую тюрьму.
Пенитенциарное
ведомство по-
прежнему не
раскрывает, каким
образом произошел
побег.*

*«Могу сказать
одно: мы
недостаточно
скрупулезно
соблюдали правила.
Но пока не
расследованы все
обстоятельства, я
не могу давать
какие-либо
комментарии», —
говорит Карин
Мальм, начальник
пресс-службы
пенитенциарного
ведомства.*

*(Из газеты
«Афтонбладет»
от 10 июня)*

Фэй сидела на своей террасе, положив ноги на стол. Проведя пальцами по внутреннему карману своей сумочки от «Шанель», она достала снимок, который там хранила. Фото своей мамы и Жюльенны, которых она сама сняла на пляже на Сицилии. Море позади них казалось блестящим, как зеркало; Жюльенна с взъерошенными мокрыми волосами сидела на коленях у бабушки. Единственная фотография на свете, на которой они изображены вместе. В Италии

Фэй не решалась ни снимать, ни хранить фотографии. Их воспоминания она вместо этого хранила в сердце.

Некоторое время Фэй разглядывала снимок, потом положила его обратно в сумочку, подумав о том, что надо найти для него более надежное место. От тоски по Жюльенне ныло во всем теле — настолько, что на несколько секунд заглушило тревогу, которую Фэй испытывала круглосуточно с тех пор, как узнала пугающую новость.

Прошло пять дней с тех пор, как сбежал Як. Пока полиции не удалось его задержать, хотя они заверяли и журналистов, и Фэй, что бросили на его поиски дополнительные силы.

Паника первых дней начала отступать. Из полиции ей звонили каждый день, чтобы убедиться, что всё в порядке, да и маловероятно, чтобы Як объявился здесь — чистейшей воды безумие! Но судя по тому, что бывший говорил на суде, он убежден, что Жюльенна жива, а это исключительно опасно.

Фэй он мог найти без проблем, но Жюльенна и мать Фэй находились в Италии в безопасности. Никаких следов, никаких доказательств их существования — кроме фотографии, которую Фэй хранила в сумочке. Она осознавала, что это большой риск, однако ей так важно иногда взглянуть на снимок и напомнить себе о самом главном — о том, что заставило ее поступить так, как она поступила...

Ее размышления прервал звонок мобильного телефона. Фэй ощутила волну тепла, увидев на дисплее имя Давида. Он должен был прийти через часок, и она пошла к подставке с вином, чтобы заранее открыть бутылку.

— Привет, мой дорогой, скучаю без тебя, — сказала она.

В трубке повисла пауза, и Фэй поняла: что-то не так. На мгновение ей даже показалось, что сейчас она услышит голос Яка и тот заявит ей, что Давид мертв.

— Сегодня никак не смогу вырваться, — произнес Давид; его голос звучал напряженно и почти шепотом. — Юханна устроила ужасный скандал. Она кричит и рыдает. Девочки напуганы.

Фэй вздохнула, сделала над собой усилие, чтобы подавить раздражение. В конце концов, Давид не виноват.

— Вероятно, проблемы начались, когда ты решил рассказать, что с кем-то встречаешься...

— Я даже и рассказать ничего не успел. Кое-кто из знакомых видел нас вместе в городе. Тут творится полнейший хаос...

— Так чего же она хочет? Ведь вы уже решили разойтись. Тогда какое ей дело, что ты с кем-то встречаешься?

— Хорошо бы, если б все было так просто... Она считает, что пока слишком рано, и к тому же очень рассердилась, что узнала об этом от других. Для Юханны исключительно важна внешняя сторона дела. А мы еще пока никому не рассказывали о том, что разводимся.

— Разве ты не можешь все равно приехать ко мне? Какой смысл сидеть там и ссориться?

Давид вздохнул:

— Она требует, чтобы я отвез девочек завтра утром в конный лагерь. Говорит, что я забыл о них, что больше думаю о сексе, чем о собственных дочерях.

— Ведь она сама мешает тебе видеться с ними.

— Знаю... — Давид перевел дух. — Прости. Дети — мое слабое место, и Юханна это прекрасно знает. Не хочу, чтобы они оказались заложниками всей этой ситуации. Надеюсь, ты меня поймешь.

Фэй вздохнула. Нужно трезво взглянуть на ситуацию. Задобрить Юханну. По крайней мере, на время. Дома Давид спит в комнате для гостей, и вероятные попытки Юханны соблазнить его окажутся безрезультатными.

— Все нормально. Я скучаю, но понимаю тебя. Дети важнее всего, так и должно быть.

— Спасибо, — ответил Давид, и Фэй услышала облегчение в его голосе. — Спасибо, что делаешь трудное немного легче.

— Увидимся завтра.

— Скучаю. Обещаю восполнить тебе потерю.

Фэй осталась сидеть с телефоном в руке. И хотя она заверила Давида, что с ней все нормально, все же ее охватило чувство одиночества и брошенности.

Впервые с момента их встречи Фэй ощущала разочарование, хотя и понимала, что это несправедливо. Давид ничего не может поделать с тем, что завел детей с женщиной, которая оказалась не такой, как он думал поначалу, — так же как Фэй нельзя обвинять за ее брак. Что он за мужчина, если не пытается устроить все наилучшим образом для

своих дочерей? Напротив, его любовь к ним много говорит о нем, как о человеке; и с этим человеком ей хотелось познакомиться поближе.

Фэй снова потянулась к телефону и послала Керстин сообщение с вопросом, не хочет ли та прийти к ней в гости. Остаться одной в этот вечер ей не хотелось. Керстин появилась через пять минут — один из многочисленных плюсов жизни через стенку друг от друга.

— Я прихватила с собой немного нарезки и сыра, — сказала Керстин. — Заходила сегодня на рынок деликатесов.

— Ты просто ангел!

Фэй налила бокал «Амароне» и протянула Керстин, которая уселась на диван.

— Что у тебя случилось?

— Об этом я не хочу говорить, — ответила Фэй и наполнила собственный бокал. Разговор с Давидом камнем лег на душу — ей требовалось собраться с силами.

— А о «Ревендж» ты можешь говорить? — спросила Керстин, потянувшись за кусочком прошутто. — Мы не можем позволить себе отложить этот разговор.

— Лучше уж об этом. — Фэй кивнула. — Мы должны взвесить, какие у нас есть союзники. Самим нам не справиться.

— Тебе известно, с кем, на мой взгляд, ты должна связаться.

— А тебе известно, что я считаю сплошным безумием даже думать об этом, а уж тем более предлагать...

— Сейчас нам потребуется немного безумия.

Фэй медленно кивнула. Несмотря на лето, она разожгла огонь в камине, и в нем уютно потрескивали дрова. Держа перед собой бокал, Фэй разглядывала вино на свет — на фоне языков пламени оно мерцало, как рубин. Она взяла себе кусочек таледжо. Тщательно прожевала его, прежде чем ответить, — обдумывала ответ.

Керстин права. Какой бы ненавистной ни была эта истина, Керстин права. Ильва Лендорф. Неужели придется снова впустить ее в свою жизнь?

До того как отнять у Фэй мужа, Ильва была восходящей звездой издательского бизнеса, который за несколько лет преобразовала. Правда заключалась в том, что Фэй сама убедила Яка принять Ильву на работу — приглядывалась к ней, еще когда та училась в Торговом институте. Поэтому, когда она обнаружила их в своей постели, это

ощущалось как двойное предательство. Однако теперь Фэй вынуждена взглянуть на ситуацию новыми глазами. Одному Богу известно, что там Як говорил о ней Ильве. Но разве та сама не стала жертвой Яка? Как и Фэй, она испытала на себе обман и манипуляции. Ее укротили, заперли в клетке. Он использовал ее любовь к нему — заставил ее бросить работу, стать покорной домохозяйкой. Однако факт есть факт: Ильва Лендорф по-прежнему один из самых блестящих экономистов Швеции. Впрочем, сильно упала в цене...

— Хорошо, я знаю, что ты имеешь в виду Ильву. Возможно, это верный путь. — Фэй отпила глоток вина, прежде чем продолжить. — У меня тоже есть одна кандидатура.

— Вот как? — откликнулась Керстин, подавшись вперед. — И кто же это?

— Алиса Бергендаль.

— Алиса? Скучающая домохозяйка с Лидингё на грани развода? — Керстин рассмеялась.

— Да, именно она.

В годы семейной жизни с Яком Алиса представлялась Фэй недостижимым совершенством. Это была идеальная домохозяйка. Красивая, лояльная и понимающая. Сексапильная без вульгарности. Выглядела она как обольстительная эльфийка — силиконовые груди сделаны с большим вкусом, а ноги такие длинные, что между ними легко мог бы пройти целый паром.

Поэтому Фэй несказанно удивилась, когда сайты сплетен кинули ее в водоворот развода Алисы и Хенрика. Алиса, которая раньше и в туалет не отлучалась без согласия мужа, спросив его по дороге, когда он желает, чтобы она сделала ему минет — до ужина или после, — вдруг появилась на страницах журналов в окружении армады адвокатов. Затянувшийся развод в течение двух месяцев являлся основной темой для разговоров в стокгольмском высшем свете. Фэй не терпелось узнать, что же вызвало такое превращение в прежде сговорчивой Алисе. Однако она подозревала, что бунтарское начало в ней присутствовало и ранее — Алиса инвестировала в «Ревендж», не поставив в известность мужа.

— Ничто так не объединяет, как наличие общего врага, — сказала Фэй. — Хотя я все равно не понимаю, почему Хенрик так поступает. Он вышел сухим из воды. Снова поднялся...

Керстин положила руку на плечо Фэй и слегка сжала его.

— Для такого мужчины, как Хенрик, не имеет значения, что он снова добился успеха, — проговорила она. — Ты навлекла на него скандал, навредила его репутации. Для таких, как Як и Хенрик, это означает, что ты ранила их гордость, их мужскую суть. Потому-то он ненавидит тебя. Потому и хочет отнять у тебя «Ревендж».

Фэй кивнула.

— Думаю, ты права, — ответила она. — Но мне кажется, что ты недооцениваешь Алису. Никто на свете не знает все его слабые места так, как она.

— Алиса. И Ильва, — задумчиво проговорила Керстин, откинувшись на спинку дивана. — Неплохая комбинация.

Фэй отхлебнула еще глоток вина. Кажется, они на верном пути. Она посмотрела на Керстин:

— А еще я должна поговорить с Иреной. Выяснить, почему она предала меня.

Великолепная вилла Алисы и Хенрика Бергендалей располагалась на дальнем конце острова Лидингё и имела собственный песчаный пляж. Далеко в воду уходили мостки; рядом с ними покачивался на волнах большой катер, поблескивая в лучах заходящего солнца.

— Я так обрадовалась, когда ты позвонила, — сказала Алиса. — Представь, мне не хватало тебя...

Они сидели в креслах на огромной террасе всего в паре метров от береговой линии. На столе перед ними красовалось несколько бутылок вина из собрания Хенрика. На Алисе было простое красное платье, светлые волосы схвачены в хвостик на макушке.

Когда Алиса открыла дверь и увидела Фэй, вид у нее поначалу был шокированный. Они обнялись достаточно холодно, но когда уселись на веранде, разговор пошел легче. Теперь Фэй казалось, что она беседует с давней подругой.

— Иногда мне бывает одиноко по вечерам, — продолжала Алиса.

— А где Хенрик и дети?

— У нас есть еще квартира на Дандерюдсгатан, так что он оборудовал там для них комнату.

Алиса подалась вперед, прочла этикетку на одной из бутылок, кивнула и потянулась за штопором.

— Сейчас другие времена, — проговорила Фэй.

— Да, все изменилось к лучшему. Вернее... Прости. Я не это имела в виду.

Прошло полсекунды, прежде чем Фэй поняла: Алиса говорит о смерти Жюльенны.

— Очень тебе сочувствую. Я думаю о ней каждый день.

— Спасибо, — мягко проговорила Фэй и взяла бокал, который ей протянула Алиса. — Давай поговорим о чем-нибудь другом. Ты не могла бы рассказать мне, что случилось у тебя с Хенриком? Неотредактированную версию, пожалуйста...

Алиса сделала глоток и медленно кивнула.

— Как ты знаешь, я нормально относилась к тому, что Хенрик мне постоянно изменял, — начала она. — Пока он обделывал свои дела втайне и это не задевало меня и детей, я считала, что готова заплатить такую цену. Думала, что успешные мужчины всегда изменяют. Иногда даже убеждала себя, что это и есть их ключ к успеху. Ненасытный голод, сама понимаешь... К деньгам, власти и... к женщинам. Ну, и потом, у меня самой было рыльце в пушку, как ты знаешь.

Она многозначительно улыбнулась своими красивыми губами, и Фэй вспомнила, что Алиса попросила у нее когда-то номер телефона молодого татуированного красавца Робина. Кажется, в течение какого-то периода они встречались раз в неделю, когда Хенрик думал, что Алиса ходит на пилатес.

Но тут в ее глазах появилось грустное выражение.

— В августе прошлого года мы взяли новую няню. Дочку друга детства Хенрика, одного из его главных инвесторов и клиентов. Ей было семнадцать, она училась на втором курсе гимназии и хотела подзаработать денег, чтобы поехать с друзьями на Родос. Гоняла, понимаешь ли, на мопеде. Трясла волосами и постоянно жевала жвачку. Наверняка у нее и трусики были с «Хелло Китти». У меня даже мысли не возникло... — Алиса покачала головой.

— Так что произошло?

— Однажды я вернулась домой, когда она должна была забрать детей. Я припарковалась, вылезла из машины и услышала на участке голоса детей. Обогнула дом и увидела, что они играют без присмотра. Ванная у нас на нижнем этаже, окно было открыто. Изнутри я услышала... ну, ты поняла.

Алиса облизнулась, допила последние капли из своего бокала и отодвинула его от себя. Фэй сочувствовала ей. Она и сама застала Яка с другой — ничто в жизни не может подготовить человека к такому шоку. Вспомнила, как стояла, словно окаменев, а потом с плачем кинулась в комнату. Як тут же заявил, что он с ней разводится, и Фэй на глазах у голой Ильвы Лендорф умоляла его остаться. Обещала забыть. Взять себя в руки. Только бы он не бросал ее...

Она поежилась от подступивших воспоминаний.

— Я думала, меня охватит злость или отчаяние, — продолжила Алиса, — но вместо этого почувствовала, что надо действовать. Немедленно. Я достала телефон и стала снимать через щелку в окне.

— Это видео...

— ...обойдется ему в пару сотен миллионов, — Алиса рассмеялась. — А для верности я сняла и еще несколько фотографий. С хорошим увеличением. Фэй, ты себе даже не представляешь... Теперь я потребую половину — всего. Иначе вся Швеция увидит финансиста Хенрика Бергендаля в таком виде, в каком она его видеть не желает. И я весьма сомневаюсь, что Стен Стольпе будет продолжать иметь дело с Хенриком после того, как увидит, как тот трахает в попку его дорогую доченьку.

Она слегка пожала плечами.

Фэй подалась вперед.

— Почему же ты осталась жить в этом доме после того, что произошло с Хенриком и няней?

— Потому что это дом моей мечты, мне здесь всегда нравилось. Я не позволю ему отнять у меня дом. Но ванной я больше не пользуюсь. Когда закончится развод, переоборудую ее в гардеробную.

Стоял светлый тихий вечер. В воде плеснула рыба. Алиса повернулась на этот звук, медленно провела рукой по другой руке. Вид у нее вдруг стал невыносимо грустный.

Фэй кашлянула.

— С тобой всё в порядке?

— Не знаю.

— Ты скучаешь по Хенрику?

— Ты что, спятила? Я скучаю по детям, когда они не у меня. Но построить всю свою жизнь вокруг мужчины, сидеть и ждать, пока он явится домой, светить отраженным светом, стать скорее предметом интерьера, чем партнершей... Нет, по такому я не скучаю. Проблема только в том, что сидеть одной, когда дети у него, очень одиноко. Единственные люди, с кем я общаюсь, это мои адвокаты.

— Надеюсь, они, по крайней мере, красивые. И с ними можно переспать.

— Учитывая, сколько я им плачу, они должны выглядеть как греческие боги. Но — увы. Похоже, все адвокаты на одно лицо — толстые и лысые.

— Эх, жаль... Ну, за тебя! — сказала Фэй и рассмеялась. — Тебе нужно пообщаться с мужчиной. Мы это устроим.

— Да, после всех долгих лет общения с крошечным отростком Хенрика мне хотелось бы вспомнить, как это, когда в тебя входит нечто существенное. Будем здоровы!

Фэй расхохоталась и чуть не поперхнулась вином. С такой новой Алисой она могла бы подружиться.

Хихикая, они сблизили бокалы и громко чокнулись. Як и Хенрик всегда делали им замечание, когда они чокались за столом.

— «Фу, как вульгарно!» — хором произнесли женщины деланными голосами и засмеялись.

Потом повторили еще раз, просто для порядка. Фэй сделала несколько больших глотков. Вино было изысканное.

— Алиса, тебе надо чем-то заполнить свое существование. Иначе ты просто сойдешь с ума. Адвокаты для бракоразводного процесса — вещь необходимая, но тебе нужно поставить себе цель и бороться за нее. Это нужно каждому человеку.

Алиса медленно кивнула, задумчиво глядя на воду.

— Я познакомилась с Хенриком, когда была очень молода. И все вопросы содержания семьи возложила на него. Всю свою профессиональную жизнь я была лишь хорошо оплачиваемой домработницей. Давай говорить начистоту. Я умею организовывать вечеринки, улыбаться гостям своего мужа и делать так, чтобы им было

уютно. В этом и заключается предел моих способностей. Кто захочет взять меня на работу?

Фэй покачала головой. Она страдала вместе с Алисой. На деле ее описание соответствовало действительности. Однако Алиса не упомянула о самом главном.

— Что ты, Алиса! Ты же социальный гений. Ты знаешь, как ведут себя мужчины, наделенные властью, потому что много лет видела их здесь в качестве гостей. И ты знаешь, как ведут себя женщины — богатые, которые в состоянии за себя заплатить. Такие знания не приобретешь в университете. На самом деле ты дорогого стоишь.

— Для кого?

— Для меня. И для «Ревендж».

Секунду Алиса смотрела на нее в упор, потом разразилась громким смехом.

— Сказать по правде, Фэй, я понимаю — ты выпила и все такое, но зачем я тебе сдалась? Ценю твой жест, но не надо делать мне одолжение лишь потому, что тебе меня жалко. Меня не жалко. Я никчемная, но я справлюсь.

Она провела в воздухе рукой с бокалом вина.

— К тому же у тебя есть Керстин — кто сравнится с твоей суперпомощницей?

Фэй подумала, что это абсолютно типично для женщин: недооценивать себя. Не видеть собственной ценности. «Так нас воспитывают. Этому учит нас мир. А миром управляют мужчины, которые наживаются на том, что мы считаем себя ценными только тогда, когда состоим в отношениях с ними».

Фэй устремила на Алису пристальный взгляд.

— Не говори так сама о себе, не называй себя никчемной. Если ты будешь повторять это много раз, это станет истиной — для тебя. А потом и для твоей дочери. А Керстин работает у меня едва ли не на полставки, тратя все больше времени на детский дом в Индии. И на Бенгта — человека, который открыл ей эту страну. И я хочу, чтобы у нее это было. Она заслуживает второй попытки. Но мне нужен кто-то. Мне нужна ты.

Не сводя глаз с Алисы, она поднесла к губам бокал.

— Неужели ты думаешь, что я построила «Ревендж» за счет того, что была добренькой и делала одолжения своим друзьям направо и

налево? Нет, я никогда не взяла бы человека на работу по доброте душевной. Никогда не связалась бы с тем, чей вклад не принесет денег. У тебя нет высшего образования, и что с того? Академические знания мало значат в реальной жизни. И ты это прекрасно знаешь. Ты сама не раз беседовала с мужчинами, имеющими дипломы американских университетов, и чувствовала себя умнее них. Ты не разбираешься в цифрах, но понимаешь мир и людей, которые действуют в нем. Так что перестань называть себя никчемной. К тому же ты уже вовлечена, поскольку с самого начала инвестировала в «Ревендж».

Алиса смотрела на нее, подняв бровь.

— Хватит болтать ерунду. Зачем ты пришла, если по-честному?

Скрестив руки на груди, она ждала ответа Фэй. Та одобрительно глянула на нее. Алиса оказалась умной, как она и надеялась.

Фэй сделала глубокий вдох. Вода блестела под лучами заходящего солнца.

— Кто-то пытается отнять у меня «Ревендж». Я близка к тому, чтобы потерять то, что с таким трудом построила.

— У тебя ведь остался капитал? — проговорила Алиса, наморщив лоб. — После продажи своих акций?

— Да, финансово я обеспечена. С запасом. Но дело не в этом. «Ревендж» — это я. Кроме того, «Ревендж» — это еще и Крис.

Алиса кивнула. Попивая свое вино, она смотрела на воду. Тишину нарушали лишь крики птиц из небольшой рощицы.

Фэй ждала, пока собеседница переварит сказанное. Она намеревалась еще кое-что рассказать. Подумав, Алиса повернулась к Фэй:

— А кто же скупает твои акции?

— Поначалу я не знала. Правда скрывалась за мешаниной из разных покупателей в Швеции и за границей. Но в конце концов нам удалось пробраться сквозь эти заросли и найти того, кто стоит за всем этим.

— Хенрик! — воскликнула Алиса.

Фэй с удивлением посмотрела на нее:

— Так ты знала?

— Нет-нет. — Алиса замахала руками. — Иначе я предупредила бы тебя. Но я не удивлена. Думаю, ты даже не представляешь себе, до чего он тебя ненавидит. Однако я не ожидала, что он начнет

действовать. Хенрик много болтает, это его особенность. Одно время я даже собиралась связаться с тобой и предупредить, до чего Хенрик зол на тебя, но ты... у тебя были другие заботы.

Солнце исчезло за линией между морем и небом. Фэй опустила глаза. Алисе неизвестно, что Жюльенна жива. Так и должно быть, навсегда.

Она налила еще вина — и себе, и Алисе.

— Он очень близок к успеху. Я допустила оплошность. Я была... поначалу совершенно поглощена горем и яростью. Потом позволила себе расслабиться. Поверить, что все плохое позади.

Алиса, снова кивнув, несколько секунд сидела неподвижно. Потом подняла бокал.

— Понимаю, тебе нужна сообщница. Мне доставит огромное удовольствие подставить подножку этому самодовольному негодяю.

Фэй рассмеялась, и они громко чокнулись бокалами. Возможно, жива еще надежда на сестринство — несмотря на предательство инвесторов.

* * *

Алиса предлагала ей остаться переночевать, но Фэй хотела вернуться в свою квартиру и обсудить с Керстин кое-какие идеи. Однако когда такси проезжало по улице Юнгфругатан, она попросила шофера остановиться. Здесь жила Ирена Арнель. Несколько лет назад Фэй побывала у нее на роскошном ужине и теперь узнала ее дом.

На мгновение она заколебалась. Представила себе эту красивую женщину. Всегда собранная. Всегда преисполненная достоинства. Как она могла?..

Расплатившись за такси, Фэй вылезла из машины и, подойдя к подъезду, набрала на домофоне номер квартиры Ирены.

Звонок звучал за звонком, и Фэй подумала было, что Ирены нет дома. Быстрые шаги за спиной заставили ее обернуться, но это был всего лишь бегун в ярких легинсах. С тех пор как Як совершил побег, Фэй старалась не ходить вечером по городу одна, но случайный импульс заставил ее остановиться у дома Ирены. Каждое мелкое движение, которое она замечала боковым зрением, теперь казалось

предвестником беды. Фэй снова изо всех сил нажала на кнопку домофона. На этот раз Ирена ответила.

— Привет, это Фэй. Знаю, ты наверняка не хочешь со мной разговаривать, но... можно мне подняться к тебе?

Фэй затаила дыхание. Керстин не советовала ей пускаться в разговоры с Иреной, пока они не разобрались с более насущными проблемами. Но она ощущала острейшую потребность поговорить с Иреной. Правда, пакет акций уже продан, но Фэй любила Ирену, полагалась на нее. И никак не могла понять, как же это все получилось. А ей важно было разобраться. Возможно, в этом кроется ключ к пониманию происходящего, хотя Керстин в это и не верит...

— Ирена! — окликнула она. — Пожалуйста!

Дверь зажужжала, и, кинув последний взгляд через плечо, Фэй поспешно вошла в подъезд.

Лифт был старый, тесный и невыносимо медлительный. Когда он добрался до третьего этажа, Фэй отодвинула черную скрипучую решетку и увидела, что Ирена ждет ее у своей двери — в сером домашнем костюме, без макияжа, в махровой повязке, перехватывающей короткие волосы. Судя по блеску кожи, она, должно быть, как раз совершала вечерний косметический ритуал перед отходом ко сну.

— Заходи, — тихо проговорила Ирена.

Судя по ее неподвижному лицу, ей совсем не хотелось разговаривать с Фэй, однако она все жепустила ее.

— Хочешь чаю?

— Ну да, — ответила Фэй и поморщилась.

— Поняла тебя.

Ирена пошла в кухню, достала два бокала, а из холодильника — открытую бутылку шабли. Вслед за ней Фэй проследовала в просторную гостиную, где на том самом ужине подавали только что прибывшим гостям напитки. Высокие потолки с барельефами.

Они сели на диван, обитый тканью с узором от Йосефа Франка. Фэй еще только размышляла, с чего начать разговор, а Ирена уже взяла инициативу в свои руки.

— Я... я собиралась с тобой связаться. Понимаю, как это выглядит со стороны. Поверь мне, я уже почти неделю не сплю по ночам. Но...

— Но — что? — спросила Фэй, не в силах сдержать свои оскорбленные чувства, так что в голосе ее прозвучал упрек.

Ирена не торопилась отвечать. Она повертела в руках бокал, потом отставила его на мраморную столешницу журнального столика, поднялась и стала зажигать свечи, явно выигрывая время.

Фэй не торопила ее. Внезапно она увидела, какая Ирена исхудавшая и измученная. Всю злость как рукой сняло. Явно произошло что-то серьезное, и она готова дать Ирене шанс объясниться.

Наконец Ирена снова уселась на диван рядом с ней и взяла бокал. Она забилась в угол, подтянула под себя ноги и сделал глубокий вдох.

— Утром после нашего с тобой обеда меня поджидал у подъезда какой-то мужчина. Он принес конверт и попросил меня туда заглянуть. И сказал, что после этого мне следует ожидать телефонного звонка. Я взяла конверт, и человек исчез, прежде чем я успела хоть что-то сказать. Поначалу я только посмеялась. Казалось, все это взято из дурацкого шпионского фильма. Но потом поднялась в квартиру и... и открыла конверт. — Она сделала большой глоток вина.

— И что там было?

Ирена не ответила. Она несколько раз сморгнула и только потом взглянула в глаза Фэй.

— В конверте лежали мои тайны.

— Твои тайны?.. Мне казалось, вся твоя жизнь — раскрытая книга.

— Все так думают. Мне удалось создать себе происхождение, придумать историю жизни, в которую все верят. Это, знаешь ли, не так уж и сложно. Несколько уместно рассказанных историй. Несколько эпизодов. Красная нить в СМИ. Никто не сомневается, что все так и было.

Фэй кивнула. Она-то ведала об этом лучше всех. Знала бы Ирена!.. Главная задача СМИ — помимо того, чтобы рапортовать о событиях — заключается в том, чтобы критически оценивать информацию. Однако в Швеции никто не будет критически анализировать складную историю. А в этом и Ирена, и Фэй преуспели. В создании складных историй.

— Я выросла вовсе не в Бромме. И родители мои не были адвокатами. Моя мама растила меня одна. Спившаяся потаскуха по

имени Соня. Ее я ненавидела всей душой. Но отчасти повторила ее путь. Связалась с плохой компанией. Много пила. Принимала и... и всякое другое. Забеременела. Не могла и не хотела оставить себе ребенка. Так что отдала его на усыновление. Понятия не имею, где он сегодня. Вернее, понятия не имела. В конверте лежали ее фотографии. Она уже взрослая.

Ирена рассмеялась, осознав, что сказала.

— Ясное дело, она уже взрослая. Глупая ремарка... Она... ей за сорок. Прокурор, только представь себе. И к тому же в Йончёпинге. Муж, двое детей. Счастливая жизнь — по крайней мере, если судить по ее фото в «Инстаграме», куда я с тех пор почти маниакально залезаю.

— И ты не захотела разрушить ее жизнь...

Ирена посмотрела на свою гостью. В ее взгляде таился океан боли. Вся злость Фэй улетучилась. Она поняла. До конца, до точки. Иногда приходится делать то, что вынужден сделать. Чтобы защитить своих.

— Да, я не хотела разрушить ее жизнь. Так что пожертвовала тобой. Такова горькая правда, и скрыть ее я не могу.

Прямо на глазах у Фэй Ирена постарела. Они не были столь близкими подругами, чтобы Фэй могла положить руку на ее ладонь и утешить ее; она отставила стакан, сцепила руки на коленях и заговорила — спокойно, в надежде, что Ирена воспримет каждое ее слово:

— Я понимаю тебя. Понимаю на все сто и на твоём месте поступила бы так же. Подозреваю, ты не единственная из тех, кто продал свои акции, получив такой конверт. Честно тебе скажу: я была обижена, расстроена и сбита с толку. Мне словно нож в спину всадили. Но теперь я понимаю, что произошло, и повторяю еще раз: я поступила бы точно так же. Ты дала мне важный кусочек пазла. Спасибо.

— Да за что же тебе меня благодарить, — глухо ответила Ирена.

— И тем не менее я тебе благодарна, — проговорила Фэй и встала. — А сейчас мне пора домой. И тебе нужно ложиться.

Ирена проводила ее до дверей.

— С того дня, как все это произошло, я навела справки о фирме Хенрика, — сказала она.

Фэй подняла брови.

— Вот как?

— Там по-особому обращаются с женщинами, — пояснила Ирена, поморщившись. — Их воспринимают как украшения, как цацки; они не продвигаются по службе, их никто не слушает. Похоже, там царит позавчерашний день.

Фэй вздохнула. Слова Ирены напомнили ей все ее годы жизни с Яком.

— Я не удивлена, — ответила она.

Ирена покачала головой:

— Я тоже. Как бы то ни было, мне полегчало от разговора с тобой. Очень плохо было на душе...

Фэй положила руки ей на плечи.

— Во-первых: с моей стороны нет никакой враждебности. И во-вторых: ты используешь кремы «Ревендж» или изменила нам?

Ирена улыбнулась:

— Изменила. Я человек старой закалки. Пользуюсь только кремом «Нивеа». Как моя бабушка.

— Проклятая «Нивеа», — фыркнула Фэй и обняла Ирену.

Спускаясь вниз в крошечном лифте, она видела Ирену через решетку. Они помахали друг другу. Фэй прижалась лбом к зеркалу. Ирена дала ей ответ, однако она не была уверена, что этот ответ ей поможет.

Фьельбака, давным-давно

Думаю, я была единственным человеком во всей Фьельбаке, не любившим парусный спорт. Море пугало меня. Поэтому я сама себе удивилась, когда согласилась на предложение Себастиана покататься на яхте с ним, Томасом и Рогером.

Хотя Себастиан еще несколько раз приходил ко мне по ночам, временами он был со мной вполне дружелюбен. Как раньше. Когда мы с ним объединились против всего мира.

Я подумала, что эта поездка — способ попросить прощения. Восстановить прежнюю дружбу. Я хотела, чтобы это было так. Мне

хотелось забыть. Хотелось, чтобы все стало как прежде — до того, как дверь в мою комнату отворилась однажды ночью.

Целью нашего путешествия стал необитаемый остров под названием Иксён.

Яхта «Марика» принадлежала отцу Рогера.

Мы собрались на мостках в пятницу в девять утра. Томас и Рогер опоздали минут на пятнадцать. Они пришли, волоча на себе большую сумку, палатку и четыре ящика крепкого пива. Мы забрались на яхту. Рогер был большой и молчаливый, отвечал только на прямое обращение, но казался добрым великаном. Большим и глупым. Он все время держался рядом с Томасом, словно охранял его.

Рогер протянул Себастиану банку пива, тот открыл ее и отпил немного. Раньше Себастиан никогда не пил в моем присутствии, но мне не хотелось ставить его в неудобное положение при друзьях, и я промолчала. Села на нос яхты, подтянула коленки к груди и смотрела на море, пока мы отчаливали.

Поднять глаза на Томаса я не решалась. Постоянно ощущала на себе его взгляд, но пыталась напустить на себя независимый вид. В нем чувствовалось что-то изысканное. Казалось, он скорее житель большого города. Может быть, потому, что родители у него были богачи — по меркам Фьельбаки, — и его мама уделяла много внимания одежде сына и тратила на нее большие деньги. Сегодня Томас красовался в бежевых шортах и белой пикейной футболке. Он сидел рядом со мной — очень красивый, я таких и не видела.

— Хочешь? — спросил Томас, протягивая мне банку пива.

— А нам хватит на всех? — спросил Себастиан.

Если в последнее время он был со мной добрее, чем обычно, это еще не означало, что он добрый. Теперь брат стоял с сигаретой в руке. Непривычно было видеть, как он курит.

— Ясное дело, Матильде тоже надо выпить пива, — ответил Томас. — У нас его с собой прорва.

Я взяла у него из рук банку. Улыбнулась. Но по-прежнему не решалась встречаться с ним глазами. Может быть, я встречу парня, похожего на Томаса, когда переберусь в город...

Я копила деньги, подрабатывая в кондитерской. Откладывала каждую заработанную крону, чтобы вырваться из Фьельбаки.

Пиво оказалось горькое, и я изо всех сил постаралась не скривиться. Но когда заставила себя выпить полбанки, по телу растеклось приятное тепло, и я начала расслабляться. Чем больше я пила, тем вкуснее мне казался тепловатый напиток.

— Кстати, спасибо за помощь, — проговорила я внезапно. Откуда-то взялась смелость, и я посмотрела Томасу прямо в глаза.

— Спасибо за что? — спросил он с интересом.

— Ты помог мне на прошлой неделе, когда я уронила учебники.

— Да ну, какая мелочь... Это ведь тот ублюдок Стефан подставил тебе подножку, да?

Я кивнула, и Томас протянул мне новое пиво.

— Не обращай внимания на этих уродов, — сказал он, а в глазах у него отражался блеск волн.

Меня удивило, что Себастиан не встрял с каким-нибудь насмешливым комментарием, но когда я обернулась к нему, он сидел, закрыв глаза, в кабине. Похоже, заснул. Внезапно я смутилась. Томас не сводил с меня глаз.

В груди затеплилась надежда...

Черный «Мерседес» затормозил на углу Йётгатан, Фэй расплатилась и вылезла.

Светило солнце, отчего крыши Сёдермальма и округлый силуэт «Глобен-арены» вдалеке красиво поблескивали. По небу, словно сигаретный дым, проносились тонкие маленькие облачка. Горестно ныла электрогитара уличного музыканта.

Пробравшись сквозь толпу, Фэй отыскала кафе под названием «Мюгген». Стоя чуть в стороне, она попыталась заглянуть в полутемные помещения. Обстановка состояла из просиженных диванов и кресел, обитых разными тканями разнообразных цветов. На стенах висели старые картины в золотых рамах, не объединенные никакой общей концепцией.

Уже собираясь пересечь улицу, Фэй заметила внутри знакомое лицо. Но это была не Ильва, а следователь Ивонна Ингварссон. Сердце

забилось в два раза быстрее, когда она обнаружила, что следователь беседует с Ильвой.

Фэй быстро переместилась в душное кафе «7-11» и села на барный стул, не сводя глаз с двери «Мюгген».

Что тут вынюхивает Ивонна? Это все начинает действовать ей на нервы. Хотя Ильва и отняла у нее Яка, Фэй отвоевала его обратно. Тайно сняла на видео, как они занимаются любовью, и послала запись Ильве. А потом раздавила и Яка, и Ильву. Той неизвестно ничего такого, что могло бы навредить Фэй, но ее ненависть — фактор риска. Исключительно важно переманить ее на свою сторону...

Через пять минут Ивонна вышла из кафе. Фэй спряталась за полкой внутри кафе-магазина, а потом пересекла улицу и потянула на себя дверь «Мюгген».

Ильва стояла за громоздким старинным кассовым аппаратом, который явно красовался там исключительно для антуража — небольшая табличка извещала, что кафе не принимает наличные. Волосы у нее были схвачены в простой хвостик, черная облегающая футболка обтягивала грудь. Перед Фэй стояли два человека; Ильва обслужила их быстро и четко. Наконец настал черед Фэй. Увидев ее, Ильва охнула.

— Пожалуйста, кофе и бутерброд с сыром и ветчиной.

Ильва кивнула и сделала то, что заказала Фэй.

— Это будет... — Она кашлянула. — Восемьдесят восемь крон.

Фэй приложила к считывателю свою карту «Центурион»^[16].

— Я знала, что рано или поздно ты появишься.

— У нас с тобой есть общая проблема, — ответила Фэй.

Ильва кивнула, но тут же перевела взгляд на посетителей, стоявших позади Фэй.

— Я должна принять заказы. Присядь, я подойду, когда образуется окно.

Фэй кивнула в ответ, взяла свой кофе с бутербродом и села за столик у окна. Достала телефон. Сообщение от Давида. Каждый раз, когда она видела его имя на дисплее, сердце подпрыгивало в груди.

С улыбкой на губах она открыла сообщение и прочла:

*Не смог удержаться, когда увидел это. Настолько в твоём духе...
Понадеялся, что тебе понравится.*

Фэй открыла приложенный снимок и охнула. Давид купил ей художественную фотографию, которую она обожала больше всего на свете: портрет Фэй Данауэй^[17] у бассейна в отеле «Бeverли Хиллз», снятый Терри О'Нилом на следующее утро после того, как она получила своего «Оскара». Как он догадался? Откуда так хорошо ее знает, хотя они так недавно знакомы? Фэй невольно широко улыбнулась.

Отложив телефон, она взяла салфетку и начала писать на ней чернильной ручкой. Затем достала из сумки ноутбук, положила поверх салфетки и залезла в почту. А затем, не поднимая головы, читала письма, пока на стул напротив нее не присела Ильва. Та стряхнула с футболки крошки, расправила ее, избегая смотреть в глаза собеседнице.

— Як связывался с тобой? — спросила Фэй.

Ильва замотала головой.

— Нет. И вряд ли станет связываться. Да и зачем ему это? Я никогда ничего для него не значила.

Она произнесла это так просто, словно это само собой разумелось: Як никогда ее не любил. Фэй не хотелось даже думать о том, каково Ильве было жить с ним.

— И из тюрьмы он тебе не писал?

— Нет. Мне кажется, ему это неинтересно — ни я, ни Нора.

Фэй задумчиво посмотрела в окно. Нечасто она задумывалась над тем, что у Жюльенны есть младшая сестра, которой скоро два года...

— Как вы живете?

— Разве не видишь? — ответила Ильва и развела руками. — После Яка я потеряла все. Меня нигде не берут, да и как бы я могла работать на прежней работе, одна с маленьким ребенком? Но я справляюсь. Как-нибудь выкарабкаемся.

Фэй отпила глоток кофе. Она не сомневалась, что Ильва права. Она выкарабкается. Она из тех, кто выживает.

— Ты боишься? — спросила Ильва.

Фэй медленно кивнула.

— Да, боюсь. Як убил нашу дочь. И он ненавидит меня. За то, что я выступала в суде против него, и потому, что я решила жить дальше. Добилась успеха. За то, что у меня теперь есть то, что было у него.

Ильва посмотрела в сторону кассы, но посетителей у прилавка не было.

— Я очень сожалею, — проговорила она. — Обо всем. О том, что мы сделали тебе. О том, что я была такая глупая и наивная и верила всему, что он говорил. И еще мне ужасно жаль, что такое случилось с Жюльенной. Сейчас, когда у меня есть Нора, я даже не могу себе представить...

Голос ее прервался, и Фэй почувствовала, что симпатизирует женщине, сидящей перед ней. Их обеих обманул Як. Им обоим пришлось дорого заплатить. Старое забыто.

— Тебе нравится подавать кофе? — спросила Фэй.

Ильва заерзала на стуле.

— Это моя работа. Она не хуже и не лучше любой другой.

— В тебе есть чувство долга и трудовая мораль, — сказала Фэй. — Я почти уверена, что у твоего начальства в жизни не было лучшего работника. Ты — перфекционистка; знай, что я очень уважаю тебя.

Она приподняла компьютер, достала исписанную салфетку и придвинула собеседнице. Наклонившись, Ильва с подозрением разглядывала строки на салфетке.

— Что это? — коротко спросила она.

— Договор о приеме на работу.

— Брось, — сказала Ильва, покраснев. — Ты победила, Фэй, и незачем приходить сюда, чтобы унижить меня. Я сделала выводы. Я проиграла; мне не следовало поступать так, как я поступила.

Фэй положила руку на ноутбук и медленно закрыла его.

— В моей почте сто пятьдесят писем от разных людей, мечтающих инвестировать в «Ревендж» перед выходом компании на американский рынок. В основном это мужчины. Мне нужен человек, по-настоящему разбирающийся в экономике, который рассмотрел бы все эти предложения и проверил потенциальных инвесторов. Я хочу знать, с кем из них можно иметь дело.

— Почему именно я?

— Потому что ты справишься лучше всех. И еще я думаю, что смогу дать тебе зарплату вдвое больше, чем платят в этой забегаловке, и тем самым за гроши заполучить себе одного из лучших экономистов Швеции.

Ильва смотрела на нее с недоумением.

— Но... но ведь я же увела у тебя мужа.

— Кстати, забыла тебя за это поблагодарить. — Фэй улыбнулась. — Правда, потом я завлекла его обратно, но лишь затем, чтобы отнять у него предприятие. Так что, считай, один-один.

— Я не совсем понимаю, в чем будет состоять мой вклад.

— Дело обстоит следующим образом. Эта информация не подлежит разглашению. Мне удалось остановить «Дагенс индустри», которая собиралась написать об этом. Но я готова рискнуть и довериться тебе.

— Ты можешь мне довериться, — серьезно ответила Ильва, и Фэй поверила ей.

— Акции «Ревендж» пытаются скупить. Поначалу это происходило втихомолку, но сейчас делается уже совершенно открыто.

— Скупить? Но кто...

— Хенрик Бергендаль.

— Партнер Яка по «Компэр»?

— Да.

Ильва, кивнув, некоторое время обдумывала сказанное.

— Должно быть, он ненавидит тебя.

— Да, даже больше, чем Алису.

— Алису?

Фэй махнула рукой.

— Долгая и грязная история. Затяжной бракоразводный процесс. Хенрик трахался с няней.

— С кем только Хенрик не трахался, — пробормотала Ильва.

Звякнул колокольчик на двери, но посетитель изменил свои планы и ушел.

— Проблема в том, что у Хенрика имеется капитал. Солидный капитал. Он располагает средствами, чтобы выкупить предприятие. И не думаю, чтобы он действовал под влиянием случайного импульса — наверняка планировал это очень заранее.

— Неужели ничего нельзя сделать? Ты посмотрела договоры? Поговорила с акционерами? Не было ли нарушений, которые ты могла бы использовать в свою пользу?

Фэй улыбнулась с довольным видом.

— Именно поэтому я и пришла сюда, — ответила она. — Мне нужен человек, который задаст именно эти вопросы, подумает в данном направлении и поможет мне найти ответы. И не только.

Ильва покачала головой:

— Все равно пока не могу осознать, что ты предлагаешь мне работу.

Снова зазвонил колокольчик — на этот раз вошла молодая женщина и направилась к кассе.

Ильва поднялась. Фэй тоже встала, собрала свои вещи и протянула ей свою визитную карточку.

— Позвони или напиши, если тебя заинтересовало мое предложение. Но ты получишь работу с одним условием. Считай это вступительным испытанием. Ты должна сделать набросок примерного плана, который поможет мне остановить тех, кто пытается скупить мое предприятие.

Взяв со стола салфетку, она вложила ее в руки Ильве.

— Этот договор имеет законную силу. Как только подпишешь его, ты становишься финансовым директором «Ревендж». С условием, что сделаешь то, о чем я тебя прошу. И сообщи мне, если получишь что-то от Яка. Мы обе должны быть осторожны. Он опасен.

Она вскинула руку, помахала на прощание, развернулась и вышла из кафе.

В глубине души Фэй чувствовала, что это всего лишь сон, но никак не могла из него выпутаться. Он снился ей все чаще. Не всегда в точности такой же. Но чувство оставалось то же самое. И каждый раз все казалось омерзительно реальным.

Это было через несколько недель после того, как Фэй вернулась из роддома с Жюльенной. Она все еще находилась в каком-то своем мире и по-прежнему была полностью сосредоточена на маленьком существе, которое, едва впервые открыв глаза, завладело всей ее жизнью.

Она была уставшая, вконец измотанная. С самого возвращения домой одна вставала по ночам к Жюльенне, и ей не удавалось поспать

больше двух-трех часов подряд.

Однако у Яка возникла прекрасная идея попросить ее устроить большой деловой ужин для важных инвесторов. Как всегда, она сделала так, как он хотел.

Несколько дней Фэй готовила мероприятие, одновременно пытаясь удовлетворять потребности Жюльенны. Ей хотелось хорошо выглядеть, но вещи из ее обычного гардероба не налезали на изменившееся тело. Живот был мягкий, свисал волнами, а переполненные молоком груди стали огромными. В конце концов, вся вспотев, Фэй натянула на себя тунику, которую купила перед очередной поездкой на юг. Под туникой у нее были легинсы для беременных с резинкой в талии и лифчик для кормления с вкладками, впитывающими молоко.

Як оглядел ее с головы до ног взглядом, полным неудовольствия.

Начали прибывать гости, Фэй и Як встречали их в передней. Мужчины привезли с собой тощих женщин в одежде 34-го размера, подкачавших себе щеки, чтобы те не вваливались и не выглядели истощенными. Взгляд Яка переходил с них на нее, и она чувствовала, что не соответствует тому образу, который он желал представить своим гостям.

В самый разгар поедания закусок Жюльенна проснулась. Фэй поднялась, чтобы пойти к ней, но рука Яка, положенная на ее ладонь, заставила ее снова сесть на место. Она умоляюще смотрела на него, но его взгляд был суров.

Фэй натянуто улыбалась гостям, пока ее дочь надрывалась в детской. Некоторые женщины с сочувствием смотрели на нее, в то время как мужчины посмеивались и отпускали комментарии типа: «Им полезно немного проветрить легкие».

Наконец к Жюльенне пошел сам Як. Он вышел, неся дочь на руках. Лицо у нее распухло от плача, пижамка промокла от слез. Лицо Яка перекосилось от ярости, словно это Фэй заставила Жюльенну так долго плакать. Не говоря ни слова, он протянул ей девочку, и Фэй с благодарностью прижала к себе маленькое тельце дочери. Гнев Яка все еще вибрировал в ней. Смех мужчин эхом отдавался в красиво обставленной столовой. Но сочувствующие взгляды женщин жгли душу.

Что она натворила? Как дошла до такого?

...Фэй охнула и села в постели. Ее трясло, она была вся в поту.

«Это всего лишь сон, — сказала она себе. — Просто сон». Но взгляд Яка по-прежнему обжигал ее. Она снова улеглась, ощущая, как пульс стучит в ушах. Як всегда при ней. Ей никогда не прогнать его из своих снов. Он всегда присутствует. Он остался частью ее жизни.

* * *

Фэй положила мобильный телефон обратно в сумочку и стала рассматривать разные наручные часы, которые показывал ей лебезящий продавец. Это был ежедневный звонок из полиции — удостовериться, что с ней всё в порядке.

Ее внимание привлекли часы марки «Патек Филипп», стоившие триста пятьдесят тысяч крон. Фэй понимала, что это полное безумие — покупать такие часы мужчине, с которым она знакома всего несколько недель. Но чувство подсказывало ей, что она поступает правильно. Фэй улыбнулась, вспомнив о портрете Данауэй, который уже занял свое место на стене в гостиной, и кивнула продавцу в ответ на вопрос о том, определилась ли она.

— Я беру вот эти, — сказала Фэй и протянула свою карту «Центурион».

Продавец сложил руки.

— Прекрасный выбор! — выпалил он.

Ситуация с женой Давида Юханной начинала действовать им на нервы. Фэй не могла не заметить, как плохо Давиду, хотя тот и пытался держаться стоически. Похоже, Юханна никак не могла смириться с мыслью, что у него теперь новая жизнь, и старалась любой ценой удержать его. Она по-прежнему отказывалась подписать бумаги о разводе, хотя Давид согласился отдать ей половину состояния. На самом деле у них имелся брачный договор, по которому ей не полагалось ничего из того, что принадлежало ему. Фэй восхищалась Давидом.

На вопрос о гравировке на часах Фэй ответила отрицательно. Пока она подписывала кучу бумаг, которые придвинул ей продавец, в сумочке снова завибрировал мобильный телефон. Номер был незнаком, и поначалу она собиралась не отвечать. А вдруг это Як?

Но потом Фэй рассердилась на себя — нет, она не допустит, чтобы ею управлял страх. Когда она ответила, выяснилось, что это журналист из «Афтонбладет». Фэй вздохнула. Время от времени она меняла номер, чтобы держаться подальше от прессы, но каким-то загадочным образом они рано или поздно находили ее. Он представился как Петер Шёберг, и Фэй вспомнила его лицо с сайта газеты. Это был один из журналистов, настроивших кучу длинных репортажей по поводу развода Алисы и Хенрика.

— Разумеется, речь пойдет о скандальном побеге вашего бывшего мужа, — бодро начал журналист, словно речь шла об анкете «Какая клубника самая вкусная».

Фэй наморщила лоб. Она понимала, что ей не стоит с ним разговаривать, однако ей стало интересно, о чем пойдет разговор. Журналисты зачастую располагают сведениями, которые не публикуют из этических соображений, однако ничто не мешает им поделиться ими в телефонном разговоре.

— Он связывался с вами? — осторожно спросил Петер Шёберг.

— Нет, — честно ответила Фэй.

— Вы боитесь? Учитывая ваш... вашу историю.

— На этот вопрос я не намерена отвечать.

— Хорошо, понимаю.

Возникла пауза; Фэй слышала, как кто-то что-то шепчет на заднем плане.

— Это все? — спросила она.

— На самом деле да. Хотя нет. Вам знакомо имя...

Голос репортера потонул в лепетании продавца. Он не заметил, что она разговаривает по телефону, поскольку использовала беспроводную гарнитуру. Фэй указала на свое ухо, и продавец с виноватым видом поднял ладони.

— Простите, что вы сказали?

— Я спросил, знакомо ли вам такое имя — Йоста Берг?

Ощущение было как от удара ножом в живот. Фэй вся похолодела. В зеркальном стекле позади кассы она увидела собственное отражение. Страх в глазах.

— Почему вы спрашиваете? — удалось ей наконец выдать из себя, опершись о прилавок.

— Это имя человека, вместе с которым сбежал Як. Я хотел спросить — известно ли вам что-нибудь о том, были ли они знакомы раньше... Но я так понимаю, это всего лишь случайное совпадение — воспользовались случаем и удрали вместе...

Дрожащей рукой Фэй дала отбой.

Остаток процедуры по покупке часов она провела механически. Волосы на затылке слиплись от пота. Когда дело было сделано, Фэй вышла неуверенной походкой на Библиотексгатан, сдвинув темные очки на кончик носа. Она шла быстро, как могла, на подгибающихся ногах, решив пойти прямо домой и позвонить своей маме в Италию. Как та отреагирует, услышав, что ее муж сбежал из тюрьмы, где отбывал пожизненное наказание за ее убийство?

Прежде чем зайти в свой подъезд, Фэй с тревогой огляделась по сторонам. Ее не покидало чувство, что за ней следят со всех сторон. Быстро нырнув в подъезд, она захлопнула за собой дверь. Поспешно втолкнувшись в лифт, подалась вперед, разглядывая свое лицо в зеркале. Сделала глубокий вдох. Пульс успокоился. Сердце спокойно билось в груди. На пятом этаже лифт с легким толчком остановился. Фэй отодвинула решетку в сторону, вышла наружу — и тут осознала, что она не одна.

Фьельбака, давным-давно

Сидя на носу «Марики», обхватив руками колени, я и представить себе не могла, что меня ожидает. Себастиан проснулся и сел. Парни курили. Пили пиво. Они смотрели в мою сторону, говорили о чем-то, не сводя с меня глаз. Мне было очень любопытно, что же они говорят.

Томас подошел, протянул мне открытую банку «Приппса». В ней осталось не больше половины теплого пива.

— Спасибо.

Я сделала несколько больших глотков, задержав дыхание, чтобы не ощущать запах и вкус.

— Оставь себе, — сказал Томас, когда я протянула ему банку обратно. — У нас есть еще.

Он оставил меня одну. Я открыла книгу, которую взяла с собой. «Моби Дик» — поскольку мы отправлялись в море. В моем рюкзаке

лежал еще и «Робинзон Крузо» — старый экземпляр, когда-то принадлежавший дедушке. Я пила теплое выветрившееся пиво и читала книгу.

Через час-другой парни закричали, что мы прибыли на место. Я подняла глаза и увидела Иксён. Суровый пейзаж, поросший лесом зеленый оазис среди голубизны. Мы пришвартовались возле скал, спустили резиновую лодку, сложили в нее наши рюкзаки и провиант. Рогер, закулив сигарету, взял весла.

Я поднесла руку к груди, нащупала украшение, потрогала пальцами серебряные крылья, казавшиеся такими хрупкими — по словам мамы, они очень прочные. Остров рос перед глазами, и я поежилась, когда неприятный холодок пробежал вдоль позвоночника...

Фэй смотрела на женщину, стоявшую у ее двери. От неожиданности она чуть было не закричала в голос. Сделала глубокий вдох, а Ильва Лендорф подняла руку в приветственном жесте.

— Я тебя напугала?

— Немножко.

Фэй загремела ключами, вставила их в замок, открыла дверь и защитную решетку.

— Проходи.

Дрожь еще не унялась, когда Фэй скинула туфли и, едва Ильва вошла в квартиру, поспешно заперла дверь.

— Как у тебя тут красиво, — негромко проговорила Ильва.

— Спасибо, мне нравится. Проходи. У меня был очень трудный день, так что я собиралась, несмотря на ранний час, выпить вина. Ты будешь?

Ильва кивнула с кривоватой улыбкой.

— Отлично, — сказала Фэй и провела ее в кухню.

Там она достала бутылку шардоне, два бокала и штопор. Боже, так она сопьется, пока вся эта история завершится, — потребление алкоголя уже перешло всякие разумные границы. Однако сейчас, чтобы выжить, ей необходимо вино или «Валиум». И в этом случае она

решительно предпочитает хорошо охлажденное шардоне. Когда все останется позади, ей придется сесть на диету из одних свежесжатых соков или лечь на недельку в клинику в Швейцарии на основательный детокс.

Открыв морозилку, Фэй достала пакет со льдом, высыпала содержимое в металлическое ведро и протянула Ильве.

— Сядем на террасе.

Фэй разлила вино, и они долго сидели молча, глядя на крыши Эстермальма и потягивая вино.

— Ты не хочешь спросить, зачем я пришла? — осторожно спросила Ильва.

— Нет, — ответила Фэй, не отрываясь от созерцания. — Думаю, ты пришла потому, что поняла: мое предложение слишком хорошо, чтобы от него отказаться.

Ильва кивнула:

— Если ты по-прежнему готова принять меня на работу, я с радостью соглашусь стать финансовым директором «Ревендж». И у меня есть информация, которая тебе необходима.

Фэй ощутила щекотание нетерпения, но прежде у нее имелся к Ильве еще более важный вопрос. Все остальные отходили на задний план.

— Як по-прежнему не проявлялся у тебя? — спросила она.

Ильва покачала головой.

— А у тебя?

— Нет.

Мобильный телефон Фэй громко зазвенел на всю террасу, и обе от неожиданности подскочили, потом смущенно улыбнулись друг другу. Фэй подумала, что это звонит очередной журналист, и положила свой айфон экраном вниз. Когда пришла эсэмэска, что кто-то оставил сообщение, она залезла в свой голосовой почтовый ящик.

«Привет, Фэй, меня зовут Юханна Шиллер, я жена Давида. Я хотела бы, чтобы ты перезвонила мне как можно скорее по этому номеру. Мне кажется, нам надо поговорить».

Голос, как показалось Фэй, звучал напряженно, слегка невротично. Ильва с удивлением уставилась на нее.

— Всё в порядке? — осторожно спросила она.

Фэй тщательно обдумала свой ответ. Об отношениях с Давидом она спокойно может рассказать, он разведен — или, по крайней мере, был бы разведен, если б Юханна не затягивала процесс. Конечно, она не гордится тем, что стала «другой женщиной», но Ильва как никто другой должна ее понять.

Фэй кратко рассказала о событиях последних недель. Ильва слушала ее с напряженным вниманием.

— Тебя мучает совесть? — спросила она, когда Фэй закончила свой отчет.

Та задумалась, попивая вино.

— Я влюблена в него, он — в меня. Мы — двое взрослых людей. Конечно, я бы предпочла, чтобы развод уже закончился, но она не желает выпускать его из рук. Так что же теперь, нам с Давидом отказаться друг от друга? Нет, совесть меня не мучает. — Фэй потянулась за бутылкой и подлила вина в их бокалы.

— Что ты намерена сделать? Будешь ей перезванивать? — Ильва кивнула в сторону телефона.

— Нет. Не мое дело разруливать всю эту ситуацию. Это забота Давида. Я не знаю, что именно он ей рассказал. К несчастью, она узнала о нас до того, как он успел рассказать ей все сам. Я надеялась, она не знает, что он встречается именно со мной... Но что даст мой разговор с ней? Все только еще больше осложнится.

Фэй с любопытством взглянула на Ильву.

— А тебя мучила совесть?

Ильва отпила глоток вина. В глубине души Фэй восхищалась ее спокойствием, уверенностью в себе, которую та излучала. Вопрос был задан нейтральным тоном, но ей действительно хотелось получить ответ. Она вытеснила из памяти воспоминания об обнаженных телах Яка и Ильвы в своей спальне. Ей показалось почти сюрреалистичным сидеть теперь с этой женщиной и обсуждать момент, который кардинальным образом изменил все.

— И да, и нет, — задумчиво проговорила Ильва. — Видишь ли, Як описывал тебя то как монстра, то как пустышку и дурочку. А я была влюблена. Черт подери, до чего же я в него втюрилась! Не успела я и слова сказать, как он переломал меня — так же, как и тебя. Я даже не заметила. Словно я была игрушкой, полым внутри оловянным солдатиком с одной задачей: удовлетворить мальчика Яка Адельхейма.

Фэй медленно кивнула.

Над их головами, направляясь на юг, пролетел полицейский вертолет. Фэй поднялась и подошла к перилам. Ильва встала рядом с ней.

— Мне кажется, он никогда не переставал любить тебя, Фэй. Даже в самые пылкие минуты нашего романа. Ни когда мы с ним съехались, ни когда я ходила беременная Норой. Меня это не отпускало и все время мучило. Я была всего лишь заменителем. Тебя. Мне кажется, все женщины, с которыми он спал, были лишь попыткой найти тебя. Ты так и осталась архетипом того, как Як воспринимал любовь. Горькая ирония всей этой истории...

Фэй, слушавшая Ильву, затаила дыхание, теперь откашлялась. В горле стоял ком. Она не знала, почему на нее так подействовали слова Ильвы. Возможно, потому, что она все это понимала, но никогда не решалась сформулировать — ни самой себе, ни кому-либо другому. Теперь же она впервые получила подтверждение своим догадкам из уст другого человека. И не от кого попало, а от человека, лучше всех на свете знавшего Яка — после самой Фэй.

Снова вспомнился сон. О Яке. Как он издевался над ней. Над ее весом, ее слабостями. Но и о том, как он улыбался ей, заставляя почувствовать себя любимой. Во сне Фэй могла до сих пор скучать по нему, и это было самое ужасное. Она сама себя за это ненавидела. Но сейчас она не может позволить себе думать об этом.

Женщины снова сели, и Фэй повернулась к Ильве:

— Какие у тебя соображения? Можно что-то предпринять или уже поздно?

Ильва положила ноги на перила. Потянулась, щелкнув костяшками шеи, — от неприятного звука у Фэй мурашки пробежали по телу.

— Прости, наследственная черта, — рассмеялась Ильва. Опустила ноги и посмотрела на Фэй. — Кое-какие соображения у меня есть. Пока ничего конкретного, сначала мне надо многое разузнать. Некоторых кусочков пазла пока не хватает. Но у меня есть большое преимущество. Я работала с Хенриком. Знаю его особенности. И, насколько тебе известно, Хенрик никогда не был мозгом «Компэр».

Фэй громко фыркнула. Ильва улыбнулась.

— Да. Теперь я знаю, что этим мозгом была ты. Тогда я этого не знала. Думала, что это Як. Однако точно не Хенрик. То, что ему удалось снова встать на ноги, — это с моей точки зрения просто чудо. Но существует немало успешных предприятий и больших состояний, созданных не особенно гениальными людьми. Связи и удачно выбранный момент — половина успеха...

— Знаю, знаю, — усмехнулась Фэй и сделала глоток вина, с интересом слушая рассуждения Ильвы.

Она осознала, что начинает проникаться к бывшей сопернице симпатией. Все заслуживают того, чтобы им дали шанс. Ну, может быть, не все. Но Ильва этого точно заслуживает.

— Среди прочего, что я знаю о Хенрике, — его небрежность. Он не умеет видеть детали, из-за чего порой упускает целое. Совершает оплошности. Як очень злился на него за это — и частенько. Мы много занимались устранением последствий ошибок Хенрика, когда он что-то пропускал. Пойми меня правильно, Хенрик не дурак, я не это хотела сказать. Не стоит совершать ошибку и недооценивать его. А когда он идет к своей цели, то неразборчив в средствах. Это опасное качество. Но если в чем-то он уязвим, так это в своей небрежности. Я быстро пробежала глазами все договоры по «Ревендж»; мне хотелось бы засесть с ними на сутки и проверить каждую запятую. И уточнить кое-что у своего дяди — он юрист, специалист по контрактам. Один из лучших. То, что я не увижу сама, он может помочь мне найти.

— Мы с Керстин тоже прочли все договоры, и у меня есть свои адвокаты, которые их изучали. Что такого ты можешь найти, что пропустили мы?

— Посмотрим, — ответила Ильва.

Она встала и принялась ходить туда-сюда по террасе в такт своим словам.

— Что-то в этой сделке Хенрик пропустил. Существуют тысячи мелочей, тысячи параграфов, которые могут оказаться палками в его колесах, если он не подумал об этом заранее. Или же нам придется...

— Что же именно? — с улыбкой спросила Фэй.

Ильва разговорилась и оживилась. Бесцветность испарилась, исчез налет подавленности — глаза у нее искрились, она активно размахивала руками.

— О чем ты подумала? — продолжила Фэй.

Ильва остановилась и прислонилась к перилам. Ветер растрепал ее волосы, они окружали ее голову пышной копной. Она широко улыбалась.

— Я подумала, что в противном случае нам надо будет самим организовать Хенрику эту оплошность...

Фэй улыбнулась в ответ. Впервые за долгое время она почувствовала, что может расслабиться. Глубоко вдохнула и медленно выпустила воздух. Поняла, что простила Ильву. Пора перевернуть эту страницу.

В «Мисс Вун» царил полумрак, но синие глаза Давида сияли ей, когда он улыбался. Слишком много дней прошло с их последней встречи. Им мешали ее проблемы с «Ревендж» и его проблемы с Юханной.

— Расскажи о своих планах в США, — попросил Давид. — Мы почти не успели об этом поговорить. — Он взял палочками кусок сырого бифштекса и протянул ей. — Но сперва ты должна попробовать вот это. Просто во рту тает.

Фэй с наслаждением ощутила, как нежнейшее мясо исчезает во рту без всяких усилий с ее стороны.

— Боже, как вкусно... А вот это тебе.

Она взяла с металлической подставки возле своей тарелки небольшой кусочек тако с омаром, осторожно положила в рот Давиду и начала рассказывать:

— В планах «Ревендж» Штаты значились с самого старта. Но я решила, что мы пойдем шаг за шагом. Сначала Швеция, потом Норвегия, потом Европа. И, наконец, США, когда у нас будет с чем прийти, чтобы иметь шансы на успех. Я прекрасно осознаю, насколько тяжело иностранному предприятию пробиться на американском рынке. Препятствия велики, мы конкурируем с гигантскими, хорошо раскрученными предприятиями, а конкуренция в этой отрасли одна из самых высоких. Но именно это и привлекло меня с самого начала. Трудные задачи. Так что это всего лишь логическое продолжение. —

Она вытерла губы. — Кстати, на выходные я поеду в Амстердам на переговоры и возьму с собой Ильву и Алису.

— Да? Но ведь вы едва знакомы...

— Это прекрасный шанс узнать друг друга получше; к тому же ты сказал, что будешь в выходные занят с дочками.

— Да, так и есть, — ответил Давид. — Ты поступаешь правильно. — Он положил палочки. — Должен признаться, то, что ты сделала, что тебе удалось создать, вызывает у меня безграничное восхищение.

Фэй покраснела. Такие слова она слышала нередко, но они значили в тысячу раз больше, когда их произносил Давид.

Она пожала плечами:

— Не скрою — то, что Крис завещала мне свой бизнес, дало приток новой крови в «Ревендж». За это я ей безгранично благодарна и сделаю все, чтобы хорошо распорядиться ее подарком.

— Знаю, что ты делаешь это прекрасно, — с теплотой в голосе сказал Давид. — И будешь делать в дальнейшем.

Их разговор прервали новые тарелки, появившиеся на столе.

— Боже мой... Ты меня раскармливаешь.

— Толстого человека труднее похитить, — ответила Фэй с улыбкой и взяла палочкой кусочек сашими.

— Я люблю тебя во всех размерах.

Палочка в руках Фэй замерла в воздухе. Она уставилась на него.

— Что ты сказал?

Давид склонил голову набок:

— Ты же слышала, что я сказал.

— Повтори еще раз.

Его синие глаза совсем околдовали ее, когда он улыбнулся так, как никогда не улыбался ей раньше.

— Я люблю тебя, Фэй.

Фьельбака, давным-давно

Когда мы сошли на берег, Томас сказал, что в лесу стоит небольшой домик. Пройдясь немного, мы обнаружили его на полянке. Перед ним стояла открытая каменная печь, и Себастиан тут же

принялся разжигать огонь. Сейчас, с друзьями, он казался счастливее, увереннее, чем дома. Прямая спина, фонтан энергии.

У меня тоже стало легче на душе. Я наслаждалась тем, что меня приняли в компанию. Поскольку уже настало время обеда, мы пожарили сосиски и с аппетитом поели. Парни выпили еще пива, я же решила ограничиться «Кока-колой».

Томас подошел и сел рядом со мной. Я почувствовала тепло его тела и подавила импульсивное желание придвинуться ближе.

— Помнишь то мерзкое тесто, из которого мы запекали колбаски в детстве на школьных пикниках? — спросил он.

— Да, помню, — то самое, которое смешивали из муки, соли и воды? Гадость.

— Как оно называлось? Волшебное тесто?

— А разве волшебное тесто — это не для лепки?

— Может быть, это оно и было?

— Фу!

Я засмеялась. Почувствовала, как смех прокатился до самого живота.

— Не понравилось пиво? — спросил Томас, указывая на мою «Колу».

— Понравилось, но голова немного закружилась, — смущенно сказала я и спрятала банку «Колы» за спину. Она перевернулась, и я вскочила.

Томас тоже вскочил, оглянулся, ища, чем бы вытереть мокрое пятно у меня на юбке, но не нашел бумаги. Тогда он взял кусок мха и стал тереть, но от этого пятно стало теперь еще и грязным.

— У тебя не самые лучшие оценки по домоводству, да? — захихикала я.

Томас пожал плечами.

— Неужели это так заметно? — спросил он.

В его глазах снова заплясали искорки.

Рoger и Себастиан не сводили с нас глаз. Они о чем-то тихо переговаривались, склонив головы друг к другу. По спине снова пробежал холодок, но я подумала, что это от ветра.

Поев, мы пошли к домику. В замке торчал большой ржавый ключ. Я повернула его, и мы вошли. Внутри не было ничего особенного.

— Не самое роскошное жилище, — хмыкнул Томас.

Себастиан похлопал его по спине:

— Зато бесплатно. А ты чего ожидал? Только из-за того, что ты спишь на шелковых простынях...

— Ну ты, потише! — ответил Томас и махнул кулаком в воздухе. Себастиан ловко отскочил в сторону.

Я огляделась, когда глаза привыкли к темноте. Снаружи ярко светило солнце, но внутри домика царил мрак. Окна были забиты тяжелыми деревянными панелями. Из мебели присутствовала только кровать в углу с грязным матрасом. Пустая консервная банка загромыкала, когда Рогер случайно поддал ее ногой. Я вздрогнула; сердце отчаянно забилося, как у колибри. Но я быстро успокоилась.

Мне стало любопытно, кто здесь обитал. Домику на вид лет сто, не меньше. Неужели кто-то жил здесь круглый год? Наверняка так оно и было. Я знала, что многие семьи жили на островах; возможно, в этом маленьком домике выросло множество детей...

Иногда я мечтала о том, чтобы пожить на одном из открытых всем ветрам островков совершенно одна. В окружении одних чаек, мальвы, жимолости и крабов, карабкающихся в щелях скал...

Я провела рукой по деревянным стенам и прошла дальше в дом. Всего две крошечные комнатки. Я зашла в дальнюю из них, но запах плесени так сильно ударил в нос, что я тут же дала задний ход.

— Эй! — крикнула я.

Никто не ответил. Парни уже вышли наружу. Подойдя к закрытой наружной двери, я нажала на ручку. И снова холодок пробежал по спине — я поняла, что дверь заперта...

После того как шофер встретил их в аэропорту и доставил в отель, Фэй, Алиса и Ильва провели несколько часов, охлаждаясь в бассейне на крыше. Жара, навалившаяся на Швецию, не шла ни в какое сравнение с сухим и горячим воздухом Амстердама. Они лежали, тяжело дыша, каждая в своем шезлонге, пили коктейль «Маргарита» и обсуждали, как проведут вечер. Фэй пребывала в задумчивости. Она сообщила своему контактному лицу в полиции о поездке в Амстердам. На что ей ответили, что никаких новостей по поводу Яка пока нет.

— Ильва, ты по-прежнему не рассказала, что мы будем здесь делать. Сейчас не самый подходящий момент, чтобы уезжать из города.

— Мы приехали сюда ради плана Б. Страховка на всякий случай. Когда надеваешь и ремень, и подтяжки, так сказать.

— А лично мне плевать, зачем мы сюда приехали, — заявила Алиса, потягивая свою «Маргариту». — Мы лежим на крыше в Амстердаме. У бассейна. И попиваем крепкий коктейль. Кому нужны какие-то веские причины?

— Сегодня мы можем расслабиться, — сказала Ильва и сдвинула солнечные очки на лоб, подставляя лицо солнцу. — А завтра я расскажу, зачем мы здесь. И сколько бы алкоголя вы в меня ни влили, до завтра я ничего не расскажу. Так что воспользуйтесь случаем и просто наслаждайтесь жизнью.

— Слышим, слышим, — ответила Алиса и сделала еще глоток. — Но если план заключается в том, чтобы сегодня просто развлекаться... Вы были в кофе-шопе?

Фэй покачала головой.

— Это такие места, где курят «травку»?

Она все еще размышляла над тем, что задумала Ильва. Но та настаивала, заявляя, что речь идет о страховке. В отчаянии Фэй довольствовалась этим объяснением. Сейчас ей мало что оставалось, кроме того, чтобы положиться на маленькую команду, которую ей удалось собрать вокруг себя.

Алиса улыбнулась:

— Точно.

— А ты раньше курила «травку»? — со скепсисом в голосе спросила Фэй.

— На Юрсхольмене это делали все, — отвечала Алиса. — Не то чтобы я была каким-то гангстером. Просто подростком, как и все.

— Даже не знаю... — с сомнением проговорила Ильва. — Завтра нам надо быть в форме.

Алиса помахала рукой, свободной от бокала.

— Не будь такой трусихой. Как часто ты позволяла себе в последние годы оторваться? Как часто у тебя с ребенком сидела няня?

— Я безумно благодарна, что твоя няня смогла...

— Я не то имела в виду. Фэй, ты со мной?

Фэй потягивала напиток, шевеля пальцами ног на солнце.

— Я тоже не уверена, что...

— Боже мой... Мы — три крутые девчонки в Амстердаме. И что мы будем делать, как вы считаете? Сидеть в номере и смотреть телик? Нет, я предлагаю следующую программу: поболтаемся здесь, чтобы немного загореть и слегка захмелеть, потом приоденемся для похода в ночной клуб, а по пути туда зайдём в какой-нибудь кофе-шоп. Идет?

Ильва и Фэй промычали что-то, отдаленно смахивающее на «да», но Ильва явно нервничала, да и Фэй было не по себе. Не трата ни минуты даром, Алиса подозвала официанта и спросила, не может ли тот порекомендовать кофе-шоп поблизости. Он ответил, что лучшие из них находятся в Квартале красных фонарей, и порекомендовал не забывать пить много воды — отчасти из-за жары, отчасти из-за того, что неопытные курильщики рискуют дойти до обезвоживания.

— *It's cool. I've smoked a lot of ganja. I'm like the Bob Marley of Djursholm*^[18], — захихикала Алиса.

Фэй и Ильва расхохотались. Официант подмигнул им и исчез со своим подносом.

Хотя Фэй и скучала по Давиду, в душе она радовалась, что решила уехать. Поездка с двумя веселыми и умными женщинами в такой оживленный город, как Амстердам, — как раз то, что ей нужно.

План Алисы нравился ей все больше. Нужно не бояться жить. Забыть повседневные заботы.

Когда официант принес им новые коктейли, она залпом допила свой напиток и взяла новый бокал. Они оказались в эпицентре шторма. Краткий отдых от хаоса и тоски, от всего того, что происходило дома. Как сказала Алиса: «Нам это сейчас нужно».

* * *

Пять часов спустя они сидели в кофе-шопе и уже почти доедали свои «космические пироженки»^[19] — но ничего не происходило. Они ничего не чувствовали. Сидели, мучась от жары, разочарованные и скучающие. А поскольку в кофе-шопах алкоголь не подают, они пили уже по третьей чашке плохого капучино. Приятное легкое опьянение

после коктейлей у бассейна начало проходить, и Алиса уже в третий раз схватила за руку девушку из персонала, спрашивая, долго ли еще ждать.

Девушка с дредами, вся покрытая татуировками, повторила то же самое, что уже отвечала в два предыдущих раза:

— Подождите еще немного.

Когда она ушла, Алиса тряхнула головой.

— Черт подери, я не собираюсь больше ждать, — заявила она и засунула в рот остатки пирожного.

Две минуты спустя Фэй почувствовала, как в кончиках пальцев закололо. Несколько раз сморгнув, она посмотрела на Ильву, которая сидела и с открытым ртом разглядывала свою руку. Мир завибрировал. Чувство было такое, словно ты погрузился в аквариум, где рыбки проплывали мимо в разноцветных шарах.

Она еще раз моргнула и посмотрела на Алису. Ее губы шевелились, но Фэй не поняла, то ли у нее отказал слух, то ли Алиса утратила дар речи. Она огляделась. Все качалось, шло волнами. Она попыталась что-то сказать, но стоило открыть рот, как ей начинало казаться, что она уже говорила то, что хотела сказать. Размышляя над этим, Фэй и вовсе успевала забыть свою мысль.

Ильва сидела и хихикала, складывая из пальцев разные фигуры, напомиравшие, по ее мнению, зверей, и показывала их.

— Обезьяна, ты видишь, Фэй? Обезьяна.

Внезапно она поднялась, и Фэй протянула руку за ней.

— Останься, не уходи, — попыталась она сказать, но язык не слушался, и они с Алисой дико расхохотались.

Алиса положила ладонь на руку Фэй.

— Прости.

— За что?

— За то, что я была такая стерва. За все.

Они взяли за руки.

— Ничего.

— Я так рада, что ты нашла себе этого Давида, — проговорила заплетающимся языком Алиса и провела кончиками пальцев по руке Фэй.

— Я тоже.

Фэй в жизни не чувствовала себя так хорошо. Первый страх улетучился. Все казалось чудесным, теплым и приветливым. Она улыбнулась и помахала паре туристов из Азии.

Алиса разразилась какой-то длинной тирадой, Фэй понимала ее через слово.

— Фэй! — Алиса похлопала ее по плечу. — Фэй!

Та отвела взгляд от туристов.

— Где Ильва? — спросила Алиса.

— Я Ильва. И я Алиса. Я падаю и падаю, и я в Стране чудес. А ты маленький, маленький кролик!

Во рту было сухо, как в пустыне. Фэй потянулась за стаканом с водой.

Голова Алисы описывала полукруги, словно она пританцовывала под музыку, но сколько Фэй ни напрягалась, она ничего не слышала.

— Мы должны найти Ильву.

Алиса встала, держась за стол.

— Ильва! — крикнула она. — Ильва!

Фэй поднялась на ноги, чуть не упала, но ее подхватила Алиса. На мгновение они покачнулись и чуть не упали вместе, но Алисе удалось удержаться на ногах.

— Мы найдем ее. Отправимся в экспедицию и найдем нашу подругу.

— Давай.

Они медленно спустились по лестнице и нетвердой походкой подошли к двери. Оказалось, что это черный ход, и они вышли в узкую пустынную улочку. На земле, рядом с контейнерами для мусора, лежала на спине Ильва. Фэй впала в шок, когда увидела ее глаза — видны были только белки; тело дергалось в странных спазмах.

Опьянение как рукой сняло. В голове у Фэй прояснилось, мозг работал четко, когда она кинулась на колени рядом с Ильвой, пытаясь привести ее в чувство — но безрезультатно.

Фэй ощутила приступ паники.

— Ильва! Ильва, очнись!

За спиной она услышала голос Алисы, кричавшей во всю мочь:

— *Call an ambulance! She's dying! Please call an ambulance!*^[20]

Фэй повернула Ильву на бок и гладила ее по мокрому от пота лбу, пока Алиса кинулась обратно в кофе-шоп позвать кого-нибудь из

персонала.

— Ильва, не умирай! Не умирай, пожалуйста!

Фэй крепко сжала ее маленькую руку с обкусанными ногтями. В голове пронеслись воспоминания, как она сидела в больнице рядом с Крис в последние часы. Зачем они поехали сюда? С какой стати им взбрело в голову попробовать «космические пироженки»? Фэй терпеть не могла наркотики — ненавидела терять над собой контроль. Теперь это приключение могло стоить Ильве жизни... Почему ей понадобилось удовлетворять свое любопытство? Какая чудовищная глупость! Чувство вины захлестывало Фэй.

— *Here they are,* — услышала Фэй за спиной надрывный голос Алисы — та говорила, почти срываясь на фальцет. — *Help her. You've got to help her. She's dying!*^[21]

Фэй повернула голову. К ним неспешным шагом приближался рослый мужчина.

— *Hurry up!*^[22] — сердито крикнула Фэй.

Проклятье, как медленно! Похоже, он не воспринимает все это всерьез, вид у него не особенно встревоженный.

Мужчина остановился рядом с Фэй, склонился над Ильвой.

— *Don't worry, ladies, this happens all the time. Her blood sugar level is low. I'll give you some sugar for her. Then get her in a cab back to your hotel and give her some food and water.*^[23]

Ильва внезапно открыла глаза, и Фэй всхлипнула от облегчения.

— *Are you sure?*^[24] — спросила Алиса, повисая на шее у удивленного мужчины.

— *I'm sure, ladies. This happens about ten times every day.*^[25], — смеясь, ответил он.

Затем вытащил из кармана шорт бумажную трубочку с сахаром, откусил кончик и попросил Ильву высунуть язык — она, ничего не понимая, послушалась. Тело ее все еще содрогалось от странных спазмов, она бормотала что-то неразборчивое.

— *Good girl!*^[26], — сказал мужчина и погладил ее по голове.

Фэй готова была разрыдаться от счастья. Все-таки они не убили Ильву.

Полчаса спустя женщины сидели — с красными глазами, но в хорошем настроении — в кровати в номере Фэй, заказав себе все, что нашлось в меню обслуживания в номерах. В дверь постучали, Алиса выбралась из постели и открыла ее. Двое мужчин в белом из obsługi отеля вкатили несколько тележек с едой. Гамбургеры, паста, большие куски мяса, рыба, курица во фритюре, картошка фри. Большие графины с ледяной водой.

Праздничный ужин сервировали в той части номера люкс, которая считалась гостиной. Мужчины в белом пожелали дамам приятного ужина, не удержавшись от хихиканья — явно поняли, откуда те вернулись, — и исчезли.

Фэй, Алиса и Ильва накинулись на еду, наложили себе по полной тарелке и снова уселись на кровать. Фэй никогда раньше не ела ничего вкуснее и уместнее. Ледяную воду они пили стакан за стаканом.

Наевшись, растянулись на огромной кровати, сытые и довольные, положив руки на животы.

— Я должна снять брюки, — пробормотала Алиса. — Иначе меня точно вывернет.

— Хорошая идея, — подхватила Фэй.

Они последовали примеру Алисы и сбросили брюки, так что теперь лежали в одних трусиках.

— Ты нас так напугала, — сказала Фэй.

— Что с тобой случилось? — спросила Алиса.

Ильва медленно покачала головой.

— Сама не пойму. Помню только, что я стояла и разговаривала с кем-то, а потом упала и не могла подняться. Некоторое время я лежала, как жук, упавший на спину, и пыталась подняться на ноги, а потом сдалась. Следующий момент, который помню, — это когда вы стоите, склонившись надо мной.

Они включили телевизор, рассеянно перескакивая с одного канала на другой.

Ильва отключилась первой, потом у Алисы стали слипаться глаза. Вскоре обе захрапели с двух сторон от Фэй. Она выбралась из кровати, достала из сумочки мобильный телефон и вышла на балкон. Вечерний воздух показался ей куда прохладнее. Фэй с наслаждением ощущала, как ветерок обдувает ее голые ноги. Внизу вяло двигались машины.

Она уселась за столик и обнаружила пропущенный звонок от Давида. Тут же заволновалась и нажала на кнопку «позвонить».

— Привет, дорогая. У меня тут выдалась свободная минутка, и я стал думать о «Ревендж» и о выходе на американский рынок, — сказал он, и Фэй буквально увидела перед собой его улыбку. — Меня захватила эта идея, ты меня очень вдохновляешь. У меня довольно много капитала, который я хотел бы инвестировать, так что я написал один документ — хочу, чтобы ты взглянула. Если хочешь, конечно.

Фэй почувствовала, что улыбается буквально от уха до уха.

— Само собой.

— Ты не сочтешь, что я сую нос в твои дела?

— Конечно же нет. Как дела с девочками и Юханной?

— Она хочет попробовать еще раз, но я дал понять, что хочу быть с тобой.

— Как она это восприняла?

— Не очень хорошо, но давай поговорим об этом позже. Я не хочу портить тебе уик-энд с Алисой и Ильвой.

— Скучаю по тебе, — сказала Фэй.

— И я по тебе.

Положив трубку, она заметила сообщение от Керстин. Открыла его — и прекрасное настроение мигом улетучилось. Ивонна Ингварссон приходила в квартиру, искала ее. Фэй в задумчивости отложила телефон. С этой Ивонной надо что-то делать. Она играет с огнем, и скоро кто-то из них обожжется. Фэй никак не могла допустить, чтобы это случилось с ней.

— Боже мой, почему я дала себя уговорить на весь этот ужас? — простонала Ильва, держась руками за голову.

— Не может быть, чтобы еще не прошло похмелье, — сухо возразила Алиса и помахала официанту, чтобы тот принес ей еще один напиток.

В бар отеля входили все новые посетители. От нарастающего гула голосов Ильва поморщилась и потеряла себе виски.

— Вчера я валялась в вонючем переулке. В Амстердаме. После того как поела пирожное с наркотой в кофе-шопе. Мне кажется, я имею право чувствовать сегодня небольшой отходняк.

— А вот я ничегошеньки не чувствую, — весело сказала Алиса и улыбнулась официанту, когда тот принес ей ее «Космополитен».

— Я за тебя безмерно рада, — буркнула Ильва и схватилась за лоб. — Безмерно рада.

Фэй посмотрела на нее, нахмурившись.

— Это ведь ты сказала, что нас здесь сегодня ждет работа, — проговорила она. — Мы с Алисой по-прежнему не в курсе, о чем речь. Ты в состоянии?

— Дайте мне пару часов, таблеточку «Алка-Зельтцера»^[27] и несколько таблеток «Альведона»^[28], и я скоро буду на ногах. Еще чуть-чуть... Да-да, я вам все расскажу. Осталось только выгнать из головы этого... барабанщика.

— Тебе не нужен никакой гребаный «Альведон», тебе нужно опохмелиться, — сухо заявила Алиса и снова подозвала официанта.

Тот быстро подошел и слегка поклонился.

— Один «Лонг-Айленд». И стопочку текилы. Ей, — сказала Алиса по-английски, указывая на Ильву.

Та застонала.

— Алиса, ты мне смерть накличешь...

— Солнышко, я жена богача с Лидингё. Я знаю, чем лечится похмелье.

Принесли напитки. Ильва взяла оба стакана, кинув на Алису полный отчаяния взгляд.

— Полагаюсь на тебя.

— На меня ты всегда можешь положиться, — щедро ответила та.

Фэй с улыбкой наблюдала, как Ильва с перекошенным лицом выпила залпом свою текилу.

— До дна... Но сейчас я все же хотела бы узнать, зачем ты вытащила нас в Амстердам. В разгар кризиса глобального характера.

— Управление патентов и регистрации, — ответила Ильва.

Алиса, только что отпившая большой глоток своего «Космополитена», закашлялась так, что напиток разбрызгался по всему столу.

— Управление патентов и регистрации? — переспросила она, вытирая губы.

Фэй тоже уставилась на Ильву, которая потянулась за своим «Лонг-Айлендом». Лицо у нее слегка порозовело.

— В эти выходные у них тут конференция. В этом самом отеле. Сегодня вечером банкет...

— И что? — с отвращением переспросила Алиса.

— Что-то я тоже не догоняю, — проговорила Фэй и развела руками.

— «Ревендж». Права. Патенты. План Б, — попыталась напомнить Ильва.

Фэй покачала головой:

— По нулям. Пока не врубаюсь. А ты, Алиса?

Алиса тоже покачала головой и подмигнула мужчине за соседним столиком.

— Сосредоточься, сейчас все объясню, — сказала ей Ильва.

Фэй отметила про себя, что та наслаждается своим преимуществом, и не стала портить ей удовольствие.

— Seriously, Ильва, что мы должны предпринять в связи с тем, что здесь гуляет Управление патентов и регистрации?

Ильва криво улыбнулась. Понизив голос, она вкратце рассказала свой план. Алиса расхохоталась в голос.

— Гениально! Ильва, ты — супер!

— Ты тоже, Алиса. И сегодня будешь нашим главным козырем.

Фэй подняла брови.

— Ты хоть понимаешь, какую мощь спускаешь с цепи?

— Я очень на это рассчитываю, — ответила Ильва с ухмылкой.

Час спустя они находились в легком приятном опьянении. Ильва указала в сторону бара.

— Вот. Кент, Бёрье и Эйвинд. — Она посмотрела на Фэй и Алису. — Вы поняли, что надо делать?

— Ты объяснила — понятнее некуда, — хмыкнула Фэй и опрокинула свой хот-шот.

— Мы красивые, мы веселые, мы умные, — сказала Ильва, не спуская глаз с трех мужчин у барной стойки. — Это все равно что отобрать конфетку у ребенка. Будем надеяться, что они не узнают тебя, Фэй.

— Они работают в Управлении патентов. Думаю, им не до того, чтобы следить за жизнью Фэй, — смачно ответила Алиса, и Ильва зашикала на нее.

— Здесь не только они, тут весь отдел. Но банкет начнется только через два часа. Успеем.

Алиса поднялась, но покачнулась.

— Сейчас мы должны быть в наилучшем виде, — сказала Ильва, помогая ей устоять на ногах.

Алиса достала из сумочки ярко-красную помаду и щедро накрасила губы.

— Мадам, прошу, — сказала Ильва, сделав щедрый жест в сторону бара.

На своих длинных ногах Алиса красиво подошла к Кенту, Бёрье и Эйвинду.

— Кажется, вы говорите по-шведски?

Мужчины с восторгом глядели на Алису — и пришли в еще больший восторг, когда к ним присоединились Ильва и Фэй. Три напитка спустя (за счет Управления патентов) все шестером отправились в номер люкс Фэй, чтобы выпить по коктейлю перед ужином.

Ильва взяла на себя Кента, Фэй старалась очаровать Бёрье, а Эйвинд с глазами преданного щенка не отходил от Алисы.

Когда они вошли в номер, оказалось, что Ильва подготовила столик с напитками — здесь нашелся бы алкоголь на любой вкус.

Мужчины издали радостные возгласы.

— Вот это хатка! А? Бёрье! Нам-то такие хоромы не достались...

— Черт побери, Кент, вот что я называю настоящим номером... Кажется, это лю-ю-юкс!

— Люкс, — бросила Алиса и упала на диван, потянув за собой Эйвинда. — Фэй, дорогуша, ты смешаешь мне и вот этому красавчику по джин-тонику?

Фэй подавила улыбку. Бедного Эйвинда Алиса легко могла бы проглотить, не жуя.

Вскоре она протянула им по бокалу и повернулась к Бёрье и Кенту. Бёрье тревожно взглянул на часы.

— Банкет ведь начинается через час?

— Ничего страшного, — быстро проговорил Кент, со счастливой улыбкой принимая от Ильвы грог. — Мы пока выпьем тут с дорогими дамами и успеем как раз к началу. Самые важные люди все равно всегда задерживаются!

Эйвинд что-то пробормотал в знак согласия, не сводя глаз с выреза Алисы. Та обнимала его одной рукой, поигрывая волосами у него на виске.

Ильва и Фэй переглянулись. Коктейли они смешали из самого крепкого алкоголя. После всего того, что мужчины уже успели пропустить внизу в баре, они вряд ли заметят, насколько огненные смеси им поднесли.

Фэй незаметно проверила, на месте ли мобильный телефон. Ильва сделала то же самое. Вскоре Бёрье и Кент отключились, сидя на диване. Алиса наклонилась совсем близко к Эйвинду и лизнула его в ухо. Фэй достала свой телефон. Она старалась, чтобы Алиса хорошо получилась на фото. В таких вопросах та отличалась особым педантизмом.

Фьельбака, давным-давно

Я стучала и кричала, но они игнорировали меня. Сквозь деревянные стены проникали их голоса и запах жареных сосисок. Парни, пребывая в прекрасном расположении духа, громко смеялись. Я опустилась на пол, прислонившись спиной к двери. Перед глазами встало лицо Томаса — дружелюбная улыбка, искорки в глазах... Неужели я так ошиблась?

Что задумал Себастиан? Эта идея принадлежала ему? Зачем они взяли меня с собой? Таков был их план с самого начала или я что-то сделала не так?

Время шло. Хотя часов у меня не было, мне показалось, что прошло часа два-три. Я снова поднялась, решив предпринять новую попытку. Заколотила в дверь.

— Пожалуйста, выпустите меня, — умоляла я. — Пить хочется!

Они не отвечали.

— Себастиан! Я хочу выйти отсюда. Я хочу домой.

Разговор снаружи продолжался. Они смеялись. Мне показалось, что они смеются надо мной, потому что я говорю таким драматичным голосом. Но мне было не до смеха. Я чувствовала себя ужасно глупо. Под дверь проникала полоска света — еще не закончился день.

Я вела себя как собака. Глупая, покорная собака. Дворняжка, стосковавшаяся по любви. Немного дружелюбия — и я завалилась на спину, отбросив все подозрения. Искорки в глазах Томаса и ямочки у него на щеках заставили меня забыть о том, что я знала на самом деле: никому нельзя доверять.

Во мне начала просыпаться ярость. Больше всего я злилась на себя — за то, что была такой наивной. Снова заколотила кулаками по двери. Почувствовала, как в руку впились мелкие занозы. Радовалась этой боли. Била еще сильнее. Кричала так, что заболело горло. В конце концов я снова опустилась на пол, прижавшись спиной к двери.

Прошло еще какое-то время.

Теперь они говорили тише. Голоса звучали хрипло, почти шепотом. В этом мне почудилось нечто зловещее.

Я снова встала, прижалась ухом к двери, пытаюсь разобрать, что они говорят. Меня охватила паника. Что я буду делать, если они оставят меня здесь? Я просто умру от жажды. Здесь меня никто не найдет. Паника нарастала, я снова заколотила в дверь.

К моему удивлению, голоса стали приближаться, словно парни направились к дому. Я отошла от двери и встала неподвижно, опустив руки. В замке повернулся ключ. Вошел Себастиан.

За ним — Рогер и Томас.

Никто из них не произнес ни слова; они просто смотрели на меня влажными пьяными глазами. Я отступила назад, вжалась в стену, пытаюсь сделаться маленькой.

Но бежать было некуда...

Кто-то пытался проникнуть в квартиру на площади Эстермальмсторг. На внешней двери отчетливо виднелись следы взлома — светлые шрамы на темном дереве. Фэй отставила свой чемодан, наклонилась и оглядела их. Сердце отчаянно билось в груди.

Як. Должно быть, он приходил сюда и пытался проникнуть внутрь, но безуспешно. Почти как предупреждение, сообщение о том, что он ищет ее. Кинув быстрый взгляд через плечо, Фэй вставила ключ в замок, повернула, открыла черную решетку, вошла в прихожую и заперла за собой.

Прислонившись к стене, она закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями. Лучше пусть он охотится за ней, чем разыскивает Жюльенну.

То, что Як появился здесь, ей лишь на пользу. Тем самым он открыл карты, показал, что не намерен прятаться.

Фэй вытащила из сумочки телефон, набрала номер своего контактного лица в полиции и сообщила о случившемся. Через десять минут прибыл полицейский патруль. Они обследовали дверь, составили протокол и задали вопросы, на которые Фэй постаралась ответить.

— Вы должны найти его, — сказала она, когда вопросы иссякли. — Он убьет меня. Он уже убил нашу дочь.

Полицейский спокойно взглянул на нее.

— Предыстория нам известна. У нас недостаточно ресурсов, чтобы охранять вас круглосуточно, но я заверяю вас, что мы делаем все от нас зависящее, чтобы разыскать его. Теперь мы знаем, что он в Стокгольме. И у вас есть контактное лицо, которое звонит вам каждый день.

— Как мне ходить в офис и продолжать жить обычной жизнью, если он охотится за мной?

— У вас есть возможность пожить в другом месте? Пока мы не задержим его?

Звук, донесшийся от входной двери, заставил Фэй обернуться. Увидев Давида, она кинулась к нему и обхватила его руками за шею.

— Я видел дверь. Здесь побывал Як? — спросил он, прижимая ее к груди.

Фэй кивнула. На глаза навернулись слезы, когда она вдохнула его запах.

Давид обернулся к полицейскому:

— Что вы можете предпринять?

— Не так много. Как я уже объяснил Фэй, мы не можем охранять ее круглосуточно. Вероятно, вам следовало бы пожить несколько дней

в отеле.

Полицейский попрощался и оставил их одних. Впервые с тех пор, как они познакомились, Фэй видела Давида в состоянии крайнего возмущения. Он ходил туда-сюда по кухне со стаканом апельсинового сока в руке.

— Он не имеет права портить тебе жизнь, ограничивать тебя. У меня есть друг, у него своя охранная фирма. Мы найдем тебе охрану. Ты должна иметь возможность работать как обычно, не оглядываясь на каждом шагу. Проклятый идиот... Кем он себя возомнил?

— Я не хочу телохранителей, Давид.

— Я все оплачу. Он не сможет ограничить твою жизнь. Он делал это долго, но теперь хватит. Черт, до чего я ненавижу таких мужиков, как он!..

От его заботы у Фэй потеплело в груди.

— Это не вопрос денег. Если я найму охрану, это будет означать, что он напугал меня. Подчинил меня себе. И кто знает, сколько это будет продолжаться. Он может скрываться месяцами. Если нам повезет, его скоро задержат. Теперь полиции, по крайней мере, известно, что он в Стокгольме.

Давид остановился перед ней.

— Знаю, ты только что приехала домой, но я хочу, чтобы мы уехали хотя бы на несколько дней. Пока все не успокоится.

Фэй погладила его по щеке. Ей очень хотелось куда-нибудь поехать с ним.

— Что скажешь по поводу Мадрида? — спросила она. — Мне все равно надо поехать туда ради деловых встреч. Может, там и отпразднуем мидсоммар?^[29]

Давид взял ее руки в свои и притянул ее к себе.

— Знаешь, я как раз из тех, кто любит мидсоммар. Стопочка, селедочка, сыр «вестерботтен», украшенный венками шест... Но ради тебя, моя дорогая, я готов пожертвовать всем. *Yo amo Madrid*^[30].

Фэй взяла Давида за руку, пока они шли вдоль Страндвеген. Ей вспомнился тот вечер, когда они, пробравшись на чужой катер, впервые занялись любовью. Отношения с Давидом во многих отношениях оказались самым легким и естественным романом в ее жизни.

С Яком она часто чувствовала себя неуверенно и приспособливалась, чтобы сделать ему приятно. Постоянно боролась с собственными побуждениями из боязни потерять его. В общении с Давидом Фэй и в голову не пришло бы от чего-либо отказываться. Он явно и совершенно искренне показывал ей, что хочет видеть ее рядом с собой такой, какая она есть. Может быть, это возраст? Или просто дело в том, что они с Давидом лучше подходят друг другу, чем она и Як?

— О чем ты думаешь? — спросил Давид, с улыбкой наблюдая за ней. — Ты улыбаешься...

— О нас.

— «О нас» звучит отлично, — откликнулся он. — Мне нравится, что ты думаешь о нас.

Солнце палило нещадно, наступила жара.

Они миновали набережную Ньюбрукайен, где паромы до Юргордена ждали, пока их заполнят туристы, а справа от них простирался парк Берцелиуса. Люди полулежали на траве в тени и обедали.

Когда они добрались до «Гранд-отеля» на Блазиехольмене, Фэй осталась в фойе, а Давид поднялся на лифте в свой номер.

В фойе было прохладно и приятно. Фэй закрыла глаза, наслаждаясь мерным гулом голосов, звучащих среди каменных стен.

Она с нетерпением ждала поездки в Мадрид, ведь это их первое совместное путешествие. У нее там деловая встреча, но потом она позаботится, чтобы они с Давидом провели несколько чудесных дней и ночей вместе.

В сумочке завибрировал телефон. Фэй достала его.

— Хенрик только что приходил в офис, — сказала Керстин.

— В «Ревендж»? Ты шутишь?

— К сожалению, нет. Меня там не было, но мне позвонила Сандра из отдела внешних связей.

— «Ревендж» ему не принадлежит, он не имеет права... Что сказала Сандра — что он делал? — Фэй пришла в такое возмущение,

что вскочила с кресла.

— Он обошел офис, представился сотрудникам. Посмотрел помещения. По словам Сандры, он вел себя так, словно уже стал хозяином. Попросил всех выслать свои резюме, чтобы, как он выразился, «он мог решить, кто в будущем станет важным ресурсом для компании».

— Наглец... Ирена рассказала, как он обращается с женщинами в своей нынешней фирме, с теми немногими, кого берет на работу, — убогий образчик мужского шовинизма. — Фэй чуть не столкнулась с маленькой седовласой дамой в шубе из шиншиллы, с жемчугами на шее. — Простите.

— Что ты сказала? — переспросила Керстин.

— Нет-нет, это я не тебе. Но как ты думаешь, что он затеял? Все это служит одной-единственной цели — вывести меня из себя. И ему это удалось.

— Что ты намерена делать?

— Постараюсь держаться спокойно, не совершать необдуманных действий, а пока реализовывать план Ильвы.

— Стало быть, в Амстердаме все прошло успешно?

В голове у Фэй пронеслось несколько воспоминаний о поездке в Амстердам, однако она решила: о том, что там произошло, Керстин следует знать как можно меньше.

— Сверх всяких ожиданий.

— Ну хорошо. Тогда будем пока игнорировать Хенрика и делать то, что задумали.

— Да, будем игнорировать его, — сказала Фэй и отключилась, но почувствовала, что скрипит зубами.

Возмущенный голос заставил ее обернуться. Женщина с длинными черными волосами, стоящая возле стойки, спорила с администраторами. Фэй тут же узнала ее. Само собой, она «погуглила» ее. Оказывается, та обожает платья от «Шанель». Это была Юханна Шиллер, жена Давида. Фэй достала телефон, приложила к уху и, сгорбившись, поспешила к выходу. Если Юханна увидит ее, то, скорее всего, устроит сцену. Должно быть, она явилась сюда, чтобы разыскать Давида. Выходя через вращающиеся двери, Фэй услышала, как Юханна продолжает ругаться с администраторами.

— В каком смысле вы не можете дать мне ключ? Здесь проживает мой муж, Давид Шиллер. Я — Юханна Шиллер. Само собой, я могу получить ключ от номера моего собственного мужа.

Сжав руки от злости и огорчения, Фэй быстро спустилась по лестнице и пошла дальше вниз, к воде. Все, что делала Юханна, казалось ей такой низостью... Она никак не может оставить Давида в покое. Даже здесь. А детей использует, чтобы шантажировать его... Какой чудовищный эгоизм!

Фэй остановилась на набережной. Однажды она примет вызов, но не сегодня. Пусть Давид разбирается сам. Найдя свободную скамейку, Фэй опустилась на нее. Пока она не рассказала Давиду о том, что Юханна пыталась с ней связаться. Она и сама не могла бы объяснить, почему колеблется. Когда они были вместе, ей не хотелось ни думать о Юханне, ни говорить о ней. Если Давид хотел о ней поговорить, Фэй ему не мешала. Но на самом деле ей не хотелось впускать Юханну в их маленький мирок.

Тут зазвонил мобильный телефон, который она по-прежнему держала в руке. Это была Ильва.

— Привет, Ильва! Ну что, ты уже пришла в себя после наших выходных?

Фэй тут же поняла: что-то случилось. Ильва говорила отрывисто, всхлипывая:

— Он приходил сюда, Фэй. Як был здесь.

Фьельбака, давным-давно

Томас и Рогер пытались оттащить меня на кровать, но я так брыкалась, кричала и кусалась, что парни уронили меня на пол. Тогда они схватили меня за ноги и поволокли за собой. Я видела суровое лицо Себастиана вверх ногами, пока они тащили меня туда. Почему-то это заставило меня замолчать — по крайней мере, на время. Их трое. У меня нет шансов. Я осознала это. Они положили меня на кровать, стащили с меня брюки и трусики.

— Нет! — умоляла я. — Не надо! Я не хочу!

Но не сопротивлялась. От этого все могло стать еще хуже. Казалось, все мое тело окаменело и больше не повиновалось мне.

Глаза у них были потухшие, не выражали никаких эмоций, когда я просила их не делать этого. Рогер крепко держал меня за руки. Томас достал свой член и решительно раздвинул мне ноги. В глазах его по-прежнему плясали искорки. Но уже совсем другие.

Он запихал его в меня.

Меня жгло, было так больно...

Томас стал двигаться взад-вперед. Все быстрее и быстрее. Я сжала челюсти. Закрыла глаза. От его тела пахло пивом и дымом от костра. Через пару минут я ощутила его конвульсии; стало жарко и липко, когда он выпустил в меня свое семя.

Потом настал черед Рогера.

От него пахло сигаретным дымом. Он вел себя грубее. Я заметила, что ему нравится видеть мой страх, когда он с силой вошел в меня. Я охнула. Рогер не сводил с меня глаз. Все время смотрел на меня, словно ему хотелось видеть мою реакцию. Я ощущала полную беспомощность. Отвернулась, чтобы они не видели моего лица. Это вернуло мне хоть каплю веры в себя — так мне показалось.

Себастиан наблюдал, прислонясь к стене и покуривая сигарету. Я ненавидела его. Но более всего ненавидела себя — истосковавшаяся по любви, обрадовалась, как дура, когда старший брат пригласил меня с собой... Заметив, что я смотрю на него, Себастиан отвернулся и стал смотреть в окно. Только тут я заметила, до чего же он похож на папу. Как я раньше этого не видела?..

Помню, мне было лет семь. Я не поняла, что мама с папой поругались. Не слышала криков. Проснувшись среди ночи, схватила своего мишку и в полусне пошлепала в спальню мамы и папы. Я так иногда делала — забиралась в их кровать с маминой стороны, а она накрывала меня своими руками, повернувшись спиной к папе.

Уже стоя у ног их кровати, я поняла, что они не спят. Похоже было, что они борются. Папа держал маму за руки. Мама была голая. До этого я никогда не видела ее голой. Я не понимала, что происходит. Но увидела, что мама плачет.

Теперь, глядя на Себастиана, стоящего у окна, я увидела у него на лице то же выражение, как тогда у папы...

Через стены серого многоэтажного дома в пригороде Стокгольма слышались возмущенные голоса соседей и грохот включенного телевизора. Ильва сидела за столом в кухне, закрыв лицо руками.

Все ее тело тряслось. Она беззвучно плакала. Фэй гладила ее по спине, пытаясь утешить.

Только что уехала полиция. Выразила сожаление по поводу случившегося, составила протокол, пообещала сделать все возможное, чтобы задержать Яка. Тот дал Ильве номер своего мобильного телефона и сказал, что она сама узнает, когда пора позвонить ему. Затем добавил, что номер на него не зарегистрирован и что он включает телефон ненадолго, несколько раз в день. «Так что пусть полиция даже не пытается выследить меня», — заявил он Ильве, прежде чем уйти.

— Но он ничего мне не сделал, — сказала она и вытерла слезы, упорно продолжавшие капать. — Просто дал мне номер мобильного телефона и ушел. Даже не захотел взглянуть на Нору. Думаю, он... сделал все это только для того, чтобы заманить тебя.

Фэй поежилась.

Из спальни донесся детский плач. Невероятно, но факт — Нора проспала и попытки Яка вскрыть входную дверь, и визит полицейских. Однако теперь она проснулась.

— Я возьму ее, — мягко сказала Фэй.

Ильва не ответила.

Фэй поднялась и пошла в спальню. Рядом с аккуратно застеленной односпальной кроватью стояла раздвижная детская кроватка. Фэй осторожно приблизилась к Норе, которую раньше видела только по телевизору и на фото в газетах. Дочь Яка.

Сама она очень хотела еще детей от Яка, но когда забеременела, тот заявил, что ему вполне достаточно Жюльенны. Задним числом Фэй поняла — к тому времени он уже начал встречаться с Ильвой.

Як вынудил Фэй сделать аборт. Сейчас ей вспомнились мучительные часы, проведенные в больнице, когда рядом с ней была Крис, ибо Як даже не появился. Где он тогда был — с Ильвой или с кем-то другим?

Теперь это не имеет значения.

Нора лежала на спине, глядя на нее большими голубыми глазами. Вне всяких сомнений, она — дочь Яка. То есть единокровная сестра

Жюльенны. Буквально копия своего отца. Некоторое время Фэй смотрела на нее как зачарованная, потом наклонилась, протянула руки, взяла и прижала дитя к груди.

— Все хорошо, все хорошо, — стала она утешать ее.

Нора притихла. Дала себя обнять. Пока Фэй несла ее в кухню, плач почти стих.

С девочкой на руках Фэй остановилась перед Ильвой. Ильва не должна здесь оставаться. Як может появиться в любой момент и ворваться в квартиру. Из соседской квартиры донесся новый крик. Внизу во дворе кто-то завел мопед.

— Сделаем так, — сказала Фэй. — Ты возьмешь у меня в долг, сколько тебе нужно, чтобы купить квартиру в центре. Вернешь, когда сможешь.

Ильва подняла глаза, переводя взгляд с Фэй на свою дочь, и открыла было рот, чтобы возразить. Фэй не дала ей ничего сказать.

— Это не обсуждается — строго деловое решение с моей стороны. Если ты останешься здесь, то будешь работать хуже, все время бояться, что Як появится снова. А поскольку в твои задачи, среди прочего, входит проверка потенциальных инвесторов «Ревендж», то это отразится и на мне. А ты уже показала, чего стоишь. Ты дала мне то, что было нужно, и проявила лояльность.

Ильва вяло улыбнулась:

— Спасибо.

— До того, как ты найдешь себе новую квартиру, думаю, Алиса не будет возражать, если вы с девочкой переедете к ней. Ей весьма одиноко в большом доме на Лидингё в те недели, когда дети живут не у нее. А там Як вас не найдет.

Ильва вытерла последние слезы.

— Отлично, — проговорила она. — Тогда я могу спокойно заняться инвесторами.

Фэй вздрогнула. Пока она не сказала другим, что Давид хочет инвестировать в экспансию «Ревендж» в США. Ильва предупредила ее, что не стоит смешивать дела и личную жизнь, так что, возможно, они повздорят, если она представит Давида как одного из потенциальных инвесторов. Его предложение следует рассмотреть столь же тщательно, как и все остальные, и на тех же условиях — это важно для Фэй. Он появился последним, поэтому и оценивать его

следует последним. Если до этого дойдет дело. Так много всего нужно решить...

— Сложи все самое необходимое, вызовем такси, и поедем к Алисе. А я тем временем позвоню ей, — сказала Фэй и уселась у стола с Норой на коленях.

Ей так хотелось в Мадрид... Там она перегруппирует свои силы, вернется в Стокгольм с четким планом, как устранить Яка. И остановить попытки Хенрика выкупить «Ревендж».

Часть III

Во вторник вечером жители многоквартирного дома в Эстермальме сообщили в полицию, что слышали из одной квартиры крики и звуки борьбы. «Такое ощущение, что там кого-то убивают», — сказала женщина, позвонившая в полицию.

Когда на место прибыл патруль, в квартире никого не оказалось. Спикер полиции не пожелал больше ничего сообщать по поводу этого события.

(Из газеты «Афтонбладет» от 26 июня)

У Давида зазвонил мобильный телефон. И снова на дисплее возникло имя Юханна. Он вздохнул, положил телефон на стол экраном вниз и напустил на себя независимый вид.

Фэй улыбнулась ему, и Давид ответил на ее улыбку.

Они сидели в тапас-ресторане на красивой, вымощенной камнем площади неподалеку от Пуэрта-дель-Соль ^[31].

Солнце уже зашло, но вечер стоял жаркий. Между белыми фасадами эхом отдавались волшебные звуки музыки уличных музыкантов. На Фэй было тонкое платье цвета слоновой кости, а на Давиде — голубая льняная рубашка и тонкие брюки из хлопковой ткани.

Им подали тарелку жаренных в чесночном масле креветок, которая теперь стояла между ними, а справа от Фэй в ведерке со льдом соблазнительно поблескивала бутылка шардоне.

— Хочешь поговорить об этом? — спросила Фэй, кивнув в сторону телефона.

Давид покачал головой:

— Честно говоря, нет. Я хочу говорить только о нас, ни о чем постороннем.

— Тогда не будем о ней.

— Нам все равно придется со всем этим разбираться, когда мы вернемся домой. А сейчас давай просто будем здесь и сейчас, ты да я, в одном из самых красивых городов Европы...

Фэй подняла бокал.

— Ты прав.

— Я без ума от тебя, ты знаешь об этом?

Несмотря на все попытки Юханны испортить им поездку, они провели в Мадриде два незабываемых дня. С каждой минутой Фэй все больше привязывалась к Давиду. Он проявлял внимание и заботу. Открывал ей дверь, выдвигал стул, настаивал на том, что угощает ее, покупал цветы и шоколад. При этом очень современно и совершенно естественно относился к равноправию и имел представление о том, как на практике женщины повсюду сталкиваются с тем, что с ними обращаются иначе, нежели с мужчинами: в высоких кабинетах, на улице, в образовании... Его интересовало ее мнение, он задавал вопросы. Не из чувства долга — его действительно волновало, что она думает. Когда она говорила, его глаза сияли. Рядом с ним Фэй чувствовала, что ее любят и ценят, как никогда ранее.

Фэй поймала себя на том, что улыбается, и Давид вопросительно посмотрел на нее, но она только покачала головой. Не все чувства

можно выразить словами.

Давид поднялся, чтобы сходить в туалет. Ресторанные «удобства» располагались в одном из зданий, окружавших площадь. Фэй проводила его взглядом. Телефон Давида остался лежать на столе. На мгновение Фэй обдумывала, не взять ли его, не посмотреть ли, как он общается с Юханной, — понять, чего она хочет, в каком тоне пишет ей. Его пин-код она запомнила, когда он один раз набирал его при ней. Но Фэй не притронулась к телефону. Хотела показать, что доверяет ему.

Прочесть переписку Давида значило бы вторгнуться в его частную жизнь. И хотя он никогда не узнал бы — она-то знала бы, что это произошло. Вместо этого Фэй стала разглядывать гостей, сидевших вокруг. Отметила, что многие пары не разговаривают друг с другом, а сидят, уставившись в свои телефоны. Пустая трата времени, пустая трата жизни... Под большим деревом играли дети, со смехом гоняясь друг за другом. Фэй с тоской улыбнулась. Как ей хотелось бы, чтобы Жюльенна была здесь и познакомилась с Давидом... Он мог бы стать для нее тем отцом, которого ей не хватало с тех пор, как Як бросил их.

Внезапное осознание показалось ей резким, как удар в лицо. Фэй поняла, что представляет себе будущее, в котором она однажды родит ребенка от Давида.

Ее мысли прервал его голос.

— Фэй...

Он сел напротив нее. Вид у него вдруг стал какой-то напуганный, и в животе у нее все перевернулось. Что-то не так, она увидела это по его лицу. Схватившись за край стола, приготовилась — будь что будет.

— Фэй, я подумал...

Она сглотнула. Что бы он ни сказал, она постарается вести себя достойно. Не выкажет слабости.

— Я подумал, как нам хорошо вместе, — продолжал Давид. — Вернее, я могу говорить только за себя. Я люблю находиться рядом с тобой. И надеюсь, что тебе тоже нравится быть со мной.

Он вопросительно посмотрел на нее — в его глазах читалась ранимость, что с ним случалось крайне редко. Фэй с облегчением протянула руку через стол и положила на его ладонь.

— Я тоже люблю быть рядом с тобой, — ответила она.

Синие глаза Давида сияли ярче, чем когда-либо. Он сжал ее руку.

— Понимаю, что тороплюсь, но я не могу быть без тебя. Мне хотелось бы, чтобы мы начали подыскивать нечто общее — дом, который создадим вместе... С чистого листа. Надеюсь, ты не считаешь меня нахалом.

Он смущенно отвел глаза.

Подошел официант и поставил перед ними новые блюда. Перцы «падрон», тортильи, хамон, крокеты и тефтели «албондигас».

Фэй невольно рассмеялась. Смех поднялся к бархатно-черному испанскому небу, отдаваясь от булыжной мостовой и кирпичных стен. Где-то в стороне, наверняка в одном из многочисленных ресторанов неподалеку, кто-то начал играть на скрипке. Прочувствованное, мелодичное звучание растеклось по узким улочкам.

— Я с удовольствием буду жить с тобой под одной крышей, Давид. Может быть, переедешь пока ко мне, в квартиру, которую я снимаю? Пока мы не найдем что-нибудь интересное. Меня уже спросили, не хочу ли я продлить договор аренды, а ты дал мне причины проводить в Швеции больше времени.

— Правда? — Давид снова сжал ее руку.

— Это будет наш с тобой тест-драйв, — сказала Фэй, улыбаясь ему. — Ты сможешь переехать ко мне, как только я запущу свое «вторжение в Америку».

Давид достал из кармана брюк маленький пакетик, красиво завернутый и перевязанный белой шелковой ленточкой.

— Не волнуйся, — проговорил он с кривоватой улыбкой, — это не кольцо. — Моргнул. — По крайней мере, пока.

Фэй сжала в руках пакетик, пытаясь угадать, что в нем, — однако, ясное дело, это было невозможно. Она медленно развязала бантик и подняла крышку. Внутри лежал красивый изысканный серебряный медальон на цепочке.

Она осторожно достала его.

— Мне он безумно нравится. Восхитительно.

— Ты как-то упомянула, что Кате Габор фотографировала тебя и твою... твою семью до того, как все произошло. Поэтому я связался с ней, рассказал, кто я и почему к ней обратился. Открой медальон.

Не сводя глаз с серебряного медальона, Фэй дрожащими руками бережно открыла его. Внутри ее глазам предстала ее любимая

фотография — она с Жюльенной. Такая сильная любовь, с такой нежностью она гладит дочь по волосам... Фэй сидела, уставившись на фотографию. Потом подняла глаза на Давида. Заморгала, чтобы прогнать слезы.

Скрипач завел «Калинку». Ночная тьма окружала их, и Фэй поняла, что счастлива, как давно не была. Потом вспомнила, что у нее тоже есть подарок. Для Давида. Утерев слезы, она достала из своей сумочки «Биркин» заветную коробочку и протянула ему. Пока он открывал коробку с часами от «Патек Филипп», Фэй повесила медальон на шею. Нежно погладила его. Может быть, она готова завести новую семью...

Обоим хотелось, чтобы это вечер не кончался, поэтому, когда Фэй и Давид доели наконец все тапас и расплатились, то пошли бродить, держась за руки, по улицам Мадрида. Город завораживал. Он был полон жизни, как никакой другой. На каждом углу уличные музыканты играли красивые заводные мелодии. Дети гоняли в футбол или играли в шумные игры. На скамейках сидели влюбленные парочки. Молодежь курила марихуану или пила вино, валяясь на траве. Все это утопало в золотом маслянистом свете уличных фонарей.

Давид и Фэй говорили мало — слова казались излишними и все равно не могли всего выразить, — но время от времени останавливались, смотрели друг на друга и счастливо улыбались.

Потом Давид предложил выпить по бокальчику на сон грядущий. Бок о бок они уселись за шаткий столик, стоявший прямо на тротуаре, и заказали себе бутылку вина.

Фэй взглянула на Давида. Ее сердце колотилось в груди.

— Когда я с тобой, мне не стыдно — ни за что, — проговорила она. — Наоборот, хочется рассказать о своих слабостях и нелепых поступках, чтобы разобраться в них. Помимо Крис у меня никогда ни с кем не возникало такого чувства.

— У меня то же самое. Наверное, это потому, что мы оба знаем — у другого нет никаких задних мыслей. Слабости и неудачи не будут использованы как оружие против нас.

Официант в белой рубашке, черном жилете и с галстуком-бабочкой открыл вино и дал Фэй попробовать. Она кивнула. Мужчина разлил вино по бокалам, поставил бутылку в ведерко со льдом, поклонился и исчез.

Фэй хотелось рассказать Давиду обо всей своей жизни, хотя она и понимала, что это невозможно. Все же в один прекрасный день ей придется рассказать о Жюльенне, иначе никакой совместной жизни не получится. Много можно скрыть, но не дочь.

— За пару недель до того, как мы с тобой познакомились, я приехала в Рим, — начала Фэй. — Бродила по городу одна. Нашла бар. Там познакомилась с молодой парой. Мы разговорились, и они пригласили меня к себе домой.

Поднося бокал ко рту, Давид приподнял брови. Мимо них на полной скорости промчался мопед. Вся улица пропахла бензином. Где-то лаяла собака.

— Потрясающее чувство — быть рядом с двумя влюбленными и, в каком-то смысле, стать частью их любви. Это было самое интимное переживание в моей жизни. Совокупляться с мужем другой женщины у нее на глазах. Понимаешь?

Давид взглянул на нее серьезным взглядом.

— Думаю, да.

Мимо них, держась за руки, прошла какая-то парочка в тренировочных костюмах.

— Было очевидно, что они делали это друг для друга... Я стала инструментом их наслаждения. Как еще один способ доставить друг другу удовольствие. Новое, ни с чем не сравнимое чувство. Почти как отделение души от тела.

Фэй вздохнула. Часы поблескивали на запястье у Давида, и он то и дело бросал на них восхищенные взгляды. Но ей почему-то стало грустно. Хотя казалось, что она должна быть счастлива, на нее накатило другое чувство.

— Мы, женщины, приучены все время бояться, что кто-то украдет у нас мужа, партнера, — и сами себя ограничиваем. Постоянно вглядываемся, ища признаки предательства. Я не хочу так больше жить. Як обманул меня, но тебе я доверяю. Это мой выбор. Иначе это будет преступлением против моей собственной жизни. Ее

ограничением. Надеюсь, ты никогда меня не предашь, но все в твоих руках, не в моих.

Давид потянулся к ней, взял ее руку в свою. Ее ладонь утонула в его руке.

— Я не предаю тебя, Фэй.

Свет стеариновых свечей отражался в часах у него на запястье. Фэй крепко сжала его руку. Хорошо бы он стал ее тихой гаванью, где она смогла бы отдохнуть, заповедной зоной, где ей не нужно было бы постоянно думать о том, с чем она борется каждый день... Но если она собирается всерьез впустить его в свою жизнь, он должен представлять себе, что происходит.

Фэй сделала глубокий вдох. Момент настал.

— Кто-то пытается скупить акции «Ревендж». И этот кто-то на редкость близок к успеху.

Фьельбака, давным-давно

Сандалии я забыла в домике. Когда эти типы наконец отпустили меня, мне хотелось лишь одного — прочь отсюда. Поэтому я шлепала за ними по камням босиком.

Рогер, Томас и Себастиан тащили поклажу, которая стала гораздо легче, ибо по пути туда в основном состояла из пива, которое они за это время выпили. Я шла последняя. Перед мной покачивались их широкие загорелые спины. Изначально планировалось, что мы отправимся домой раньше, пока еще светло. Но они задержались. А я сидела взаперти в доме, и мое мнение никого не интересовало.

В прошедшие двое суток они приходили ко мне, когда им взбрет в голову, всегда все вместе. Никогда по одному. После третьего раза я перестала сопротивляться — просто лежала, предоставив им делать со мной, что они хотят.

Все тело у меня болело, пахло кровью, спермой, пивом и потом. Я с трудом сдерживала рвоту.

— Круче было, когда она сопротивлялась, — сказал Рогер, когда я развела ноги.

Ко мне они не обращались. Ни когда насиловали меня, ни до, ни после. Вместо этого разговаривали друг с другом обо мне, словно я

была старой преданной собакой.

Когда они выпустили меня и сказали, что пора ехать домой, я была не в состоянии радоваться.

Вещи они уже сложили, от меня требовалось только следовать за ними.

Лодочка покачивалась на волнах там, где мы ее оставили, и они загрузили все на борт. Теперь атмосфера стала гнетущей. В воздухе висело раздражение. Казалось, одно слово — и все взорвется. Я молчала, чтобы не злить их. Чтобы не вызвать на себя их гнев.

После того как я двое суток дышала спертым воздухом в домике, морской ветер буквально вдохнул в меня новую жизнь.

Сидя на корме лодки, я смотрела на скалы и деревья и думала, что они сильно изменились. И дело тут не в освещении. Просто я стала другим человеком.

Мы взобрались на яхту, и Томас завел мотор. Он сделал мне жест подойти. Я встала и медленно направилась к нему, завернувшись в одеяло, которое нашла на борту.

Обняв себя руками, я терпеливо ждала.

Дул холодный ветер.

— Ты никому об этом не расскажешь. Поняла?

Я не ответила.

Томас отпустил штурвал, схватил меня за руку выше локтя и посмотрел мне в глаза.

— Поняла? Ты просто глупая потаскуха. Если ты расскажешь, я тебя задушу.

Потом он улыбнулся, и в глазах снова засверкали искорки.

— Да и с какой стати ты будешь кому-то рассказывать? Ведь тебе понравилось, это было заметно.

Томас обнял меня одной рукой, и я не мешала ему, хотя его прикосновение вызывало у меня глубочайшее отвращение. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как я почувствовала на себе его взгляд, сидя на носу яхты. Вечность — с тех пор, как я позволила себе на что-то надеяться...

— Она не проболтается, — сказал Себастиан. — Об этом я позабочусь, обещаю. Как-никак это я ее обучил.

Я взглянула на линию горизонта и приложила руку к груди, но тут же замерла от ужаса. Украшение, подаренное мамой, исчезло.

Красивый кулон — ангел с серебряными крыльями — остался в доме. Я обернулась. Остров уже скрылся из виду.

Мой амулет навсегда потерян.

— Я смогу иногда заходить к вам в гости? — спросил Томас. — Ты ведь поделишься со мной, Себастиан?

Он сжал мое плечо. Потом лизнул меня по щеке. Долго. Мокро.

— Конечно же, мне можно прийти в гости, Матильда? Ведь я тебе нравлюсь.

Я медленно кивнула. По-прежнему ощущая пивной дух у него изо рта и боль в плече, которое он крепко сжимал, поняла, что во мне что-то бесповоротно изменилось. Впервые в жизни я осознала, что иногда бывает необходимо убивать...

— Я слышал, ты договорилась с Джованни...

— Хорошие новости распространяются быстро, — ответила Фэй и широко улыбнулась Хайме да Роса, генеральному директору и владельцу испанского косметического предприятия.

Не являясь крупнейшим в Испании, оно, как и компания Джованни в Италии, позволяло заполнить некоторые пробелы в производстве, дистрибуции и логистике, с которыми «Ревендж» обязательно нужно было разобраться, прежде чем штурмовать американский рынок. Некоторое время они беседовали о пустяках, съев между делом несколько тарелок безумно вкусных тапас, но теперь, когда дошел черед до чашечки эспрессо, настало время поговорить серьезно.

— Плохие новости тоже быстро распространяются.

Хайме говорил с сильным испанским акцентом, но прекрасно владел английской грамматикой и обладал большим словарным запасом, так что они понимали друг друга без проблем. Благодаря тому, что Фэй теперь хорошо выучила итальянский, она поняла бы большую часть, даже если бы разговор шел по-испански, но самой ей трудно было бы изъясняться. Поэтому они беседовали по-английски.

— Что ты имеешь в виду? — осторожно спросила Фэй и взяла шоколадную конфету с блюда, стоявшего перед ней.

— У меня есть хорошие друзья в Швеции. О «Ревендж» ходят слухи... О скупке акций.

Шоколадная конфета чуть не встала Фэй поперек горла. Именно этого она более всего опасалась. Пока ей удалось сдержать газетчиков, чтобы не писали об этом, и она подозревала, что Хенрик пока тоже не станет снабжать их информацией, а запустит бомбу в СМИ жирным шрифтом, когда дело будет сделано. Но Стокгольм — город маленький, а его деловой мир — еще меньше, и неудивительно, что слухи добрались и до других стран.

То, как Фэй поведет разговор, имеет решающее значение. А если она не будет продолжать работать, готовя выход на американский рынок, на который положено столько времени и энергии, с которым связано так много надежд, то это равносильно капитуляции. Тогда она не заслуживает «Ревендж».

— Хайме, слухи ходят всегда. Ты знаешь это не хуже меня. Подозреваю, что в Испании дело обстоит точно так же. В Мадриде, например. Если я начну наводить справки — сколько сплетен услышу о тебе и твоём предприятии? Такой стильный мужчина, как ты... Должно быть, о тебе ходило много всяких кривотолков. Сколько любовниц тебе приписывали злые языки, Хайме?

Она улыбнулась ему, выпрямилась и сверкнула глазами в тон бриллиантовым кольцам на пальцах. Да Роса громко рассмеялся, польщенный ее словами.

— Да, ты права. Обо мне много говорили такого, что вовсе не правда. — Подавшись вперед, он подмигнул ей. — Но, боюсь, кое-что все-таки правда...

— Об этом я уже догадалась. Что ты плохой мальчик, Хайме, — с хихиканьем ответила Фэй, горько вздыхая в душе.

Мужчины. Порой ей казалось невероятным, как им удалось сохранять мировое господство в течение всей истории человечества.

— Приятно слышать, что это всего лишь досужие сплетни, — сказал Хайме. — Мы с нетерпением ждем совершения нашей сделки. Насколько я понимаю, остались лишь мелкие технические детали — мои адвокаты говорят, что в течение недели мы сможем подписать договор.

— Мои адвокаты говорят то же самое.

Хайме допил свой эспрессо, уперся обеими локтями в стол и посмотрел из-под челки на Фэй. Она знала, что сейчас последует. Сколько переговоров провела, танцуя тот же танец с разными мужчинами... Все они хотели одного. Сначала бизнес. Потом постель. Словно это — часть сделки.

Фэй широко улыбнулась. В последние годы она научилась применять эту улыбку с хирургической точностью.

— Я подумал... — Хайме понизил голос и заглянул ей в глаза. — Если у тебя нет планов на вечер, я мог бы показать тебе свои любимые места. Я знаю лучшие рестораны, лично знаком с блестящими поварами. К тому же у меня есть небольшая квартирка в городе. Иногда я так поздно заканчиваю, что нет смысла ехать на виллу в горах. Может быть, завершим вечерок там? С кофе и... с коньячком.

Он помахал официанту и попросил принести счет.

Фэй мысленно застонала. Никто из них не проявлял ни малейшей оригинальности. Всегда кофе и коньячок в маленькой квартирке в центре города, где они устроили себе трахальник.

— Было бы ужасно мило, — ответила она. — Но я приехала на выходные с лучшей подругой и ее дочкой. Ей пять лет, и она, конечно, очень бойкая. Не могу же я оставить их одних в отеле. Так что, может быть...

Фэй мило улыбалась, видя выражение паники на лице Хайме.

— Прости, но я только что вспомнил — обещал жене обязательно приехать сегодня к ужину... Очень извиняюсь. Могу порекомендовать несколько ресторанов. Подходящих для семей с детьми...

— Ах, очень жаль. Но порекомендуй, пожалуйста, — это так любезно с твоей стороны...

Хайме быстро положил деньги на стол, поднялся и кивнул, протягивая руку.

— Свяжемся на следующей неделе.

— Обязательно, — ответила Фэй, пожимая его руку.

Она долго смотрела ему вслед, когда он быстрым шагом удалялся в сторону своего офиса. Затем, посмеиваясь, взглянула на часы, взяла свою сумочку и отправилась обратно в отель. Магазины, который она нашла в интернете, еще будучи в Швеции, находится по пути. Давида ждет еще один сюрприз.

* * *

Давид как раз был занят деловым разговором, когда Фэй вошла в номер с двумя большими пакетами в руках. Он просиял, жестом показал ей, что закончит через пять минут, а она послала ему в ответ воздушный поцелуй. Теперь у нее есть время подготовить свой сюрприз.

Выйдя на большую террасу, Фэй, насвистывая, выложила из пакетов все, что купила. Перед ее глазами простирались крыши Мадрида, и она отогнала все свои тревоги, все посторонние мысли — о чем бы то ни было. Она здесь, в городе, который любит, с мужчиной, которого любит... Долгое время Фэй считала, что никогда больше не сможет полагаться на мужчину.

Казалось, Давид уже заканчивал разговор, и Фэй поспешила закончить приготовления. Когда он вышел на террасу, она обернулась к нему и протянула руки в сторону накрытого стола.

— Сюрприз!

— Боже мой, что это такое? — воскликнул Давид, широко раскрыв глаза.

— Поскольку я увезла тебя от мидсоммара, мне пришлось доставить мидсоммар тебе на дом. Перед отъездом я «погуглила» — и обнаружила магазинчик, торгующий шведскими товарами. Смотри, вот селедка, хлебцы, сыр «вестерботтен», водочка, шнитт-лук — все, чего душа пожелает. Единственное, что я не смогла организовать, — это украшенный зеленью шест, но что-нибудь придумаем. Зато — смотри! Я сплела венки!

Усмехаясь, Фэй достала два венка, которые на скорую руку сплела в цветочном магазине. Один она надела себе на голову, другой — на голову Давида, который в таком виде выглядел нелепо, но сексуально — совершенно неотразимая комбинация. Он обнял ее и поцеловал.

— Сумасшедшая... Но я предлагаю по традиции начать празднование с хоровода вокруг шеста.

— Чего же мы ждем? — воскликнула Фэй и потащила его за собой в спальню, напевая «Лягушечки, лягушечки...»^[32].

Давид предлагал отправиться в VIP-зал, но Фэй настояла на том, чтобы посидеть в маленьком кафе неподалеку от магазина атрибутики мадридского «Реала», чтобы вволю насмотреться на других пассажиров.

Аэропорты Фэй любила. Барахас в Мадриде не стал исключением. Здесь нескончаемым потоком проходили люди из всех уголков земли. То и дело до нее долетали слова на языке, который она не могла узнать. Родители подзывали своих детей, несли их на руках, хвалили, отчитывали. В воздухе повисло нетерпеливое ожидание. Людям предстояла встреча с близкими или же долгожданный отпуск после долгих месяцев изнурительной работы.

Возможно, ее любовь к аэропортам объяснялась тем, что до двадцати с лишним лет она ни разу не летала...

На дисплее настойчиво замигал номер Ивонны Ингварссон.

Когда утром Фэй разговаривала с Керстин, та рассказала, что опять приходила Ивонна Ингварссон — следователя не смутило даже то, что сегодня канун мидсоммара. Фэй вздохнула. Она дошла до предела в своей тревоге по поводу расследования этой настырной женщины-полицейского, к тому же проводимого, похоже, совершенно по собственной инициативе. Никто другой из полицейских не связывался с ней по поводу Жюльенны с момента суда над Яком.

Больше Ивонна не будет ей досаждать. Едва вернувшись домой, Фэй устранил ее. Раз и навсегда. Они с Давидом начнут жить вместе, Яка скоро снова арестуют, в этом она не сомневалась; осталось только каким-то образом заставить Хенрика убрать свои грязные лапы от «Ревендж».

Давид сидел, раскрыв перед собой компьютер, погруженный в работу. Время от времени он вел какие-то деловые разговоры по телефону, всегда расхаживая взад-вперед и размахивая руками. Фэй обожала наблюдать за ним, когда он работал. Любила его сосредоточенность и страсть к тому, что он делал. Иногда Давид обращался к ней с каким-то вопросом, не уточняя контекст. Спрашивал, что она думает по поводу делового потенциала использования ДНК в области здравоохранения. Или как, по ее

мнению, брексит ^[33] повлияет на стабильность евро. Иногда Фэй могла ответить, иногда нет. Каждый день Давид производил на нее все более сильное впечатление своей эрудицией, предприимчивостью, преданностью делу. Он был замешан на ином тесте, Як никогда не был таким.

В нем было много такого, чего Яку даже не снилось.

Наконец Давид закрыл компьютер и повернулся к ней.

— О чем ты думаешь? — спросил он. — О принудительном слиянии?

— Нет-нет, я сейчас об этом вовсе не думала. Я не думала ни о чем особо.

Давид поднес ко рту круассан и откусил. На колени ему посыпались крошки. Фэй улыбнулась. Ей в очередной раз подумалось: «Как невероятно, что они нашли друг друга».

— Мое предложение по финансированию — ты успела посмотреть на него, моя дорогая? — спросил Давид и вытер уголки рта.

Она покачала головой:

— Пока нет.

— Ну ладно... Мне просто любопытно, что ты думаешь об этом.

— Ильва должна проанализировать всех потенциальных инвесторов. Вскоре она закончит. Не хочу, чтобы они думали, будто я как-то выделяю тебя. Ты знаешь, как с этим обстоит дело. И как ты мог догадаться после того, что я рассказала тебе вчера, у меня есть куда более острые потребности, которыми я должна заняться в первую очередь.

Давид кивнул:

— Само собой. Ты права. И у тебя верные приоритеты. Мне просто любопытно, что ты думаешь.

Он отвел взгляд, но Фэй заметила, что Давид обиделся. Какая, собственно, разница — почему Ильва не может рассмотреть его предложение раньше, чем другие? Ведь он делает для нее все. Зачем цепляться за принципы, когда можно порадовать человека, который так много для нее значит? Ведь Фэй полностью доверяет ему. И хотя в данный момент будущее «Ревендж» туманно, ничто не мешает ей мыслить на несколько ходов вперед.

Фэй положила руку ему на колено:

— Я попрошу Ильву рассмотреть твоё предложение в первую очередь.

— В этом нет необходимости, — ответил Давид. — И ты совершенно права: не следует смешивать все в одну кучу. К тому же у тебя сейчас есть более важные дела.

Фэй подалась вперед, поймала его взгляд.

— Ты — блестящий бизнесмен, и я просто счастлива, что ты хочешь помочь мне в продвижении «Ревендж». Мне легче делать дела с человеком, в чьей лояльности я уверена и который стоит на той же стороне, что и я. Особенно сейчас. Никогда еще преданность не значила для меня так много.

Давид улыбнулся, морщинка на его лбу разгладилась. Неужели он боялся, что его отвергнут? Она его отвергнет? «Похоже, — подумала Фэй, — в Давиде все же есть мужское эго, которого она раньше не замечала. Или игнорировала. С другой стороны, он бизнесмен. Победитель. Получить отпор — в делах ли, в личной ли жизни — это поражение».

— Ты уверена? — спросил Давид таким же легким тоном, как и несколькими минутами ранее, и нежно погладил ее по руке.

— На все сто.

Он крепче сжал ее руку, потянул выше по своему колену, к паху. Фэй почувствовала ладонью его член. Обхватила его.

— Мне позаботиться о тебе? — спросила она.

Он кивнул.

Некоторое время они бродили по аэропорту, ища уединенное местечко. Найдя туалет для инвалидов, огляделись и, хихикая, проскользнули туда.

Едва они заперлись, Давид взял на себя руководство.

— На колени, — скомандовал он, указывая перед собой.

Расстегнул ширинку. Фэй взяла его член в рот.

— Смотри мне в глаза, — сказал Давид. Она кивнула, продолжая сосать.

Пол был твердый. Колени болели, но Фэй все это нравилось. Когда Давид кончил ей в рот, она проглотила, продолжая смотреть на него снизу вверх.

Волосы у Ивонны Ингварссон стояли дыбом, глаза с красными прожилками враждебно смотрели на Фэй. Через открытое окно доносились детские крики из соседней квартиры. Во дворе лаяла собака.

Фэй наслаждалась изумлением на лице следователя. Она ждала, что скажет Ивонна, но, поскольку та продолжала молчать, решила сделать первый шаг.

— Можно мне войти?

— Что ты здесь делаешь? Откуда ты узнала, где я живу?

Фэй не ответила. Некоторое время они молча разглядывали друг друга, потом Ивонна сделала шаг в сторону. В плохо освещенной прихожей теснились вдоль стен стопки газет, коробки и стеклянные бутылки. Пахло сигаретным дымом и грязью. Не снимая обуви, Фэй переступила через весь этот хлам. Ивонна стояла неподвижно, опустив руки.

Фэй решительно прошла по узкому коридору. Отметила небольшую спальню и ванную, прежде чем остановиться в полутемной гостиной. Жалюзи были опущены. Беззвучно мигал телевизор. Фэй нажал на выключатель, но реакции не последовало — тогда она подошла к окну и подняла жалюзи. В комнату хлынул поток света, обнажив жуткий беспорядок.

На стенах красовались виды Греции. Лазурно-голубое море и белые домики, залитые солнцем. На самом видном месте, прямо над диваном, висел плакат к фильму «Мamma Mia!» в рамке.

Сердце у Фэй билось от возбуждения, она понимала: ближайшие несколько секунд станут решающими. Она заставит Ивонну прекратить рыться в ее прошлом. Больше та не будет ей мешать. Фэй не может рисковать — по крайней мере, сейчас.

— Что ты здесь делаешь? — снова спросила Ивонна.

— Разве в этом есть что-то странное? — Фэй улыбнулась быстрой холодной улыбкой. — Ты несколько раз навещала меня, теперь я пришла с ответным визитом.

— Это разные вещи. Я работаю в полиции и расследую преступление. Это моя работа. — Голос ее звучал невыразительно.

— Нет. Ты ничего не расследуешь. Мой бывший муж осужден за то преступление, которое ты, видимо, приписываешь мне. К тому же ты пустилась в одиночное плавание. Никакого расследования нет. Оно происходит только у тебя в голове. Никто другой не находит, что тут есть что расследовать. Ты работаешь одна, не так ли?

Ивонна не ответила.

— Молчание — знак согласия.

Ивонна сглотнула. Губы у нее дрожали. Здесь, у себя дома, она казалась совсем другим человеком, чем в те моменты, когда сама приходила к Фэй. Фактор внезапности, казалось, совершенно выбил ее из колеи.

— Тебе сколько — лет пятьдесят пять?

— Пятьдесят девять, — ответила Ивонна.

Снова повисла пауза. Фэй начала нервничать. Хотя сейчас Ивонна казалась более сговорчивой, достучаться до нее не удавалось. По крайней мере пока. Судя по ее позе, она выжидала.

— О чем ты мечтаешь?

Ивонна переминалась с ноги на ногу, но не отвечала.

— Много лет ты вкалывала. Маленькая зарплата. Ненормированный рабочий день. Никто не скажет «спасибо» за то, что ты пытаешься обеспечить безопасность в Стокгольме. У тебя нет семьи. После долгой смены ты приходишь сюда, в эту крысиную нору, и тупо пялишься в телевизор. Ты обожаешь Грецию. До пенсии тебе осталось шесть лет, если тебя не вышвырнут раньше, поскольку ты упрямая вредина, а потом ты тихо угаснешь.

Фэй облизнула губы. Задумалась.

«Люблю упрямых вредин», — сказала она самой себе.

Оглядев комнату, остановилась взглядом на афише фильма «Мамма Mia!». Белый песок. Лазурная вода. Мостки. Яхта вдалеке. Счастливые, улыбающиеся люди. Внезапно до нее дошло, как воздействовать на Ивонну Ингварссон. У всего есть цена. И она только что поняла цену Ивонны.

Фьельбака, давным-давно

Ветер крепчал. Сидя на корме, я вглядывалась в сумерки, крепко вцепившись в борт, чтобы не упасть в воду. Если я упаду, мне конец. Меня подхватит течением и утащит вниз. Скорее всего, тело никогда не найдут. Конец всем кошмарам и страхам. Мысль эта показалась мне соблазнительной. Но помимо того, что я понимала, какое горе это причинило бы маме, во мне теплилось убеждение, что я не могу так поступить. Мир может быть мрачен и жесток, но он бывает также светел и прекрасен. Как мама. Она — свет. Нам надо бежать отсюда.

Повсюду попадались счастливые люди. В газетах, в телевизоре и по радио. Я видела их лица, слышала их смех, их рассказы. В романах, которые я читала, таких людей было множество. Даже некоторые наши соседи в Фьельбаке выглядели счастливыми, хотя и жили бок о бок с преисподней. Наш мрак, казалось, не перехлестывал через границы участка. Хотя — кто знает, может, я видела лишь то, что на поверхности... Так же как они видели наш фасад из окна своей кухни и судили о нашей жизни по однообразным разговорам о стрижке газона, которые порой велись через живую изгородь между участками.

Мне не повезло — я родилась в неудачной семье. Она с самого начала была ущербной. Я должна вырваться, все исправить, починить. У мамы нет сил. Все зависит от меня.

Рoger и Томас не будут молчать. Они боялись, что я проболтаюсь, но я-то знала. Они начнут хвастаться на всех углах тем, что сделали. Рассказывать о том, о чем я все время буду молчать. О том, что происходит в нашем доме за закрытыми дверями. Семейные тайны. Все выйдет наружу. Этого нельзя допустить. Мама не переживет. Это и ее тайны.

Перед глазами снова всплыла картина, как Себастиан стоит у окна. После изнасилования. Во время изнасилования. Как его лицо стало похожим на папино. Это будет продолжаться. Все продолжится. Внезапно я увидела все предельно ясно — и поняла, что должна действовать.

Себастиан? Я испытывала к нему только ненависть, но мама его любит. Его я пощажу ради нее. По крайней мере, попытаюсь. Обещать не могу. Ничего больше обещать не могу. Но остальные должны умереть...

Фэй достала мобильный телефон и набрала номер своего британского адвоката Джорджа Вествуда. Сердце стучало, пока сигнал уходил за сигналом. Ставки высоки.

Ивонна следила за ней, наморщив лоб.

Адвокат ответил после четвертого звонка. Фэй кратко поздоровалась и тут же перешла к делу:

— Хочу купить дом в Греции. На острове. Как в фильме «Матта Миа!». Когда все будет сделано, контракт немедленно следует переписать на имя моей подруги.

У Ивонны округлились глаза, она раскрыла было рот, но тут же закрыла его. Фэй поняла, что поймала ее на крючок, и внутренне расслабилась.

— Я хочу, чтобы вы провернули это дело как можно скорее — речь идет об очень любимой подруге, Джордж.

— *Of course*^[34].

Ивонна принялась вышагивать взад-вперед по гостиной. Казалось, она что-то обсуждает сама с собой, но Фэй видела ее взгляд, почувствовала перемену в настроении — и поняла, что победила.

— Чтобы вы поняли, как дорога мне эта подруга, прошу вас перевести три миллиона крон на счет, привязанный к этому дому. На непредвиденные расходы.

Ивонна остановилась, уставившись на Фэй. Враждебность в ее взгляде улетучилась, осталось лишь изумление.

— С того счета, что зарегистрирован на Каймановых островах? — спросил Джордж, который, несмотря на странность этого разговора, держался спокойно и собранно. Похоже, ситуация его даже забавляла.

— Да, пойдет. Детали перешлю позже. Спасибо, Джордж. Сообщите мне, как только все будет сделано.

Фэй поднялась и положила телефон обратно в сумочку.

— Ты только что пыталась подкупить меня? — спросила Ивонна.

— Нет, я просто купила дом в Греции для человека, который, по моему мнению, заслуживает передышку в жизни. Воспринимай это как выражение признательности за долгую верную службу на благо общества — от благодарного гражданина.

Ивонна не сводила с нее глаз. Фэй улыбнулась. С одним кризисом она справилась. Теперь нужно взяться за кризис с «Ревендж».

* * *

Когда Фэй вернулась домой, там ее ждала Керстин. Хотя у них были ключи от квартир друг друга, они редко ими пользовались — разве что присмотреть за жильем, пока подруга в отъезде.

Фэй объяснила Давиду, что будет жить с ним под одной крышей только шесть месяцев в году, но он не понял, зачем ей проводить так много времени в Италии. Она назвала те же причины, которые упоминала для СМИ: что ей нужен свой оазис, дом и страна, где ничто не напоминало бы о Жюльенне. Он не вполне удовлетворился этим объяснением, уговаривая ее, что теперь она может создать себе новый оазис здесь, в Швеции, с ним и новыми воспоминаниями. Фэй понимала: в обозримом будущем ей придется рассказать ему правду. Тогда он все поймет. Но по каким-то причинам этот разговор все откладывался. Ему она доверяла безгранично, не в этом дело — ее скорее пугало, как он начнет смотреть на нее, узнав, кто она такая.

— Привет! Что ты тут делаешь?

Керстин открыла бутылку вина, выставила два бокала. Затем похлопала рукой по дивану рядом с собой.

— У меня на завтра билет на самолет до Мумбаи, но я хотела выяснить, не перебронировать ли мне билет на другую дату. Сейчас так много всего происходит, я волнуюсь за тебя... У меня такое чувство, будто я бросаю тебя, когда ты более всего нуждаешься во мне.

Фэй села и подняла бокал, чтобы Керстин могла налить ей вина. Отхлебнув немного, испустила долгий вздох.

— Да, много всего, Керстин, но я со всем справлюсь. Ты сделала все, что могла, — привела нас туда, где мы сейчас. Настал черед Алисы и Ильвы взять на себя ответственность. Ильва будет вести реестр акционеров, пока ты в Индии. А Давид подпитывает меня энергией. Он становится для меня все важнее.

Керстин нахмурилась:

— Вы и вправду сильно сблизились за такое короткое время... Что тебе о нем известно, строго говоря? Помимо того, что я тогда

выяснила.

Фэй положила ладонь на руку Керстин.

— Знаю, у тебя негативный опыт общения с мужчинами. Вернее, с одним мужчиной. И у меня тоже, да еще какой... Но тут все по-настоящему. С ним я чувствую себя защищенно.

— Хм.

Со скептическим выражением лица Керстин потягивала вино, избегая смотреть подруге в глаза.

Фэй встряхнула головой и сменила тему. Они поговорили о Жюльенне, о скользком Хайме. Вскоре они смеялись как обычно, однако восстановить прежнюю доверительность так и не удалось.

Ильва и Фэй сидели в кабинете Фэй. За большими окнами офиса виднелся Стокгольм во всей своей красе. По небу плыли легкие облачка, через которые то и дело пробивалось солнце, высвечивая места, пропущенные мойщиком окон.

— Ну как, у Алисы ты чувствуешь себя в безопасности? — спросила Фэй.

— Да. И мне кажется, Алиса рада компании, как ты и говорила.

— Отлично. Мы должны держаться вместе. От Яка есть новости?

Ильва вздрогнула, как всегда, когда упоминалось имя Яка.

— Нет, ничего, — ответила она.

— Будем надеяться, что его вот-вот схватят.

Ильва кивнула. Развернув компьютер, она показала Фэй свою таблицу.

— Я сделала все, что могла, чтобы остановить скупку. Но слишком многие продают свои доли. Мы близки к тому, чтобы потерять контроль. Боюсь, придется пускать в дело Амстердам.

Фэй озабоченно покачала головой:

— Даже не знаю, Ильва... Если честно — не знаю. Впервые за многие годы я чувствую усталость. Мне казалось, борьба осталась позади, но теперь все вернулось. Знаешь, как аттракцион с фигурками, неожиданно выскакивающими из разных отверстий. Прибьешь одного

— тут же появляется другой... Не знаю, сколько во мне еще желания бороться. Да и стоит ли оно того?

Она отодвинула от себя компьютер.

— У меня достаточно денег, чтобы выжить. Мягко говоря. Я могу себе позволить никогда больше не работать. Я могла бы тратить время на другие дела, а не на бизнес. На Давида, например. Кто знает, к чему все это приведет? А Амстердам... Это большой риск. Бомба может разорваться у нас в руках.

Ильва посмотрела на нее и поджала губы.

— Не узнаю тебя. Мы многое можем предпринять. Ты могла бы выкупить акции сама. У тебя же есть капитал. Ты можешь еще побороться. Похоже, ты сдалась раньше времени. Ты не та Фэй, которую я знаю. Неужели ты позволишь Хенрику одержать победу? В худшем случае мы потеряем контрольный пакет... — Она вздохнула. — Я буду выполнять твои инструкции, здесь ты босс. Но хочу сказать: я уверена, что потом ты пожалеешь, если сейчас не будешь действовать более решительно.

Фэй не ответила. Она сидела, рисуя пальцем узоры на крышке стола. Звякнул мобильный телефон. Сообщение от Давида. Фэй не смогла сдержать улыбки.

Ильва подалась вперед.

— Вид у тебя счастливый.

Фэй кивнула:

— Знаешь, я, кажется, никогда еще не была так счастлива с мужчиной. Я так влюблена, веду себя как подросток... Мы оба словно в детство впали.

— Хорошо. Ты как никто заслужила это. Надеюсь, ты меня с ним скоро познакомишь.

— Обязательно устроим. Просто сейчас у него много забот с бывшей женой...

Фэй заерзала. То, о чем она собиралась попросить Ильву, портило ей настроение. Особенно после разговора, который был только что. Слишком хорошо она знала свою бывшую соперницу: Ильва наверняка сочтет непрофессиональным давать человеку фору в деловых процессах на основании своих чувств к нему. Да, «Ревендж» — предприятие Фэй. Ильва — ее сотрудник. Фэй может поступать как

считает нужным. Однако что-то скребло ее изнутри. Потребовать такого поступка означало бы обнажиться, дать слабину.

Она оглядела офисное пространство через стеклянные двери, на которых сама настояла, когда они обставляли помещение, — чтобы сотрудники могли всегда видеть ее, когда она на месте. Будучи исполнительным директором «Ревендж», Фэй лично принимала на работу многих сотрудниц. В них она вложила время и деньги, хотела видеть, как они развиваются, расправляют крылышки. Она не имеет права их предать.

«К черту», — подумала Фэй.

— Кстати, о Давиде. Он хочет стать одним из наших инвесторов, — проговорила она как можно более нейтральным голосом.

Ильва кивнула, сжав губы, не поднимая глаз на Фэй.

— Здорово.

Прозвучало это сдержанно.

— Я хочу, чтобы ты посмотрела его предложение и финансовую часть как можно скорее.

— Стало быть, ему отдается предпочтение?

Фэй кивнула.

— Хорошо, без проблем. Как я уже сказала, решать тебе.

Повисла пауза. Фэй откинулась на спинку кресла, разглядывая Ильву, которая упрямо уткнулась в свой компьютер. Затем сделала глубокий вдох.

— Ты думаешь, я приму предложение Давида, каким бы оно ни было?

Ильва подняла глаза.

— Нет, для этого ты слишком крепкий профессионал. Я восхищаюсь тобой и верю, что ты знаешь, как будет лучше для «Ревендж». Я работаю здесь всего несколько недель. Имеет ли вообще значение то, что я думаю?

— Да, для меня имеет.

Ильва вздохнула и опустила экран компьютера. Провела рукой по лбу.

— Вы встречаетесь... сколько? Около месяца? Ты влюблена. Вы собираетесь съезжаться. Отлично. Но делать его инвестором «Ревендж»?.. Не знаю; мне кажется, это создает питательную почву

для проблем. Не повторяй той ошибки, которую ты уже совершала раньше. Кроме того, тебя мало интересует, существует ли предприятие, в которое можно инвестировать. Так что твой вопрос носит риторический характер. Возможно, завтра ты уже не будешь стоять у руля «Ревендж».

Фэй ощутила приступ раздражения.

— Он будет пассивным инвестором. У него масса денег, и он, представь себе, верит в то, что «Ревендж» завоюет Америку. Он *верит* в меня. И это самый прекрасный мужчина, какого я только встречала. Он не такой, как другие.

Ильва подняла обе ладони.

— Как я уже сказала — поступай как знаешь.

— Но?..

— Но — ничего.

— Да нет, что-то все же есть.

Фэй сердилась. На саму себя, на то, что она позволила себе выйти из равновесия, что не удержалась и спросила мнение Ильвы. И на нее — за то, что та сует нос не в свое дело, хотя Фэй сама настаивала, чтобы Ильва высказала свое мнение.

— Не буду утверждать, что хорошо знаю Юханну Шиллер, — проговорила Ильва. — Однако мне доводилось несколько раз встречать ее на банкетах. Мне она показалась человеком разумным. Совсем не такой сумасшедшей и агрессивной, как ты описываешь. Может быть, следует все же выслушать и другую сторону? Во всяком случае, теперь, когда вы с Давидом решили съезжаться.

Фэй фыркнула и покачала головой. Затем подалась вперед, не сводя глаз с Ильвы, которая спокойно ответила на ее взгляд.

— Люди меняются. Когда-то давно и Як производил впечатление человека разумного. Но мы с тобой обе с болью констатировали, что он изменился. Юханна Шиллер пытается когтями и зубами удержать Давида в своей жизни. Она настраивает против него дочерей. Внезапно меняет планы и увозит их за границу. Отказывается подписывать бумаги о разводе.

— Откуда ты все это знаешь?

— Откуда я... — начала было Фэй, но сбилась.

Ильва, ради которой она так много сделала, несмотря на все случившееся, несмотря на все предательства, теперь обвиняет Давида

в том, что он лжет! Фэй сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться и добиться, чтобы голос прозвучал твердо.

— Знаю потому, что он мне это рассказывал. Потому что вижу: вся эта ситуация убивает его. Она пытается добить его за счет совместных детей.

Ильва развела руками.

— Ты наверняка права, — негромко проговорила она.

Фэй продолжала смотреть на Ильву, сидевшую, уставившись в стол. Она чувствовала, что разговор не закончен, и успела пожалеть, что начала его, еще до того, как выпалила:

— Уж я-то знаю как никто. На самом деле это сильно напоминает мне, как ты пыталась добить меня, подружившись с Жюльенной. Ведь этим ты занималась, не так ли? Играла в дочки-матери, когда я потеряла все. Чтобы добить меня.

— Это несправедливо, — пробормотала Ильва. — И ты это прекрасно знаешь.

У Фэй тряслись руки.

— Заткнись и делай свое дело. И держи меня в курсе передвижения акций.

Она схватила сумочку и вскочила так резко, что стул под ней опрокинулся и упал на пол. Бросив на Ильву последний ледяной взгляд, развернулась и вышла, громко хлопнув дверью. Сотрудницы разом подняли глаза, но тут же снова уткнулись в свои экраны.

Фэй беспорядочно колесила по малым улицам Лидингё. За окном машины пролетали идиллические коттеджные поселки, участки леса, маленькие кафе. Все здесь идеально. Правильно и безлико.

Она никогда не смогла бы жить в таком месте.

Фэй сожалела, что дала выход эмоциям в разговоре с Ильвой. В конце концов, она сама попросила ее высказать свое мнение. Потребовала этого. Поставила подругу в невыносимую ситуацию. Но Ильва зашла слишком далеко. Обвинила Давида в том, что он лжет. Зачем ему это делать? Фэй сама наблюдала, в каком подавленном состоянии он пребывает после каждого разговора с Юханной. Как та

делает все, чтобы испортить ему жизнь. Может быть, взять Ильву в «Ревендж» было ошибкой? А что, если Фэй неверно оценила ее? Вдруг она завидует? Вдруг до сих пор втайне обвиняет Фэй в своих неудачах, считает ее виновной в своем разрыве с Яком, в том, что ей пришлось уйти из отрасли?

Фэй подняла ее из канавы, хотя рубцы от нанесенных ею ран по-прежнему ощущались на душе. словно невидимое лоскутное одеяло несбывшихся мечтаний. А теперь, когда Фэй наконец-то пришла в себя и встретила новую любовь, Ильва завидует ей. Она не понимает, как ей повезло. Благодаря Фэй она живет у Алисы. Благодаря Фэй у нее есть хорошая работа. И самое главное: ее дочь осталась с ней. Не как у Фэй, которой приходится находиться вдали от Жюльенны. Она так скучает по дочери, что сердце буквально разрывается на части...

Фэй миновала торговый центр Лидингё, чуть не переехав рыжего кота, перебежавшего улицу. Достав телефон, позвонила Давиду. Ей требовалось услышать его голос. В трубке один за другим звучали сигналы, но он не брал трубку.

Чёрт.

Когда включилась голосовая почта, Фэй с раздражением отложила телефон на пассажирское сиденье рядом с собой, сделала глубокий вдох и выехала на мост Лидингёбрун.

Нажимая на газ, она зигзагом обгоняла другие машины. Спидометр показывал сто двадцать. Фэй наслаждалась движением. Вместо того чтобы поехать в город по недавно построенному тоннелю, она свернула в сторону Ярдет. Сбросив скорость, медленно проехала мимо того места, где двадцать лет назад впервые поцеловала Яка. Краткий, быстрый поцелуй. Потом Як повернулся и ушел прочь. Оставил ее одну. Тот поцелуй, та ночь изменили ее жизнь. Подарили ей Жюльенну.

В горле стоял ком. Слезы жгли глаза.

— Возьми себя в руки, — пробормотала она.

Машина неслась дальше в сторону Юргордена. Фэй почувствовала себя спокойнее.

Свернув на маленькую лесную дорогу неподалеку от башни Какнестурнет, она заглушила мотор и некоторое время сидела, наслаждаясь тишиной. Потом потянулась за мобильным телефоном. Поразмышляв немного, придумала себе имя, стащила пару

фотографий из профиля какой-то американки с «Фейсбука» и создала фейковый аккаунт в «Инстаграме».

С этого нового аккаунта она подписалась на нескольких случайных людей. А потом забила в окне поиска имя Юханны Шиллер. У нее был закрытый профиль, 1489 подписчиков. «Петра Карлссон» стала бы ее 1490-й подписчицей.

Фьельбака, давным-давно

Островки и скалы, мимо которых мы проплывали, казались темными бесформенными тенями во мраке. Эти места носят название Чурпаннан. Суша здесь состоит из болот, крутых скал и вересковых пустошей. Отсутствие защитной полосы островов делает эти воды предательски опасными.

Моряки во все времена опасались этих мест. Здесь ничто не защищает от сильных течений и непогоды.

Томас вышел из каюты, протер глаза. Перекинулся несколькими словами с Рогером — мне показалось, что они говорили обо мне. Возможно, волновались, что я обо всем расскажу, когда мы прибудем на место... Себастиана не было видно. А если они решат выбросить меня за борт — станет ли он протестовать? Нет, я знаю своего брата. Он боится взбучки и уважает только силу.

Яхта висела на корме. Я пошла туда. Ветер рвал на мне одежду. Вода вспучивалась вокруг лопастей мотора. Весла втащили на палубу — они лежали вдоль бортов.

Рогер и Томас подозрительно следили за мной, когда я пошла туда и уселась чуть в стороне от них.

— Будь осторожна, — сказал Томас. — Ветер сильный. Тут Чурпаннан. Сама знаешь, что люди говорят.

— Нет, не знаю, — ответила я, хотя прекрасно знала. Кроме того, меня удивила его внезапная забота обо мне.

— Упадешь за борт — тебя никогда не найдут. Сильное течение, сама понимаешь...

Он снова повернулся к Рогеру, взял у него из рук банку пива, открыл.

Я медленно и незаметно протянула руку к веслу. Яхта накренилась, попав между волнами. Я уперлась рукой в борт. Через пару секунд предприняла новую попытку.

Вдали в море проследовал освещенный грузовой корабль — словно лежащий на боку небоскреба.

Я почувствовала жесткое дерево, потянула на себя весло. Положила его у ног и бросила взгляд на Томаса и Рогера, которые с озабоченным видом разглядывали морскую карту.

Несколько раз глубоко вдохнула. Первые капли дождя упали мне на лоб. Я высунула язык и закрыла глаза. Собралась с силами.

Потом встала, по-прежнему держась за борт. В следующее мгновение наполнила легкие воздухом — и закричала так, как никогда в жизни не кричала. Возможно, вырвался наружу весь страх, который я испытывала, сидя двое суток взаперти в домике. Томас и Рогер кинулись ко мне.

Я указала пальцем в воду.

— Там! — выпалила я, вдохнула и снова заорала.

Протиснувшись мимо меня, они стали вглядываться в воду, а я шагнула назад и схватила весло. Подняла его. С размаху ударила по их спинам. Знала, что мне надо попасть по обоим одновременно. Когда весло загудело в воздухе, Томас обернулся. Но он не успел отреагировать или как-то защититься. Весло пришлось на уровне груди, и ударом их перебросило через борт. Прежде чем раздался плеск, до меня донесся крик.

Бросив весло, я кинулась вперед, чтобы увидеть, как они исчезнут в воде.

Томасу каким-то образом удалось зацепиться за борт, и он висел, судорожно вцепившись в него. Глаза его были полны страха, когда наши взгляды встретились. Я молча смотрела на него.

— Помоги мне! Пожалуйста! — крикнул он.

Рука его судорожно сжималась, костяшки пальцев побелели. Он пытался ухватиться и другой рукой, чтобы влезть на яхту. Я молча наклонилась, открыла рот и всадила зубы в его пальцы.

Он взвыл от боли.

Я вцепилась в него, впиваясь зубами до самой кости, и наконец он отпустил руку. С криком упал. Рассек поверхность воды. Потом пропал в глубине, и стало тихо...

—

Давид позвонил, когда Фэй поставила машину в гараж и поднималась в лифте. Он сказал, что задержится. Проблемы с Юханной. В очередной раз. Она требует от него денег, иначе угрожает обзвонить его коллег из финансового мира и оговорить его.

— Позавчера она собиралась заявить на меня в полицию за побои. Я вынужден терпеть все это ради девочек. Но так мечтаю о том дне, когда все это закончится, когда мы сможем быть вместе...

— Я тоже.

Давид говорил совершенно подавленно. Если б Ильва слышала этот разговор, она точно пересмотрела бы свое к нему отношение.

Ясное дело, Фэй пару раз присутствовала на ужине, где была Юханна. Однако на людях все показывают себя с лучшей стороны — лучше отдадут собственную почку, чем покажут хоть трещинку в безупречном фасаде. Человек — стадное животное, для которого самое страшное — быть отвергнутым сообществом. Ясное дело, такая личность, как Юханна Шиллер, в состоянии выглядеть человеческой в течение двух-трех часов. И никто не говорит, что она всегда была такой, какой ее описывает Давид. Люди меняются, как уже говорилось. Фэй как никто это знает.

Когда Як бросил Фэй, она тоже начала опускаться по спирали безумия. Совсем забыла, кто она и зачем живет.

Попрощавшись с Давидом — он пообещал прийти в девять, — Фэй быстро открыла дверь лифта на своем этаже, взглянула вправо и влево, чтобы убедиться, что ее не поджидает Як, и так же поспешно открыла дверь и решетку.

Квартира показалась ей пустой и необитаемой. Красивая, но не похожая на дом. Дому нужны жизнь, люди, история.

Фэй отставила сумочку, открыла двери на террасу, чтобы впустить свежий воздух, и опустилась на один из белых диванов в гостиной. Она тосковала по Жюльенне и своей маме. Достав папку с эскизами продукции для американского рынка, без всякого энтузиазма перелистала их. Вздохнула. Отложила их на журнальный столик.

Сил нет. Особенно сегодня вечером. Да и зачем тратить столько усилий на американский рынок, если ей все равно предстоит лишиться

своего предприятия?

Фэй потянулась за телефоном. Написала сообщение Алисе.

«Сегодня мне надо проветриться. Давай встретимся у Страндбрюгган, а я устрою так, чтобы Давид тоже пришел туда».

У «Страндбрюгган» всюду бушевало веселье. Ди-джей запустил шлягер Авичи^[35], от мостков отходила яхта, украшенная логотипом ресторана, а на палубе прыгали два десятка счастливых двадцатилетних парней и девушек.

— Я чувствую себя старой кошелкой, — пробормотала Фэй, пока они стояли в очереди на вход.

— А я — нет. Даже наоборот. Я впитываю в себя их молодость, — сказала Алиса. — Кстати, мы с тобой встречаемся впервые с тех пор, как вы с Давидом решили съехаться. Поздравляю.

Они обнялись, и Фэй вдохнула исходивший от Алисы аромат ванили.

Подруга выглядела прекраснее, чем когда бы то ни было. На ней было короткое белое платье, которое, в сочетании с высоченными каблуками, притягивало взгляды молодых мужчин. Фэй не могла сдержать улыбку. Всего пару лет назад такое внимание вызвало бы у нее раздражение и зависть.

Алиса улыбнулась двум парням с татуировками на лицах. Уникальная личность — она вписывалась в любую компанию, ослепляя мужчин из всех классов общества, всех возрастов, любого происхождения.

«Это был гениальный ход — привлечь ее в «Ревендж», — подумала Фэй с довольной улыбкой.

Метрдотель — молодой парень с блестящими каштановыми волосами, одетый в белое поло и шорты, — бросил на Фэй взгляд, свидетельствующий о том, что он ее узнал.

— На самом деле у нас сегодня полный аншлаг, но чего не сделаешь для таких исключительных красавиц, — проговорил он и

сделал жест рукой, приглашая их пройти за ним к столику.

Алиса радостно захихикала, а Фэй подняла глаза к небу.

— Фигляр, — пробормотала она себе под нос.

Остановившись возле столика, он выдвинул им стулья, чтобы они могли сесть, и жестом подозвал официанта:

— Угости дам напитком за счет заведения, пока они выберут, что будут есть.

Скоро им принесли по бокалу шампанского.

— Как поездка в Мадрид? — спросила Алиса. Фэй улыбнулась. — Настолько хорошо? — констатировала подруга и подняла бокал.

Они со звоном соединили бокалы и выпалили одновременно делаными голосами:

— Фу, как вульгарно!

Обе рассмеялись и отпили по большому глотку.

— Где же Давид? — спросила Алиса. — Мне хотелось бы встретиться с ним и спросить его, как ему удалось окрутить тебя.

— Он придет чуть позже, так что ты с ним познакомишься.

— Наконец-то.

Раздражение, которое Фэй испытывала всего пару часов назад, сейчас, в обществе Алисы, почти улетучилось. Жизнь казалась простой штукой. Веселой и увлекательной.

Они заказали жаренные в пармезане креветки со ржаными лепешками, бутылку белого и откинулись на стульях. Мимо медленно прошел кораблик с любопытными туристами, отчего деревянные мостки, на которых сидели Фэй с Алисой, начали приятно покачиваться на волнах.

Мысли о Давиде и Юханне улетучились. Алиса рассказала, что Хенрик начал целую кампанию с целью вернуть ее. Он пообещал измениться, пройти курс психотерапии, меньше работать.

Перечисляя все его обещания, Алиса каждый раз раздраженно встряхивала головой.

— И какие чувства ты по поводу всего этого испытываешь?

— Никаких. Женщина многое может вынести, но в один прекрасный день понимание заканчивается. К тому же теперь жизнь стала куда увлекательнее. Мне нравилось быть просто мамой, посвящать себя дому, детям — это приятная, защищенная жизнь. Но я больше не намерена попадать в зависимость от мужчины. Никогда не

соглашусь играть роль статистки в своей собственной судьбе. И комбинация «маленький пенис плюс плохая техника» меня не устроит.

Фэй фыркнула. Потом проговорила:

— Алиса, я должна задать тебе вопрос...

— Подожди, — остановила ее Алиса и подняла палец. — Мне нужно в туалет. Алкоголь у меня очень быстро проходит насквозь.

Она отодвинула стул и поднялась.

Фэй проводила ее глазами и услышала, как звякнул мобильный телефон у нее в сумочке. Оповещение «Инстаграм». Юханна Шиллер приняла ее запрос на добавление в подписчики. Только Фэй собралась войти в ее профиль, как заметила Давида, зашедшего на мостки и оглядывающегося кругом. Засунув телефон обратно в сумочку, она приподнялась и помахала ему.

Давид поцеловал Фэй и опустился на стул рядом с ней. Когда несколько минут спустя вернулась Алиса, они с Давидом почти мгновенно разговорились. Фэй отметила, как на него, как и на всех мужчин, действовало обаяние Алисы.

Алиса смеялась какой-то шутке Давида, запрокинув голову. Он рассказывал, подавшись вперед и бурно жестикулируя. Алиса захохотала еще громче.

Что-то между ними происходило. Не слишком ли быстро они спелись? Как сквозь туман Фэй слышала их смех, ощущая руку Давида на своем бедре. Насколько хорошо она, собственно говоря, знает Давида? Может быть, к разговору с Ильвой стоило отнестись более серьезно? Повстречаться с Юханной, послушать, что скажет она?

— Фэй?

Разговор прервался. Она в растерянности переводила взгляд с одного на другого.

— Что ты думаешь? Правда было бы здорово? — Алиса смотрела на нее сияющим взглядом.

— Простите, я кажется, выпила лишнего... Что я думаю — о чем? Давид встревоженно глянул на нее:

— Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Фэй отмахнулась:

— Голова немного кружится, но я сама виновата. И вино.

Она снова старательно включилась в разговор, хотя мысли ее бродили далеко, и положила руку на ладонь Давида.

Только оттого, что человек решил быть с кем-то вместе, его не перестают интересовать другие. Ясное дело, Давид находит Алису привлекательной. Он не стал асексуальным роботом, едва они с Фэй решили съехаться вместе. Он, как и Фэй, тоже может считать других людей сексапильными, фантазировать о них, возбуждаться при мысли, видеть женщину и желать ее.

В этом есть нечто естественное, что бы ни воображали себе другие. Сознание того, что твой партнер привлекателен, поддерживает тебя в тонусе. Ты вкладываешься в отношения. В самого себя. Если б Фэй не боялась потерять Давида, так ли ее тянуло бы к нему? Движущие силы в человеке, ищущем партнера, примерно те же. Именно поэтому некоторые индивиды считаются более лакомыми кусочками, чем другие.

Но если б Фэй знала, что Давид может претендовать только на нее, — продолжала ли бы она желать его?

Не это ли сознание — что у Фэй нет иных альтернатив — заставляло Яка раз за разом изменять Фэй? Ей все равно некуда было деваться. Она не могла отказаться от него. Она сидела взаперти в своей клетке. Экономически. Эмоционально. В ее мире Як был божеством. Но в мире Яка Фэй стала игрушкой, которую, как он знал, никто не мог у него отнять.

Запрети, подави чьи-то мысли, и они начнут отдаваться все громче, стучать все сильнее, пытаясь вырваться наружу, из порождения воображения станут реальностью. Если Давид уже фантазирует, как он переспал бы с Алисой, — так ли это опасно? Зачем давать ему ломать над этим голову? Почему бы не сказать: «Слушайте, отправляйтесь вдвоем домой, увидимся завтра»?

В теории это могло бы сработать. Фэй считала, что в последние два года многое узнала про чувства и секс, — она не стала бы ревновать. Переспать — это всего лишь переспать. Но, едва подумав об этом, она почувствовала, что ей хотелось бы принять активное участие.

Внезапно в голове, как молния, сверкнуло озарение: она тоже хочет Алису. Не как партнершу, не на всю жизнь, но ради сиюминутного удовольствия. Она хотела воспользоваться Алисой, ее телом, ее душой. Проникнуться ее красотой. Потому что Алиса привлекательна, потому что она почти богиня.

Неприступная. Недостижимая.

Фэй покосилась на Алису. Перевела взгляд на Давида.

Крепче сжала его руку.

Почувствовала, как эта мысль все глубже проникает в тело. Щекочет. Нарастает, как волна.

— Вам не кажется, что тут слишком шумно? — спросила она. — Может, поедем к нам домой?

Дрова в камине пылали оранжевым и красным, в отблесках огня танцующие фигуры Алисы и Фэй отбрасывали дрожащие тени на белых стенах. Дверь на террасу стояла нараспашку, и мелодия «Танцующая королева» группы «АББА» пробивалась наружу и сливалась со светлой летней ночью. Они то закидывали руки к потолку, то подносили к губам воображаемые микрофоны и подпевали припев.

Давид сидел в кресле — он уже расстегнул пару пуговиц на воротнике рубашки и потягивал виски. Глаза его слегка затуманились от выпивки, на губах играла улыбка. Фэй любила его улыбку, возбуждалась от нее.

— Иди, потанцуй с нами! — крикнула Фэй и помахала ему.

Она ощутила свою власть, когда он поднялся и двинулся к ним. Он согласен на их условия, его и Алисы. Они пригласили его, а не наоборот. Они задают тон и ритм. Они ведут в танце.

В тот же миг Фэй поняла, что никогда не видела, как Давид танцует, но он легко расслабился, сделал пару танцевальных шагов в сторону и присоединился к ним.

— Так я не напивался со школьного выпускного, — сказал он.

— И я тоже. И не танцевала столько, — откликнулась Алиса.

От этого сочетания танца и алкоголя внутри у Фэй снялось напряжение, отступила тревога, преследовавшая ее в последнее время. Все самое главное — здесь и сейчас, в этой комнате. Два человека, много значащие для нее, светлый летний вечер в Стокгольме...

Остальное может подождать. Весь мир может подождать.

«Танцующая королева» стихла, ей на смену пришла песня «Фейерверк» дуэта «ФёрстЭйдКит»^[36].

Откинувшись назад, они вытянули вперед руки и стали подпевать.

Светлые волосы Алисы разметались по плечам, ее тело двигалось ритмично и чувственно, без лишнего кокетства, хотя она наверняка понимала, как хороша. В следующую секунду Фэй притянула ее к себе и поцеловала.

Губы у нее были мягкие и влажные, на языке таился вкус алкоголя и мяты. Они прижались друг к другу, и когда Алиса ухватила губами нижнюю губу Фэй, по всему телу словно прошел электрический разряд.

Фэй обернулась. Давид вернулся в кресло и наблюдал за ними как замороженный, не говоря ни слова. Через свое платье Фэй чувствовала набухшие соски Алисы. Они обнимали друг друга, игриво поглядывая на Давида.

Фэй поняла, что Алиса в игре. Что-то в их поцелуях так стремительно перешло от игры в истинный голод, что все стало предельно ясно.

Они с Алисой приблизились к Давиду и остановились прямо перед ним. Фэй встала позади нее, осторожно потянула бретельки платья вниз по плечам. Платье элегантно сползло с Алисы и легло у ее ног небольшой кучкой — теперь она стояла голая между Фэй и Давидом. Тот смотрел, открыв рот, но не шевелился, сидел неподвижно, прижав к бедру бокал с виски и не сводя глаз с Алисы.

— Нравится она тебе? — спросила Фэй, лаская соски Алисы.

Та застонала и откинула голову назад, положив ее на плечо Фэй. Руки Фэй медленно скользнули ниже, между ног Алисы. Нащупав самое влажное место, она стала ласкать ее так, как любила ласкать сама себя.

— Нравится она тебе? — снова спросила она.

Алиса тяжело дышала. Под пальцами Фэй стало еще более влажно.

Давид медленно кивнул. Расстегнул брюки и вынул свой вставший член, водя по нему правой рукой вверх-вниз. Фэй продолжала ласкать подругу.

Алиса сделала шаг к Давиду. Села на него верхом. Стала тереться о его бедра в такт музыке. Убрала его руки от члена. Принялась тереться об него, не вводя его в себя. Фэй обогнула кресло и расстегнула на Давиде рубашку. Стала водить руками вокруг его сосков, то и дело нежно пощипывая их. Потом стала ласкать соски Алисы. Наклонилась вперед через Давида, и их с Алисой губы соединились, языки встретились, пока Алиса продолжала двигаться вверх-вниз и тереться о член Давида.

Давид сидел как парализованный — он был полностью в их власти.

— Прикоснись к ней, — прошептала Фэй, взяла его руку и положила ее на грудь Алисы.

Затем встала, скинула одежду, притянула к себе Алису, поцеловала ее и опустила ее голову себе между ног. Постанывая, уперлась спиной в стену.

Давид бросил на Фэй вопросительный взгляд, и та кивнула. Быстро сорвав с себя одежду, он встал рядом с Фэй перед Алисой. Фэй кивнула в ответ на невысказанный вопрос Алисы. Она не ревнует. Она готова поделиться. Давидом. Алисой. Здесь и сейчас никто не принадлежит никому.

Стоя на коленях, Алиса удовлетворяла их по очереди. Фэй встретила глазами с Давидом, слабо улыбнулась, закусил губу и схватила Алису за волосы.

— Теперь наша очередь. А ты смотри. Пошли.

Она взяла Алису за руку и потянула ее к диванам. Алиса легла на спину на один из диванов, а Фэй пристроилась над ней валетом, так что язык Алисы оказался у нее между ног. Сам же она начала медленно лизать Алису. Боковым зрением видела, как Давид сидит рядом, а его рука двигается вверх-вниз.

У Фэй потемнело в глазах от наслаждения, когда Алиса стала лизать ее. Когда оргазм завибрировал во всем теле, она отдалась ему и закричала в голос. Перестав лизать Алису, она перекадилась на сторону на огромном диване и требовательно посмотрела на Давида.

— Хочу увидеть тебя с ней, — сказала она.

Он поднялся и подошел к ним.

Алиса встала на колени и выгнула спину, а Давид быстро вошел в нее. Фэй ощущала, как возбуждение волнами распространяется по телу по мере того, как толчки Давида становятся все сильнее. Она начала ласкать клитор Алисы и почувствовала, как его член стучается о ее руку. Свободной рукой погладила его мошонку, горячую и тяжелую.

— Тебе нравится? — спросила она, хотя ответ был написан у него на лице.

Через некоторое время Фэй уже не могла сдерживаться: она хотела его. Весь низ живота влажно и горячо пульсировал от нестерпимого желания. Она встала рядом с Алисой в той же позе и сменила ее. В блаженном опьянении все вокруг виделось ей как в тумане: свечи, обнаженные тела, огонь в камине...

Голоса и вздохи...

Все было как во сне.

Голова кружилась.

Губы Алисы, касающиеся ее набухшего соска. Пальцы Алисы, ласкающие ее, когда Давид входит в нее с такой силой, что наслаждение, смешанное с болью, распространяется по всему телу, до последнего нервного окончания.

Фэй произносила то, чего никогда раньше не говорила; в голове крутились мысли, каких она никогда раньше не думала.

Потом они все втроем растянулись на диване, смеясь и тяжело дыша — уставшие, потные, липкие, — однако возбуждение еще жило в теле, и все готовы были продолжить.

«В некоторые моменты забываешь, что ты человек, и в этом квинтэссенция человеческого бытия», — подумала Фэй и закрыла глаза. Потом она ощутила губы Алисы,двигающиеся вниз по ее телу. Она любит Алису. Она любит Давида.

Фьельбака, давным-давно

Пенное море поглотило тела Томаса и Рогера. Только что они существовали, а теперь от них остались одни воспоминания да корм

для рыб. Проходящие здесь течения сильны и непредсказуемы — авось их тела никогда не найдут.

Вцепившись в штурвал, я взяла тот же курс, которого держался Рогер.

Из каюты вышел проспавшийся Себастиан, сонно огляделся вокруг.

— А где Рогер и Томас? — удивленно спросил он. Подошел ближе, прищурился, разглядывая меня. — Что случилось? У тебя весь рот в крови...

Я намеренно не стала умываться. Придется напугать Себастиана, чтобы он молчал.

Брат стал звать Томаса и Рогера. Я равнодушно смотрела на него. Затем тихо произнесла:

— Они упали в воду.

— Что ты сказала?

Я вперила в него взгляд, и он, должно быть, увидел в моих глазах нечто новое, пугающее. Попятился.

— Я ударила их веслом, так что они упали за борт, — пояснила я и кивнула в сторону весла, которое так и лежало на том месте, где я накинулась на них. — Рогер упал сразу. Томас зацепился за борт, так что я укусила его, чтобы он отпустил руки. Поэтому у меня на губах кровь.

Широко раскрыв глаза, Себастиан сделал шаг ко мне.

— Мы оба прекрасно знаем — ты ничего не решишься сделать в одиночку, — спокойно сказала я. — Эти дни миновали.

Он остановился в полуметре от меня. Я облизнула губы, ощутила металлический привкус крови Томаса.

— Если ты тронешь меня хотя бы пальцем, я тебя убью, Себастиан. Ты понял? Я больше не твоя игрушка, чтобы делать со мной все что захочется. А если сболтнешь, что случилось, я скажу, что это ты их столкнул, и обо всем другом тоже расскажу. У меня есть доказательства твоих изнасилований.

Последнее было ложью.

Себастиан что-то пробормотал, но я не обратила внимания на его слова.

— Единственная причина, по которой я оставила тебя в живых, — потому что мама тебя любит.

Я прислушивалась к себе, пытаюсь понять, что испытываю по поводу содеянного, — ведь я лишила жизни двух человек. Однако с удовлетворением осознавала: я сделала только то, что вынуждена была сделать, чтобы выжить. Вероятно, именно в тот момент я и стала взрослой.

Себастиан стоял, уставившись на меня. Но злость, только что столь явная, вмиг улетучилась — казалось, он смирился. Признал себя побежденным.

— А сейчас я расскажу тебе, что ты будешь говорить, когда мы доберемся до берега, — сказала я ему. — Ты скажешь полиции, что они упали в воду. Мы развернулись, чтобы искать их, но волны были слишком высокие. Ты понял? А потом будешь повторять этот рассказ каждый раз, когда тебя спросят, — до конца своих дней...

— С тобой всё в порядке, дорогая? Не раскаиваешься после вчерашнего?

Давид внимательно смотрел ей в лицо, глядя кончиками пальцев ее руку. Фэй оценила его тревогу. Было бы странно, если б он не тревожился. Но она могла ответить ему честно и откровенно:

— Ни капли раскаяния. Мы, трое взрослых людей, делали это по доброй воле, и я люблю и тебя, и Алису. Хотя и по-разному... — Она рассмеялась. — Но тем не менее. Это было прекрасно. Настоящая любовь. Настоящее уважение.

— Ты великолепна, — сказал Давид, и по его глазам она прочла, что он совершенно искренен.

— Да ну, ты просто так говоришь, — отмахнулась она, явно напрашиваясь на комплимент.

— Ты ведь знаешь мое мнение — я считаю, что ты самая красивая женщина на земле. Или мне следует выразить эту мысль еще более ясно?

— Думаю, надо выразить более ясно, — ответила Фэй, подалась вперед и поцеловала его.

В Давиде ей чудилось нечто особенное, от чего без конца хотелось слышать из его уст комплименты. Так приятно, когда он осыпает ее

словами любви... И поцелуями. После той ночи у нее не было ни тени сомнения — Давид занимался сексом с ними обеими, но все время четко показывал, что любит только Фэй.

— Послушай, — проговорил он медленно. — Мы говорили о том, чтобы пообедать вместе, но мне придется сегодня улететь во Франкфурт. Скучные дела. Я предпочел бы встретиться с тобой, но... работа тоже требует внимания.

— Само собой, — ответила Фэй и погладила его руку. — Я понимаю это лучше, чем кто бы то ни было. Мне тоже придется часто отсутствовать, и было бы странно, если б я не понимала, когда тебе нужно уехать.

— Точно?

Он взглянул на нее из-под челки, и ее тронула его забота. В своей юной наивности Фэй думала, что Як — мужчина ее мечты. Но Давид — нечто совсем другое. В первую очередь он — не Як.

Давид поднес ее руку к губам и поцеловал.

— Во всем мире нет второй такой, как ты, знаешь об этом? Когда я сегодня вечером вернусь домой, мне хотелось бы пригласить тебя на ужин. Во «Францен». Хорошо?

Фэй кивнула, и Давид поцеловал ее так, что у нее перехватило дыхание. Боже милостивый, как она обожает этого мужчину!

* * *

Войдя в спальню, Фэй еще раз вытерла волосы полотенцем, затянула пояс на халате. Если сегодня не выпадает обед в уютной обстановке с Давидом, ей хотелось хотя бы насладиться утренним покоем.

В этот момент засветился дисплей мобильного телефона, лежащего в кровати. Эсэмэска от Ильвы. Фэй открыла сообщение.

«Срочно приходи в офис. Здесь Хенрик. Он скупил еще несколько акций, о чем сообщил только сейчас. У него контрольный пакет».

Фэй пошатнулась, чуть не уронив мобильник. Неправда, не может быть... Как все это могло произойти?

Быстро одевшись и еще быстрее накрасившись, она прыгнула в такси. Когда приехала в офис, никто не решался поднять на нее глаз.

Алиса встретила ее у стойки администратора; они быстро улыбнулись друг другу, прежде чем серьезность момента заставила их позабыть о вчерашнем.

— Он в твоём кабинете, — сказала Алиса. — Я с тобой туда не пойду. По понятным причинам. Но Ильва там, наверху. Она ждет тебя.

Фэй кивнула, крепко вцепилась в свою сумочку от «Шанель» и сделала глубокий вдох, прежде чем подняться на лифте на самый верхний этаж. Ильва встретила ее на этаже, едва открылись двери лифта.

— И у него хватает наглости являться сюда сразу после того, как он выкупил контрольный пакет? — выдохнула Фей. — Черт знает что.

— Не показывай ему свои чувства, — сказала Ильва. — Я попытаюсь спасти то, что еще можно спасти. И помни: у нас есть план Б.

— О'кей, — процедила Фэй и похлопала ее по плечу.

Ильва кивнула, пытаясь придать ей уверенности, и поспешила в свой кабинет. Боковым зрением Фэй отметила, что та накинулась на кучу бумаг, разложенных по всему столу.

Медленно, не спеша, контролируя каждое движение, Фэй проследовала к своему кабинету, расположенному в конце этажа. Хенрика она увидела через стекло — и поняла, что он ее тоже заметил. Высоко подняв голову, заставила себя дышать спокойно. Нельзя терять самообладание. Сейчас она не может позволить себе эмоций, хотя в глубине души мечтает только о том, чтобы подойти к нему и уничтожить его самодовольную ухмылку прицельным ударом тяжелой кожаной сумочки от «Шанель», на которой к тому же очень кстати имелись металлические заклепки.

Вместо этого Фэй спокойно и невозмутимо вошла в свой просторный кабинет.

— Привет, Хенрик, — сказала она, кивнув ему. — Я смотрю, ты уже обживаешься.

Хенрик не кивнул в ответ. Он широко улыбнулся.

— Первое, что я сделаю, — сломаю всю внутреннюю обстановку и все переделаю. Боже мой, кого ты взяла себе в дизайнеры интерьера? Белую Колдунью из Нарнии? Все белое, белое, белое... Стерильное и холодное. В точности как ты.

Фэй уселась на один из стульев для посетителей, повесила сумочку на спинку стула, расправила шелковую юбку от «Дольче Габбана» и сложила руки на коленях.

— Да, должна признать — здесь нет того домашнего стиля, который предпочитаешь ты. Что планируешь? Бар в углу? Вымпелы футбольных команд по стенам и огромную голову лося, которого ты якобы завалил собственноручно, а на самом деле купил на аукционе Буковски? Понимаешь ли, его трудно будет куда-нибудь прицепить, поскольку все стены стеклянные, — но вдруг удастся приделать к нему с обратной стороны гигантскую присоску?

Она ухмыльнулась, отметив про себя, что это бесит Хенрика до безумия. Всего за два года, которые она его не видела, линия волос у него на лбу сильно отступила назад.

— Ты знаешь, выглядит не особенно выигрышно, когда свет падает на твою голову под таким углом. Но я знаю несколько человек, которым удалось получить отличный результат, обратившись в клинику «Посейдон». Они полностью сбривают волосы, выбирают область на затылке, откуда достают луковицы волос, и вставляют туда, где начало редеть. Прекрасные результаты.

Она подняла вверх два больших пальца, и Хенрик вцепился в крышку стола. На мгновение у него стал такой вид, словно он сейчас взорвется. С того места, где она сидела, Фэй не видела офисного ландшафта позади себя, однако догадывалась, что сотрудницы только делают вид, будто заняты работой, а на самом деле изо всех сил пытаются угадать, что происходит в ее кабинете. «Впрочем, скоро он станет кабинетом Хенрика», — подумала она, и ей стало не по себе.

— Я знаю, чего ты пытаешься достичь, — ответил Хенрик с перекошенным лицом. — Ты хочешь довести меня до безумия, как сделала с Яком. Ты испортила ему жизнь, Фэй. Ты отняла у него все. Я слышал, что ты говорила о нем — я не верю ни одному твоему слову. Як был не такой. Як был... Я знаю, что ты лжешь.

Он процедил это сквозь зубы, и Фэй сглотнула. Она сдержалась, хотя ее охватило сильнейшее желание язвительно ответить ему, что у него нет никакой возможности оценить, на что способен Як. Особенно когда речь идет о том, что он сделал в отношении своей дочери. Но она понимала, что это бессмысленно. Хенрик пришел не для того, чтобы ее слушать.

— Ты отняла все не только у Яка. Ты и у меня отняла все, чем я владел.

— Похоже, ты быстро оправился, — язвительно заметила Фэй, бросив взгляд на его пошитый на заказ костюм от «Армани» и часы «Патек Филипп Наутилус».

— Не твоими молитвами, — ответил Хенрик.

Фэй пожала плечами:

— Тебе всегда нравилось быть жертвой. Еще когда мы учились в институте. Всегда во всем был виноват кто-то другой.

— Ты уверена, что твое положение позволяет тебе так со мной разговаривать, Фэй?

— А какое имеет значение, как я разговариваю? Это что-то меняет?

Хенрик улыбнулся, откинулся назад и положил ноги на стол. Посмотрел на нее с самодовольной ухмылкой.

— Нет. Строго говоря, вовсе нет. Я сделаю то, что собирался сделать. Все кончено. Контрольный пакет акций у меня, и я предложу создать новое правление, уже без тебя, и как можно скорее.

Фэй развела руками:

— Ну что ж, поздравляю. Скоро «Ревендж» станет твоим. Забирай себе этот кабинет, он твой. Но есть ли у тебя стратегия на будущее, известно ли тебе что-нибудь о том, как управлять предприятием такого рода?

Хенрик выпрямился в кресле.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Фэй? Ты — пустая оболочка. Ты вся поверхностная, внутри же нет ничего ценного. Як знал об этом. Я тоже это знаю. Все вокруг тебя замечают это, как только познакомятся с тобой поближе. Ты можешь обмануть людей на какое-то время, но рано или поздно они поймут, кто ты такая. Никто не может полюбить тебя, Фэй.

Он засмеялся. Глаза у него сияли, и она снова увидела перед внутренним взором, как металлические заклепки на сумке рвут его воспаленную кожу.

Вместо этого Фэй медленно поднялась. Села на край стола. Отметила, что ему это явно неприятно — он попятился на несколько сантиметров вместе с офисным креслом.

— Я знаю, откуда у тебя такая потребность в самоутверждении, Хенрик. Алиса все мне рассказала. Но на сегодняшний день и этот дефект можно прооперировать. Можно добавить по крайней мере пару сантиметров. Тебе стоит над этим подумать. Потому что моя фирма твоему пенису ни миллиметра не прибавит.

Насмешливо ухмыльнувшись, она поднялась, взяла свою сумочку и вышла из своего бывшего кабинета.

За спиной Фэй слышала грохот разбитого стекла. Хенрик швырнул в стеклянную стену что-то тяжелое. Она улыбнулась. Счет 1:0 в ее пользу. Ей удалось сохранить самообладание, ему — нет. Оставалось только надеяться, что это не пиррова победа.

Жара все не отступала. Покинув офис на Биргер-Ярлсгатан, Фэй отправилась пешком в сторону площади Стюреплан, чтобы пообедать в одиночестве. После того, что только что произошло, ей требовалось сосредоточиться, навести порядок в мыслях. Борьба за «Ревендж» проиграна, но, хочется верить, лишь временно — Ильва, похоже, связывает большие надежды с планом Б.

Фэй всегда трудно думалось, сидя в четырех стенах. Ей требовались внешние стимулы — видеть людей, слышать их.

Туристический сезон уже шел полным ходом. По центру города бродили группками азиатские туристы. Фэй могла им только позавидовать. Стокгольм прекрасен, она любила этот город, но не могла наслаждаться им так, как наслаждалась, приехав из Фьельбаки. Глаз замылился, уже не так реагировал на красоту...

Выйдя на площадь Стюреплан, Фэй некоторое время стояла под «Грибом», размышляя, куда бы отправиться.

На открытой террасе «Стюрехофс» столпилось множество народу. Фэй ничего не имела против того, чтобы посидеть в помещении, но ей не хотелось столкнуться ни с кем из знакомых. По крайней мере, не сейчас, когда слухи о потере «Ревендж» наверняка распространяются быстрее ветра. Она двинулась в сторону Страндвеген, миновала дорогие магазины, даже не взглянув на витрины, ощущая, как мозг пробуждается от прогулки. Вода в заливе Ньюбрувикен сверкала на

солнце. По набережным слонялась масса народу. Фэй остановилась у перехода, чтобы пересечь улицу.

Она ощущала внутреннюю опустошенность. Краткая эйфория, которую она испытала, заставив Хенрика потерять лицо, уже прошла. Фэй ничего не чувствовала. Она искала внутри себя ярость. Мрак. Мутную воду. Но находила на дне души только пустоту. Это удивило ее. Застало врасплох. Она знала, как справляться с яростью, но ощущала полную беспомощность перед этой пустотой.

Фэй привыкла бороться. С самого детства была борцом. Она перешла все границы, установленные людьми, правовой системой, логикой. Законами и моралью. Преступила их не моргнув глазом. И вот теперь она в растерянности. Она не узнает саму себя и не знает, что делать с Фэй, которая ничем не пылает.

В кармане зажужжал телефон. Наверное, звонит Ильва. Но Фэй не в состоянии ответить ей. Что-то сказанное Хенриком во время их разговора жгло изнутри. Но она не могла понять, что именно. Вот оно, рукой подать, скрыто в мутной воде... Что-то такое он сказал, за что ей следует ухватиться...

На светофоре зажегся зеленый. Переходя улицу, Фэй бросила рассеянный взгляд на одну из остановившихся машин. Такси. Через лобовое стекло она увидела позади шофера два знакомых лица. Давид и Юханна. Фэй отвела взгляд и поспешила через переход, добралась до тротуара на другой стороне и застыла там. Машинам зажегся зеленый, и такси умчалось. Сердце колотилось в груди.

Заметил ли он ее?

До того как выйти из офиса, Фэй послала Давиду сообщение, спрашивая, может ли он вернуться из своей командировки чуть раньше. Ей хотелось рассказать ему про захват компании, про Хенрика, попросить его совета, как ей двигаться дальше. Она мечтала прижаться к нему, уткнуться лицом в его плечо, услышать его успокаивающий голос.

Но он ответил, что это, к сожалению, не получится, что ему надо закончить кое-какие дела, что они увидятся, когда он вернется домой поздно вечером. О Юханне он ни словом не упомянул. Неужели она что-то пропустила?

Трясущимися руками Фэй достала телефон, просмотрела их переписку. Нет, там четко было написано, что он вернется в Стокгольм

только поздно вечером. Может быть, случилось нечто непредвиденное? Кто-то из детей серьезно заболел, получил травму и Давиду пришлось срочно вылететь домой? Поэтому они с Юханной едут куда-то в одном такси?

Фэй увидела перед собой лицо Ильвы, снова услышала ее слова:

«Насколько хорошо ты знаешь Давида?»

Проклятая Ильва. Проклятый Давид. Проклятый Хенрик!

Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

Могло произойти все что угодно. Сейчас не время кипятиться, сперва надо собрать факты. Фэй любит Давида. С ним все кажется простым и естественным. Они хотят вместе наслаждаться жизнью, ни в чем не ограничивая друг друга. Неужели это сделало Фэй слепой? Кажется, она сходит с ума...

Словно в трансе Фэй побрела дальше. Нашла свободную скамейку в парке Берцелиуса и смотрела оттуда на веселые компании, сидящие в ресторане «Бернс».

Тут звякнул ее телефон. Фэй поднесла его к глазам. Увидела имя Давида на дисплее. Какое облегчение, сейчас все объяснится... Ясное дело, это был какой-то экстренный случай.

Но когда она открыла сообщение и прочла текст, ей как будто нож в живот всадили.

«Тоскую без тебя, с нетерпением жду вечера, так тяжело быть вдали от тебя, скучаю по тебе и Стокгольму».

Только это. Только эти слова, которые Фэй так часто читала и которым до этого дня верила.

Вокруг она видела людей, которые спешили куда-то, на встречу с кем-то, вместе с кем-то. Внезапно ей захотелось стать одной из них. Ей не хотелось быть Фэй.

Дрожащими руками она открыла «Инстаграм», набрала имя Юханны Шиллер и стала смотреть ее новости. Какой-то алкаш приземлился на скамейку рядом с ней, открыл банку пива и отпил глоток.

— Хороший денек, — сказал он.

— Вы находите? — сухо отрезала Фэй.

Он засмеялся.

Она начала пролистывать фотографии, ища ту неделю, когда они с Давидом познакомились. Пролистывать пришлось долго. Юханна

выкладывала много снимков. В некоторые дни — по три-четыре. На многих фотографиях был изображен Давид. На мостках, за ужином, в ресторане, перед домашним мангалом. Он улыбался, смеялся, обнимал дочерей, целовал Юханну в щечку. Счастливые дети. Закаты. Красиво сервированные блюда.

У Фэй открылся рот. Она стала читать подписи.

Ужин с моими любимыми.

Муж сделал нам сюрприз, приготовив лазанью.

Вечер с семьей у мангала.

Мини-отпуск на Западном побережье.

Везде по пять-шесть смайликов.

Достав компьютер, Фэй открыла крышку, зашла в календарь и начала сравнивать даты. Давид не говорил, что он побывал на Западном побережье. В этот день он якобы был в командировке. Судя по профилю Юханны в «Инстаграме», они вовсе не находились в состоянии развода — напротив, в их отношениях царила полная идиллия. Конечно же, социальные сети могут лгать, создавать неверный образ, приукрашивать — но чтобы настолько?..

Сердце отчаянно билось в груди. В животе все сжалось; ей вспомнились последние недели, проведенные с Яком...

Она набрала номер Давида. Ей нужно поговорить с ним, услышать его голос, получить объяснения. Все это какая-то ошибка.

Фэй попала на голосовой ящик.

Тогда она написала ему сообщение, попросив его позвонить ей как можно скорее.

Как она могла настолько ослепнуть?

Почему не ответила тогда на звонок Юханны, не послушалась Ильву? Почему раньше не воспользовалась «Инстаграмом»? Почему была так глуха и слепа? В очередной раз...

Фэй вскочила со скамейки. Ведь она знает, где находится офис Давида — по крайней мере, по его словам. Существует ли этот офис? Быстро пройдя через парк Берцелиуса, она обогнула «Бернс» и направилась в сторону Бласиехольмена, где располагаются многие наиболее именитые финансовые компании Стокгольма. Зазвонил телефон. Она буквально подпрыгнула от неожиданности, рывком вытащила его в надежде, что это Давид — но это был не он. Это была Ильва.

— Да? — раздраженно ответила Фэй.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Я сейчас не в состоянии говорить о «Ревендж»; дай мне пару часов, чтобы все переварить.

— Да, что касается «Ревендж», нам надо встретиться и составить план, посмотреть, что мы можем сделать, чтобы не потерять контроль над компанией. Но я хотела поговорить с тобой не об этом.

— Ильва, пожалуйста, сейчас не самый подходящий момент.

— Речь идет о Давиде. Тебе нужно это увидеть. Возможно, ты не согласишься со мной, но ты сама попросила меня изучить его предложение, его финансовое положение, всё... В последние несколько дней я только этим и занималась. У меня всё здесь. Бумаги не лгут. Бумаги беспристрастны.

Фэй остановилась. Посмотрела на воду, на прекрасные фасады девятнадцатого века. Как все красиво вокруг! Как все может быть таким красивым, когда она пребывает в кошмарном сне?

— Где ты? — спросила она.

— После визита Хенрика я не могла оставаться в офисе — не знаю, как скоро он нас выкинет, — так что поехала домой к Алисе.

— Я приеду.

— Ты в порядке?

— Не знаю, — прошептала Фэй. — Ничего не знаю.

— Где ты?

— В парке Берцелиуса.

— Оставайся там. Я приеду за тобой.

На столе в рабочем кабинете Алисы, который Ильва получила в свое распоряжение, когда переселилась к ней на виллу, теснились кипы документов. Выдвинув стул, она решительно усадила Фэй и сама села рядом.

В такси по дороге туда они не обменялись ни единым словом.

— Спасибо, — пробормотала Фэй.

Ильва заглянула ей в глаза.

— Не за что благодарить. То же самое ты сделала бы для меня. Что случилось? Я имею в виду — помимо той бойни, которую нам пришлось пережить сегодня утром. Вижу, тебя гнетет что-то еще... Хочешь поговорить об этом?

Фэй вздохнула:

— Ты не могла бы открыть окно? Воздуха не хватает...

Ильва кивнула и подошла к окну. Фэй протянула с сомнением:

— Я начинаю думать, что ты была права, когда говорила... Даже не знаю... Черт, я уже ничего не знаю.

Ильва посмотрела на нее, нахмутив лоб.

— Что ты имеешь в виду?

Фэй провела ногтем по крышке стола. Она не знала, с чего начать. Стыд жег изнутри.

Она откашлялась и начала:

— Все это время Давид общался с Юханной, словно бы ничего не произошло. Честно говоря, я даже не уверена, что он вообще планировал с ней развестись. Все эти истории, что он борется ради нас, чтобы мы могли быть вместе, — мне кажется, все это вранье. Они ездили вместе в Марстранд, когда он рассказывал мне, что они сидели дома и все выходные ругались. Ходил с дочерьми в «Лисеберг»^[37], когда наврал мне, что едет в командировку в Таллин...

Фэй не смогла сдержать слезы.

— Ильва, прости меня! Прости за то, что я так обошлась с тобой, когда ты пыталась раскрыть мне глаза. Теперь я понимаю — ты думала обо мне, хотела предостеречь меня...

Ильва придвинулась ближе к Фэй, прижала ее голову к своему плечу.

— Никто не хочет услышать такое про человека, которого, как ему кажется, любит, — проговорила она. — И я ничего не знала. Даже не подозревала. В одном была уверена: что он преувеличивает, рассказывая тебе, какая сумасшедшая Юханна.

— Сама не понимаю, как я могла быть такой слепой. Такой дурой!

Фэй всхлипывала. Ильва гладила ее по волосам, утешая ее.

Наконец Фэй размазала слезы по щекам. Вздохнув, положила руку на стопку документов перед собой.

— И что все это показывает? Подозреваю, что новости неутешительные.

Ильва откашлялась. По ее лицу Фэй увидела, что та боится ее ранить.

— Говори, — сказала она. — Я готова слушать.

— Давид Шиллер на грани полного банкротства. Ты и «Ревендж» воспринимались им как спасательный круг. Более того, дела обстоят еще хуже. Все тесно взаимосвязано...

И Ильва начала объяснять.

Фьельбака, давным-давно

В порту был телефон-автомат. Пока Себастиан причаливал яхту, я кинулась туда, схватила трубку и набрала номер 90-000^[38]. Полчаса спустя на мостках собралось множество народу. Кто-то сообщил в местную газету — репортер и фотограф из «Бухюсленнинген» слонялись туда-сюда, ожидая возможности поговорить с нами.

Они кружили возле нас с Себастианом, как акулы вокруг добычи, но полицейские попросили их подождать, пока мы не расскажем обо всем, что случилось. Должно быть, я выглядела маленькой и напуганной. Но внутри испытывала гордость. Себастиан был белый как мел. Я все время старалась держаться рядом с ним. Полицейские и другие наверняка думали, что я жалась к нему со страху, но моя единственная цель заключалась в том, чтобы проверить: придерживается ли он той истории, которую я сочинила.

— Стало быть, они упали в воду? — спросил один из полицейских.

Себастиан кивнул.

— Мы развернули яхту и поплыли обратно, но не нашли их, — пробормотал он.

Полицейские обменялись усталыми взглядами. У них не возникло подозрений — только грусть и отчаяние.

— Не надо было выходить в море в такую погоду, — сказал один из них и отвернулся.

— Простите, — прошептала я. — Но нам хотелось домой. Томас настоял на том, чтобы мы поехали.

Наконец настал черед репортера. Он хотел поговорить скорее со мной, чем с Себастианом, — наверное, я выглядела такой невинной и вызвала бы больше симпатий у читателей. Во время интервью фотограф щелкал фотоаппаратом.

— Не верю, что они умерли. Надеюсь, что их найдут, — сказала я, стараясь выглядеть как можно более несчастной.

Фэй медленно шла вдоль улицы Хумлегордсгатан, отгородившись от всего мира темными очками. Все казалось совершенно сюрреалистичным. Люди, смех, радость... Как они могут быть такими беззаботными? Ее мир только что распался на тысячу обломков, а будущее висело на волоске.

Давид и Хенрик работали вместе. Им удалось ловко скрывать это. Но не настолько ловко, чтобы дотошная и настойчивая Ильва не смогла бы найти следов. И в одном они повели себя неосмотрительно. Как и говорила Ильва, слабым местом Хенрика была его небрежность.

Они уже знали, что он планирует сообщить о покупке нескольких пакетов акций одновременно, чтобы застать их врасплох известием о том, что у него собрался контрольный пакет, и как можно скорее предложить переизбрать правление. Однако еще до того, как стали известны имена новых владельцев акций, Ильве удалось докопаться: Давид — один из инвесторов Хенрика. Это также весьма небрежно скрывалось под видом предприятия на Мальте, но после разоблачений последних лет Мальта перестала быть заповедником для тех, кто намерен платить поменьше налогов или что-либо скрывать. Еще одна ошибка Хенрика.

Впрочем, это не имело особого значения. Его ошибка привела лишь к тому, что удалось вскрыть связь между Давидом и Хенриком. Однако это никак не помогло им воспрепятствовать утрате «Ревендж».

Только теперь Фэй поняла, что не давало ей покоя с момента ссоры с Хенриком в кабинете. Тогда он высказал одну мысль. Что никто не может полюбить ее.

Ей ни к чему ломать голову над мотивами поведения обоих мужчин. Хенрик желал восстановить уязвленное мужское

достоинство. По иронии судьбы он делал это, отнимая у нее то, что никогда ему не принадлежало. А Давид? Еще проще: деньги. И власть. Для него Фэй была лишь инструментом для достижения этих двух целей. Теперь она это поняла. Многих из тех, кто в последнее время продал свои акции, Хенрик мог найти только одним способом — через Давида, проникшего в ее компьютер. Фэй ощущала себя так, словно ее окружили со всех сторон.

Она достала телефон и написала сообщение Давиду.

«Позвони мне. Надо кое-что обсудить».

Все рухнуло. Она утратила контроль над «Ревендж». И потеряла Давида — вернее, того, кем он был в ее глазах. Она потеряла человека, которого даже не существовало — по нему невозможно горевать. Но она-то считала все это реальностью...

Телефон завибрировал в руке.

«У меня тут во Франкфурте небольшие сложности. Придется остаться еще на несколько дней. Скучаю по тебе».

Фэй сглотнула раз, потом другой. А потом приняла решение. Она продаст все и навсегда покинет Швецию. Удалится от дел. Жюльенна ждет ее в Италии. Ее место там, рядом с дочерью. После предательства Давида, когда «Ревендж» вот-вот выскользнет у нее из рук, нет никаких причин продолжать борьбу.

Она поднимется в квартиру, заберет свои вещи и поедет домой к Жюльенне. Поручит адвокатам продать ее акции в «Ревендж». Ломать голову по поводу выхода на американский рынок ей больше не нужно. Вскоре этим делом придется заняться Хенрику. Ноги ее больше не будет в Швеции. На самом деле Фэй не хотелось даже подниматься в квартиру, но в пластиковой папке за ванной лежала фотография Жюльенны с ее мамой, доказывающая, что и ее дочь, и мать живы. Она не могла покинуть Швецию, не забрав ее с собой.

В квартире остались вещи Давида, но у Фэй не осталось сил, чтобы побросать их в пылающий камин.

А Ильва и Алиса? Они, конечно, будут разочарованы ее поступком, но, если она останется, рискуют утонуть в дерьме вместе с ней. Без нее им будет гораздо лучше.

Набрав на домофоне код, Фэй открыла дверь. Некоторое время стояла, дожидаясь лифта. Вошла в лифт, закрыла за собой решетку.

Смотрела, как мимо проплывают этажи. Собрала всю волю в кулак. Еще пара минут — и она будет сидеть в такси по пути в Арланду^[39].

Лифт остановился.

Фэй направилась к двери квартиры, стуча каблуками по полу. Вставила ключ в замок, повернула. В тот же миг сзади раздался скрипучий звук, и она почувствовала затылком холод стали.

Медленно обернулась. Она поняла, что это Як, еще до того, как увидела его. Как узнавала его всегда.

Часть IV

Как минимум один человек погиб при пожаре на даче в окрестностях Чёпинга в среду вечером.

Прибывшие на место пожарные констатировали, что весь дом объят пламенем.

«Старые деревянные дома такого типа часто имеют очень ненадежную электропроводку.

Причиной таких несчастных случаев зачастую является короткое

замыкание», — заявил Антон Эстберг, глава спасательной службы Вестра-Мелардален.

Личность пострадавшего пока не установлена; неизвестно также, были ли еще пострадавшие.

*«Следствие
только началось,
но пока все
указывает на то,
что мы имеем дело
с трагическим
несчастливым
случаем», —
говорит Гун-
Бритт Сульберг,
сотрудница
полиции Чёпинга.*

*Из газеты
«Афтонбладет»
от 27 июня*

Острие ножа было направлено в грудь Фэй. Губы Яка исказила презрительная и победоносная улыбка.

— Отопри дверь, — велел он. — Иначе воткну нож тебе в шею.

Сердце в груди у нее отчаянно колотилось.

Она сделала, как он велел, — отперла дверь и внутреннюю решетку. Як втокнул ее в квартиру и запер за ними дверь. Бежать было некуда.

Толкнув Фэй перед собой, он отшвырнул ее на диван, схватил ее сумочку, перерыл содержимое и вывалил все на журнальный столик.

— Ты обманула меня, ты обманула всех. Испортила мне жизнь. Я знаю, что не убивал нашу дочь. Не знаю, как ты это сделала, но она жива, в этом я уверен. Ты ее где-то скрываешь.

Фэй не нашлась что ответить. Она сидела как парализованная, почти равнодушная к тому, что происходит. Як появился так внезапно — она не могла поверить в реальность происходящего, в то, что он здесь.

— Я найду Жюльенну, чтобы доказать всем — ты обманом засадила меня за решетку. Когда я с тобой разберусь, весь мир узнает, какая ты лживая шлюха.

Як говорил быстро и нервно, почти маниакально, и ходил взад-вперед посреди гостиной. Волосы у него были сальные, одежда грязная. Куда делась вся та элегантность, которая когда-то так восхищала Фэй?

Взяв ее мобильный телефон, он начал просматривать фотографии. Фэй спокойно ждала — знала, что там следов Жюльенны нет.

— Ты можешь поискать везде, — сказала она. — Я ничего от тебя не скрываю.

Не найдя того, что искал, Як отбросил телефон, кинулся к дивану и приблизился к самому ее лицу.

— По твоей вине меня осудили за убийство собственной дочери! — крикнул он. — Вся Швеция, моя семья, мои друзья — все думают, что я чудовище! Убийца детей...

Брызги слюны попали ей на подбородок.

— Ты знаешь, что мне пришлось пережить в тюрьме? Я найду ее и докажу, что во всем виновата ты! Отниму у тебя все, как ты отняла все у меня.

Его реакция все больше возвращала Фэй уверенность в себе, хотя она и понимала, что ее жизнь в опасности. По крайней мере, ее слова еще действуют на Яка — она на это надеялась. Если сможет повлиять на него, ей удастся выбраться отсюда живой...

Як придавил ее к дивану, поднял нож и стал медленно придвигать его ей к лицу. Фэй, сжав губы, заставила себя взглянуть ему в глаза.

— Надо бы изрезать тебе лицо, — прошипел Як. — Ты мне слишком дорого обошлась.

Сердце отчаянно колотилось в груди, но внешне Фэй и бровью не повела.

— Я так скучала по тебе, — прошептала она.

Голос ее прозвучал так достоверно, что Фэй сама удивилась — лжет она или говорит правду? На мгновение ей показалось, что он смягчился.

— Як, это я, Фэй. Ты любишь меня. Если б ты не бросил меня, не унижил меня, я никогда не сделала бы того, что сделала.

Як смотрел на нее испытующе, почти с нежностью.

В следующую секунду он вскинул левую руку и ударил бывшую жену кулаком по щеке.

— Тебя зовут не Фэй. Тебя зовут Матильда. Я пообещал твоему отцу, что, когда разберусь с тобой, он будет иметь удовольствие собственноручно убить тебя за все, что ты ему сделала.

— О чем ты говоришь? — Фэй потерла щеку, съежилась, пытаясь стать маленькой. Сердце бешено стучало.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Мы с ним сидели в одной тюрьме. Он рассказал мне, что произошло во Фьельбаке. Как ты отняла у него все — как и у меня. А потом сбежала в Стокгольм. Думала, что сможешь начать с чистого листа...

— Это неправда, — проговорила Фэй, изо всех сил стараясь собраться с мыслями. — Ты ошибаешься.

Последовал новый удар — на этот раз в живот. Фэй охнула, перекадилась на бок.

— Як, дорогой мой, — простонала она. — Я не понимаю, о чем ты говоришь, кто-то обманул тебя... Все совсем не так, как ты думаешь...

Як поднялся и снова зашагал туда-сюда. Фэй осторожно следила за ним. Поверил ли он ей?

— Думаешь, случайно получилось так, что мы с Йостой убежали вместе? Мы с ним познакомились в тюрьме. Я пообещал ему, что, если найду способ выбраться, обязательно возьму его с собой. У него к тебе тоже есть разговор...

Як ухмыльнулся:

— Когда мы услышали, что нас будут перевозить одновременно, я понял, что это прекрасная возможность. Охранник отошел по нужде — и мы вырвались на волю.

На несколько секунд Фэй закрыла глаза, потом заставила себя посмотреть на Яка.

— Уезжай отсюда, — сказала она. — Ты все сам себе портишь. Я не скажу полиции, что ты приходил сюда. Могу дать тебе денег, так что ты сможешь уехать за границу и начать новую жизнь. Я люблю тебя. Всегда тебя любила. С тобой никто не сравнится. Ни один мужчина не смог заменить мне тебя.

Оба вздрогнули, когда зазвонил ее мобильный телефон. Як поднял его с пола и посмотрел на дисплей. Фэй увидела хорошо знакомый номер.

— Это полиция, — сказала она. — Они звонят мне каждый день, чтобы узнать, что со мной всё в порядке.

Не пошевелив и бровью, Як протянул ей мобильник.

— Ответь. Скажи, что все хорошо. Если попытаешься хотя бы намекнуть, что я здесь, воткну тебе нож в живот, — сказал он и провел острием у нее под грудью.

Фэй нажала на кнопку «ответить» и включила громкую связь. Як сидел на корточках перед ней, держа нож наготове.

— Алло! — сказала она.

— Добрый день, это Оскар Весландер из Стокгольмской полиции, — сказал чей-то голос. — Мы звоним, как обычно, чтобы убедиться, что у вас всё в порядке.

Фэй встретила глазами с Яком, но не могла узнать в нем того человека, с которым когда-то делила все. Кто он?

— Да-да, — сказала она, и Як кивнул. Его руки переместились ниже, к ее паху. — Все хорошо.

Як разрезал на ней джемпер. Фэй затряслась.

— Где вы находитесь?

Фэй стиснула зубы. Отодвинулась назад, чтобы не напороться на острие.

— Алло!

Она посмотрела на Яка, лицо которого оставалось неподвижным, и монотонно проговорила:

— Я дома, сижу работаю.

— К сожалению, у меня нет никаких новостей по поводу вашего бывшего мужа, но мы заверяем вас: мы делаем все, чтобы разыскать его.

— Хорошо. Отлично. Я знаю, что вы делаете все возможное.

Голос ее чуть заметно дрогнул.

Если б Фэй не знала этого ранее, то теперь точно сообразила бы: Як — сумасшедший. Совершенно невменяемый. Он легко может решиться убить ее. Она должна как-то выбраться.

— Хорошего дня. Звоните, если появятся вопросы.

— Вы тоже.

Фэй положила трубку и посмотрела на Яка.

Он медленно поднялся, не сводя с нее глаз. Внезапно, без всякого предупреждения снова ударил ее. Она повалилась на диван. Як схватил

ее телефон. Фэй подняла на него глаза.

— Ты должен скорее уходить. Беги отсюда. Иначе тебя задержит полиция. Я ничего не скажу. Ни о том, что ты был здесь, ни о том, что сделал.

Як не ответил. Слышалось лишь его тяжелое дыхание. Он уселся перед ней, поднес один из ее локонов к носу и вдохнул.

— Мне не хватало твоего запаха. Несмотря на все, что ты мне сделала, мне не хватало тебя. Ты — любовь всей моей жизни. Никто другой ничего в ней не значил, понимаешь? Понимаешь, что я делал все это просто потому, что мог? Потому, что женщины сами висли на мне. Я был слаб. Но на самом деле только ты для меня что-то значила.

Фэй похолодела. Все это звучало так, словно Як прощается с ней.

— Ты собираешься убить меня?

— Не знаю. Думаю, да.

Сердце забилося с такой скоростью, что у нее закружилась голова. В глазах почернело.

— Нет, Як. Ты же не убийца. В тебе такого нет. Это же я, Фэй!

Обхватив его руками за щеки, она заставила его посмотреть на нее.

— У тебя есть еще одна дочь, Як. Что будет с ней, если тебя осудят за новое убийство? Рано или поздно полиция разыщет тебя. А Жюльенна... ты прав, она жива. Она в надежном месте. Если мы забудем все это, если ты сможешь простить меня, она будет на седьмом небе от счастья. Она по-прежнему говорит о тебе. Ты — ее герой, Як. Несмотря ни на что, ты — ее герой.

Фэй сглотнула и испытующе посмотрела на Яка, пытаясь понять, возымели ли ее слова какое-либо действие. В прежние годы она могла прочесть его самые сокровенные мысли, едва он переступал порог. Но сейчас его лицо ничего не выражало. Он превратился в незнакомца.

— И я так скучаю по тебе... — Она дала волю слезам. — Несмотря на все, что сделала, я люблю тебя и всегда любила. Но ты больно ранил меня. Ты унизил меня. Ты раздавил меня. Мне нужно было не так уж и много — жить с тобой и Жюльенной, но ты обманул меня, Як. Сначала отнял у меня работу, право на то, в создании чего я принимала участие. Потом — мою семью. Ты заменил меня другой.

Челюсти Яка задвигались. Выражение лица начало смягчаться. Внутренне она ликовала. Может быть, он просто уйдет?

— Жюльенна, — сказал Як. — У тебя есть ее фотография? Я думаю о ней каждый день, каждую секунду.

Фэй вспомнились снимки, которые она обнаружила в компьютере Яка. Ужасные, чудовищные фотографии. Пустой взгляд Жюльенны. Никогда она не согласилась бы показать ему дочь. Но какие у нее варианты, если она хочет выжить и существовать для Жюльенны в будущем?

Она медленно кивнула.

— Мы можем позвонить ей. Подумай, как она обрадуется, увидев тебя.

Глаза Яка сузились от подозрений. Он потряс головой и положил ее телефон на стол.

— Нет. Никаких телефонов, никакой техники.

Она сделала глубокий вдох.

— У меня есть одна фотография. Хочешь увидеть?

— Где она?

— Встань, я принесу.

Як медленно встал.

Когда Фэй поднялась на ноги, он снова поднял нож.

— Попробуешь обмануть меня — убью на месте. Помни об этом.

— Я знаю.

Фэй пошла в ванную, он — следом, на расстоянии вытянутой руки. Там она немного наклонила ванную, запустила за нее пальцы и нащупала пластиковую папку с фотографией Жюльенны и своей матери. Выпрямившись, протянула папку Яку. Он взял, стал рассматривать фото, не говоря ни слова. Но блеск в его глазах напугал Фэй. Як смотрел на изображение Жюльенны, словно она была его добычей, словно он мог сделать с ней все что хотел. Затем засунул папку в карман куртки.

В этот момент Фэй поняла, что совершила ошибку. Каким-то образом Яку все же удалось обмануть ее. И теперь он убьет ее. Як поднял руку с ножом. Фэй вскрикнула — и все вдруг почернело...

Фьельбака, давным-давно

Хотя тела Рогера и Томаса так и не нашли, в память о них устроили погребальную церемонию.

Я была в церкви и слышала каждое слово о том, какими прекрасными и заботливыми мальчиками они были. Прихожане на скамьях рыдали. Голос пастора временами дрожал от волнения. Меня же чуть не вытошнило при мысли о том, что они сделали со мной.

С алтаря на меня с ухмылкой смотрели их портреты. Я поднесла руку к груди, где когда-то висело украшение, подаренное мамой. Оно защищало меня. Они отняли у меня последнюю защиту.

Я могла думать лишь о том, как Рогер и Томас насильно держали меня, вторгались в меня и смеялись над моими мольбами не делать этого. Как сияющие глаза Томаса вдруг стали холодными и жестокими.

Всей душой я ненавидела их за то, что они со мной сделали, и только радовалась тому, что их больше нет.

Я не могла жалеть их родителей — даже бабушку Рогера. Это они воспитали их такими. На них тоже лежит вина.

Но весь поселок оплакивал и восхвалял их. И это еще больше углубило пропасть между мной и Фьельбакой, еще больше убедило меня в решении уехать. Прочь от притворства и замалчивания...

Фэй открыла глаза. Она лежала на холодном полу в ванной. В голове стучало и болело. Медленно поднеся руку ко лбу, она нащупала что-то липкое. Поднеся пальцы к глазам, увидела, что у нее все еще идет кровь.

Несмотря на боль, Фэй радовалась, что осталась жива. Должно быть, Як ударил ее рукояткой ножа, и она потеряла сознание. Хотя боль то и дело накатывала волнами, она осталась жива. А это самое главное.

— Зря ты не убил меня, Як, — пробормотала Фэй.

В глубине души она задавалась вопросом — почему он этого не сделал?

Поднявшись на непослушных ногах, оперлась о край раковины и стала рассматривать в зеркале свое окровавленное, опухшее лицо.

Як.

И Давид.

Оба получают по заслугам. То, что у Яка теперь есть фотография, доказывающая, что Жюльенна жива, — настоящая катастрофа. Надо отнять ее у него. Вряд ли он побежит с этой фотографией в ближайший полицейский участок. Время еще есть. Краткий момент слабости, когда она хотела бросить все и бежать, остался позади. Это не про нее. Фэй не сдастся. Фэй дает сдачи.

Крепко зажмурившись, она снова представила себе фотографии Жюльенны, которые обнаружила в компьютере у Яка. Фото раздетой, незащищенной Жюльенны. Над ней надругался тот, кого она более всех любила. Именно это запустило все остальное. Именно это заставило Фей сделать то, что она умела лучше всего. Позаботиться о тех, кого она любит. Защитить себя. Любой ценой.

Фэй пребывала в ложной уверенности, что она в безопасности — в надежде, что Яка больше нет. Какая наивность. Простодушие. Такой ошибки она более не повторит. Теперь она остановит Яка. Навсегда. Ради самой себя, но в первую очередь ради Жюльенны. Он больше никогда не приблизится к ней, никогда больше не сможет причинить ей вред.

Уже миновала полночь, и в офисе «Ревендж» царили темень и пустота. Только в кабинете Фэй горел свет — поняв глаза вверх, она, кажется, увидела Хенрика, сидевшего за столом и работавшего. В «Ревендж». Ее «Ревендж». Она быстро проехала мимо здания. Не хотела смотреть. Продолжила свой путь в темноте на Лидингё. Асфальт влажно поблескивал после тихого ночного дождя, продолжавшегося минут десять и уже закончившегося. Она должна поехать к Алисе и поговорить с Ильвой.

Так многое сейчас зависит от Ильвы. И Алисы.

Если Ильва откажется помочь Фэй, ей не удастся остановить Яка. В лучшем случае она окажется в тюрьме, в худшем — ее убьет отец. Он бродит на свободе. И Як тоже. А ей нужны и Ильва, и Алиса, чтобы забрать назад свое предприятие.

Фэй позвонила в дверь. Ей открыла Ильва. При виде лица Фэй глаза у нее округлились. Она открыла было рот, но тут же снова закрыла.

— Алисы нет дома. С тобой всё в порядке?

Фэй вошла в прихожую.

— Я в порядке, — быстро ответила она. — Но мне нужно поговорить с тобой.

— Что случилось? — спросила Ильва и повела ее в комнату для гостей, где жила.

По дороге Фэй успела обдумать, насколько стоит открыться ей, и решила рассказать все. Хватит лжи. По крайней мере, хватит лгать Ильве. Если та заподозрит Фэй в неискренности, существует риск, что она не выступит с ней заодно. Такого Фэй допустить не могла.

— Як.

Ильва прикрыла рот ладонью.

— Он напал на меня в квартире. Ударил по голове. Я очнулась на полу в ванной.

Фэй уселась в кресло и потянулась за фотографией Норы, стоявшей на прикроватном столике. Разглядывая ее, она думала о той фотографии, которую отобрал у нее Як, доказывавшей, что и Жюльенна, и ее мать живы. Это заставило ее решиться.

— Ильва, я не все рассказала тебе о Яке. Есть такие вещи, которые я не рассказывала никому. Я прожила с ним почти всю свою взрослую жизнь, но не заметила этих сторон, не поняла их. Только под конец. Поэтому я не уверена, что ты их заметила, хотя знаешь Яка и жила с ним.

Глаза Ильвы широко раскрылись.

— Что ты имеешь в виду?

— Для начала могу сказать, что Жюльенна жива. Она в надежном месте в Италии с моей мамой.

Ильва открыла рот.

— Стало быть, все именно так, как говорила та женщина-полицейский, которая приходила ко мне?.. Я прогнала ее, назвав сумасшедшей.

— Да, Ивонна Ингварссон совершенно права. Я засадила Яка в тюрьму за убийство, которое не совершалось. И речь шла не обо мне, не о моей личной обиде за то, что он меня бросил или не отдал мне

денег, которые причитались мне по праву. Ты прекрасно знаешь нас обоих, и тебе известно, что я помогала создавать то, что позднее стало «Компэр».

Фэй провела рукой по подбородку. Ей трудно было выговаривать слова.

— Все дело в фотографиях Жюльенны. Як снимал ее голом виде — очень близко, в мельчайших деталях. Она оказалась совершенно беззащитна перед ним. Он — больной человек, Ильва. Я поняла, что должна защитить от него Жюльенну.

Фэй смотрела в пол. От волнения у нее сдавило горло. Ильва, бледная как полотно, не сводила с нее глаз.

— Я так рада, что Жюльенна жива, — прошептала она. — Но то, что ей пришлось пережить из-за Яка, — это просто ужасно... То, что он с ней сделал...

Фэй заморгала, прогоняя слезы. Голос снова вернулся к ней.

— У тебя тоже дочь от Яка. И пока он жив, Нора будет в опасности. И другие дети тоже. Он — педофил. Ты должна помочь мне. Как подруга, как женщина. Ибо есть вещи, с которыми правовое государство не справляется, хотя политики всегда утверждают обратное.

— В чем тебе нужна моя помощь?

Фэй внимательно рассматривала Ильву. В чьих руках теперь находилась ее жизнь. Если она дрогнет, проболтается, изменит ей, Фэй окажется в тюрьме. Ее будет ненавидеть вся Швеция. И это странно, ибо любая настоящая мать на ее месте поступила бы так же. Общество не смогло защитить ее. Ни тогда, когда она в детстве подвергалась изнасилованию и избиению в собственном доме. Ни тогда, когда лишилась средств предприятия, которое создавала, и оказалась выброшена на улицу, как старая тряпка, потому что ее муж встретил новую женщину.

На Ильву Фэй полагалась именно потому, что та тоже была женщиной, могла понять это чувство бессилия, незащищенности. Хотя сама она не попадала в такую ситуацию, любая женщина довольно легко может себе ее представить. И еще Фэй доверяла Ильве, потому что та тоже знала Яка. Потому что разглядела в нем монстра. И потому, что тоже когда-то любила его...

— Яка необходимо убрать ради безопасности наших детей. А Хенрик дорого заплатит за то, что попытался отнять у меня принадлежащее мне.

Ильва сидела и смотрела на свои руки, сжатые на коленях. Она не отвечала. Их разговор прервал детский плач из соседней комнаты.

Ильва быстро поднялась.

— Пойди, возьми ее на руки, — сказала Фэй.

Ильва кивнула и вышла в соседнюю комнату. Несколько минут спустя она вернулась с Норой на руках, взлохмаченной и покрасневшей ото сна. Увидев Фэй, девочка широко улыбнулась, показав крошечные молочные зубки. Ильва поцеловала ее в макушку и со слезами на глазах посмотрела на Фэй. Потом снова кивнула.

— Я с тобой. И, как я понимаю, пора применить план Б?

— Однозначно пора применить план Б. И у меня есть идея для Алисы.

— Какая? — с любопытством спросила Ильва, покачивая на руках Нору.

Малышка закрыла глаза и снова заснула. Фэй ничего не сказала, только улыбнулась и достала телефон. Когда Алиса ответила, Фэй услышала звуки машин и смех. Должно быть, сидит где-то на террасе ресторана...

— Правда, что Стен Стольпе всегда был без ума от тебя? — спросила Фэй.

— Без ума? — Алиса рассмеялась. — Это еще мягко сказано.

— Ты могла бы связаться с ним?

— Конечно, без проблем. Говори, что ты там задумала!

Фэй объяснила, и Ильва, сидевшая напротив нее, начала улыбаться.

Фьельбака, давным-давно

Когда погода изменилась и ночи стали темнее и холоднее, мне пришло время возвращаться в школу.

Я должна была пойти в восьмой, и по традиции в последние выходные перед началом учебного года в лесу устраивалась большая

вечеринка для всех старшеклассников. Все пили, слушали музыку, совокуплялись, дрались и блевали в кустах.

Я пришла одна и села чуть в стороне от остальных — делать мне там было особо нечего. Пришел и Себастиан. Он приобрел статус знаменитости: все лето без конца выступал по радио, по телевизору и давал интервью газетам, рассказывая о своих замечательных погибших товарищах.

Сама я обычно не ходила на вечеринки. Мне не нравилось там находиться. Но важно было убедиться, что никто ни о чем не спрашивает, не сомневается, не догадывается. Я не испытывала никаких сожалений по поводу того, что сделала, — только страх разоблачения. Мне нужно было послушать, что говорят, — сплетни и пересуды в Фьельбаке ходили постоянно. Я решила потусоваться со сверстниками, чтобы убедиться: я в безопасности. И еще приглядеть за Себастианом.

Когда брат заметил меня, глаза его метнули молнии, и он, пошатываясь, направился ко мне. Он был сильно пьян. Спотыкаясь о камни, несколько раз чуть не упал, но все же удержался на ногах.

— Что ты тут делаешь, чертова шлюха? — спросил он и опустился на бревно рядом со мной.

От него несло перегаром и блевотиной.

Я не ответила. Распределение сил между нами изменилось. Теперь Себастиан отваживался так разговаривать со мной, только когда захмелеет. В остальное время он, казалось, даже побаивается меня. А мне только того и требовалось.

— Иди своей дорогой, Себастиан, мне сейчас не нужны ссоры.

— Не ты указываешь, что мне делать.

— Именно я. И ты знаешь почему.

Я отодвинулась, приготовилась встать и уйти, когда он схватил меня за руку.

— Я расскажу им... я всем расскажу, что случилось в тот проклятый вечер. Как ты убила их.

Я спокойно смотрела на него. После изнасилования на острове Себастиан меня и пальцем не тронул. Но он слишком много пил. А когда напивался, то слишком много болтал. Выходил из себя. Терял над собой контроль. Я ненавидела его и его слабости. В нем было слишком много от папы. Себастиан — человек потерянный, и теперь,

когда интерес к его личности начал спадать, он придумает новые способы заявить о себе.

— Ведьма, — процедил Себастиан. — Мерзкая, злобная ведьма. Надеюсь, тебя снова трахнут. Так и будет. Я знаю, что тебе понравилось.

Я вздохнула, поднялась и оставила его в одиночестве.

Идя через лес и слыша музыку, смех и хриплые голоса участников вечеринки, я поняла: мне придется заставить Себастиана замолчать. Мама любит его, но она не знает его так же хорошо, как я. Она и представить себе не может, на что он способен.

В мире и так предостаточно таких мужчин, как он. Мужчин, которые бьют, пугают и насилуют. Однажды он женится, заведет детей — и они окажутся в его власти. Я не допущу этого. Не позволю, чтобы Себастиан обращался со своей девушкой, своей женой так, как папа обращался с мамой. Я не хочу, чтобы маленький мальчик или девочка с детства видели в своей семье то, что довелось видеть мне. Я — единственный человек, способный разорвать этот порочный круг.

Но прежде всего я не дам ему испортить жизнь мне. Ему был дан шанс. Он не воспользовался им — это его выбор.

Я собиралась оставить его в живых. Ради мамы. Хотя он нанес мне травмы, невидимые снаружи, заставлявшие меня лежать без сна ночь за ночью, мучаясь от фантомных болей после всего того, что со мной сделали. Когда-то нам с ним было спокойно вместе — но он украл у меня единственный крошечный осколок прекрасного, существовавший в нашем доме. Он отнял у меня воспоминания, помогавшие мне сохранить хотя бы искру надежды на то, что в жизни есть что-то хорошее, что-то настоящее.

Но он предал не только меня. Мама любит его. Она видит в нем только хорошее, не замечая той тьмы, того зла, которые достались ему в наследство от папы. Из-за слепой материнской любви ему выпал последний шанс. И он только что показал, что не заслуживает его.

Сердце мамы разобьется в тот день, когда она поймет: Себастиан такой же, как папа. И весь этот ужас будет продолжаться в следующем поколении, и ее любовь ничего не сможет изменить. Поэтому Себастиан должен умереть, чтобы избавить маму от этого горя. Она никогда не узнает, что он сделал. И кто он на самом деле...

—

Красный домик располагался в уединенном месте, на вершущке горы, неподалеку от озера, окруженный густым лесом. Это была дача родителей Ильвы, которые состарились и не могли сюда ездить. Уже много лет они не пользовались дачей.

С довольным видом Фэй оглядела металлическую ручку на входной двери, кивнула и закрыла за собой дверь.

В лучах заходящего солнца она разглядела контуры старой мебели, почувствовала запах плесени. Поискала рукой выключатель и нажала. Раздался щелчок, но свет не включился. Вероятно, вырубилась пробка — Ильва сказала, что электричество обычно подключено. Придется искать электрический щит. Хорошо, что она прихватила с собой фонарик.

Деревянные доски пола заскрипели, когда Фэй вошла в помещение, по всей видимости, служившее гостиной.

Она отставила канистру с бензином, прислушалась к тишине старого дома. Помассировала правую руку, затекшую от тяжести канистры.

Здесь наконец пересекутся их пути — ее и Яка. Только один из них уйдет отсюда живым. Многое может пойти не по плану. С таким же успехом она может оказаться проигравшей в этом последнем бою.

Сколько у нее времени до его появления? Час? Два? Чтобы не оставлять электронных следов, Ильва оставила ее мобильный телефон у себя. Фэй, покосившись на ручные часы, отметила, что сейчас около десяти часов вечера.

Ильва позвонила Яку по тому номеру, который он оставил, когда приходил к ней домой. Рыдая в трубку, она сказала, что приходила Фэй и забрала Нору. Якобы она вела себя как помешанная, бормотала, что отнимет у Яка последнее, что у него осталось, — его младшую дочь. Она не сказала, куда направляется, но после ее ухода Ильва обнаружила, что пропали ключи от дачи ее родителей.

Достав карманный фонарик, Фей зажгла его и провела лучом света вокруг себя, ища дверь в подвал. Посмотрела на черно-белые фотографии в рамках. Люди на них выглядели старыми — наверное, все они уже давно умерли. На других фотографиях она увидела Ильву

еще ребенком. Ильва без передних зубов. Ильва на лошади. В животе все сжалось. Насколько хорошо она знает Ильву? А если она на стороне Яка? И все это время была на его стороне?

Фэй неверно оценила Яка. И Давида. Неужели и Ильву?.. Нет, это невозможно.

— Прекрати, — буркнула она себе под нос. Затем открыла нужную дверь и стала спускаться в подвал.

Через маленькое прямоугольное окошко Фэй увидела над верхушками деревьев последние лучи солнца. «Когда оно снова взойдет, меня, возможно, уже не будет в живых», — подумала она. Лестница оказалась крутая, противно скрипела при каждом шаге.

Чем ниже она спускалась, тем сильнее становился запах плесени.

Внизу Фэй удалось найти электрощит и отключить рубильник. При помощи фонарика она нашла новые пробки, заменила, и когда снова включила рубильник, под потолком зажглась лампа. Взглянув на часы, Фэй быстро поднялась наверх.

В гостиной она выбрала торшер и вытащила провод из розетки. Достав припасенную отвертку, быстро раскрутила вилку и произвела с ней необходимые действия. В точности как в том видео, которое она посмотрела. В интернете можно найти все — надо только знать, где искать.

Достав металлическую проволоку, Фэй обмотала ею ручку входной двери. Виток за витком. Плотно-плотно. Затем вылила на верхнюю ступеньку воду из литровой бутылки, которую тоже привезла с собой. Получилась маленькая неглубокая лужица. В темноте она станет почти незаметной.

Закончив все, Фэй отметила, что пробыла в доме минут сорок. Погасив свет, она уселась на диван и стала ждать в темноте, то и дело посматривая на светящиеся цифры своих часов и сжимая в руке отвертку. Як точно придет не безоружным, и если что-то не сработает, ей придется защищаться от него.

Биться не на жизнь, а на смерть.

Возможно, ей придется умереть, но она умрет свободной, а не как испуганное, загнанное животное.

Прошло ровно девять минут, прежде чем Фэй услышала шум мотора.

Гул мотора стих, настала полная тишина. Фэй вскочила на ноги. Осторожно сняв туфли, она оставила их на диване и подкралась к торшеру, который поставила возле двери. Подключив его, кинула тревожный взгляд на ручку двери. Опустилась на пол, прижавшись спиной к стене.

Снаружи слышались шаги. Фэй облизала губы. Почувствовала, как все внутри скрутило от волнения. Як ходил вокруг дома. А что, если он решит войти не через главный вход, а через окно? Или через подвал?

Но зачем ему это делать? Он знает, что она ждет его. Уверен, что в доме Нора, что ее жизнь в опасности...

— Фэй! — крикнул Як. — Отдай мою дочь!

Она увидела за окном его силуэт, крепче вжалась в стену. Он не сможет разглядеть ее. В следующую секунду Як зажег фонарик и осветил внутрь через окно. Луч света прошел всего сантиметрах в десяти от ее правой ноги. Фэй перестала дышать. Он что-то заподозрил? Поэтому ходит вокруг дома?

Фэй представила себе его. Когда-то она любила его больше всех на свете — возможно, даже больше, чем Жюльенну. Теперь же мечтала лишь об одном: уничтожить его за то, что он сделал с их дочерью, за то унижение, которому подверг ее. За всех женщин, побывавших в этой ситуации, — сломленных, униженных, почувствовавших себя ненужными, наложивших на себя руки. Тех, кого держали как крепостных. Использовали как вещь. На женщинах до сих пор кандалы, хотя внешний вид кандалов меняется от века к веку.

Фэй отомстит за всех.

Она не станет очередной женщиной, павшей жертвой мужа или бывшего мужа.

— Выходи! — крикнул Як. — Если ты причинила ей вред, я убью тебя, Фэй.

Она услышала с трудом сдерживаемый гнев. Голос звучал позади нее, совсем близко, за стеной. Это значит, что Як идет к входной двери.

Фэй сглотнула.

— Она здесь, — ответила она глухо. — Здесь, внутри.

Як топтался на лестнице. Казалось, не мог решить, как ему поступить. Боялся. Знал, на что она способна. Знал, что она умнее его, что она опасна. И что он сам довел ее до такого состояния.

— Выходи с ней! — крикнул он.

Фэй не ответила. Стиснув зубы, она закрыла глаза. Не хотела зазывать его, чтобы он ничего не заподозрил.

«Ну давай же, — беззвучно прошептала она. — Давай».

Шаги прекратились. Вероятно, Як стоял неподвижно на верхней ступеньке, всего в метре от бывшей жены. Она ощущала его присутствие, его колебания, его страх.

От волнения у нее задрожали колени. Фэй вонзила ногти в ладони.

— Дотронься до ручки, Як, — пробормотала она. — Открой дверь. Я же здесь.

Секунду спустя до нее донесся характерный треск.

Улыбнувшись, Фэй открыла глаза.

— Раз, два, три, — сосчитала она, протянула руку и нажала на выключатель лампы.

За дверью раздался глухой удар. Фэй медленно поднялась, принялась. Из-за двери запахло паленым мясом.

Фэй медленно нажала на дверь, однако тело Яка блокировало выход. Через узкую щель она видела его ноги — он упал спиной назад. Фэй нажала еще, и наконец ей удалось протиснуться наружу.

Склонившись над ним, она изучила его лицо. Глаза широко раскрыты — и пусты. Присела, приложила два пальца к его шее. Не ощутила пульса.

Фэй смотрела на мужчину, которого когда-то любила больше всех на свете, пытаясь понять, что же она чувствует.

Лес стеной возвышался над домом, отгораживая его от всего остального мира.

Стояла полная тишина.

Они словно находились в ином измерении — здесь были только Фэй и Як.

История, начавшаяся много лет назад в Торговом институте, пришла к завершению. Фэй вспомнила все, что принес ей этот роман. Слезы. Мысли о самоубийстве. Унижение. Аборт. Женщин, с которыми он изменял ей. Однако все это принесло ей Жюльенну, получение доли в «Компэр», создание «Ревендж». Ее освобождение. Кто свободнее, чем тот, кто сидел в темнице? Как иначе ощутить вкус свободы? Один человек может стать тюрьмой для другого, его гнев или презрение могут держать другого в плену.

Фэй взяла Яка за запястье и поволокла тяжелое тело через порог в гостиную. Его голова билась об пол.

Як остался лежать на полу, а Фэй, уставшая от напряжения, села на диван, разглядывая его тело. Потом поднялась, подошла к нему и пнула ногой. Прозвучал глухой звук. Никакой реакции. Она отошла на пару шагов. Пнула сильнее, с разгона. Вспомнила фотографии Жюльенны в компьютере Яка. Его взгляд, когда она отдала ему пластиковую папку со снимком.

Она наклонилась над мертвым телом.

— Надо было отпустить меня, не быть таким упрямым, таким спесивым. Не следовало унижать меня и шантажировать моей собственной дочерью. И никогда, никогда не делать того, что ты сделал с Жюльенной.

Фэй принесла канистру с бензином, встала позади Яка и отвинтила крышку. Двигаясь параллельно его телу, промочила всю его одежду бензином. Открыла дверь и бросила спичку. В следующую секунду все тело Яка было охвачено огнем.

Фьельбака, давным-давно

Из комнаты Себастиана я почуяла запах курева и услышала позвякивание бутылок. Негромко, чтобы не разбудить папу, он включил музыку. Мама недавно вернулась домой — папа в очередной раз возил ее в отделение экстренной помощи. С объяснениями, что она упала, поскользнувшись на лестнице, — надо же, какая неловкая, вот неприятность... Ни один врач не мог всерьез поверить этим отговоркам, однако никто не нашел в себе сил или смелости разобраться.

Мама совершила ошибку, сказав, что собирается в гости к своему брату Эгилю, и папа столкнул ее с лестницы, с самого верха. Время истекало. Ярость папы становилась все разрушительнее. На этот раз мама сломала руку — в следующий раз она свернет себе шею, и тогда я останусь совершенно одна на свете...

Только что миновала полночь. Мама и папа спали. Он всегда бывал поспокойнее в первое время, когда мама возвращалась из больницы. Я поняла, что лучшего шанса мне не представится.

Мне хотелось пощадить маму. Что будет испытывать папа, меня мало волновало. Им я займусь позже.

Захлопнув книгу, я босиком спрыгнула на дощатый пол. Как буду действовать, что именно делать, я тщательно спланировала заранее. Первым делом натянула белую полупрозрачную ночную рубашку, которую, как я знала, Себастиан любит; я заметила, что он не сводит с меня глаз, когда видит меня в ней. Затем достала три таблетки снотворного, которые стащила у папы и заранее измельчила в порошок.

Выйдя из комнаты, я сделала глубокий вдох и постучала в его дверь.

— Чего тебе?

Я нажала на ручку и вошла.

Он сидел за компьютером — обернулся, посмотрел на меня. Мутный взгляд остановился на моих голых ногах, скользнул выше.

— Я много думала о том, что ты сказал.

Себастиан наморщил лоб — синяк, который он недавно схлопотал от папы, стал заметнее.

— Что за хрень? Ты о чем?

— О вечеринке в лесу. Когда ты сказал, что мне нравилось, что вы со мной делали. Ты ошибся.

— Да? — равнодушно произнес брат и снова повернулся к монитору. Я шагнула в комнату, оказавшись под турником для подтягиваний, — никогда не видела, чтобы Себастиан им пользовался.

По стенам были развешаны плакаты с практически раздетыми женщинами — их груди свисали поверх лоскутков материи, изображавших одежду. В комнате царил бардак: тарелки с объедками, везде горы вещей, затхлый запах пота и испорченной еды. Я

поморщилась от отвращения. Осторожно положила на пол крошечный мешочек и поддала по нему ногой, так что он оказался в углу.

— Мне не нравилось, когда *они* делали это со мной. Но мне нравится, когда *ты* это делаешь.

Он замер.

— Хочешь, я уйду? — спросила я. — Или ты не возражаешь, чтобы я осталась? Мама и папа спят.

Себастиан кивнул, по-прежнему сидя спиной ко мне, и я истолковала это как его желание, чтобы я осталась.

— Дашь мне пива?

— Оно теплое.

— Все равно.

Он лег на живот у кровати, протянул руку и вытащил оттуда бутылку. Открыл ее, протянул мне. На руке у него виднелись следы — от того раза, когда папа порезал его разбитой бутылкой.

Я села на краешек кровати, и он уселся рядом со мной. В молчании мы отпили по глотку. Я покосилась на его бутылку. Она почти опустела. Скоро он захочет взять еще одну. И тогда мне удастся всыпать ему снотворное. На столе стояли четыре пустые бутылки, а я ни разу не слышала, чтобы он ходил в туалет.

Скоро момент настанет. Надо быть готовой.

— Тебе нравится, когда я сопротивляюсь? — мягко спросила я.

Лицо у него покраснело, он не отрываясь смотрел в стену.

— Не знаю, — буркнул наконец. Голос его звучал сдавленно.

— Я просто хотела узнать, что тебе нравится. Ты можешь делать со мной все что захочешь.

— Угу.

Он заерзал на месте. Под трениками набух член. Себастиан заметил, что я это вижу, и даже, кажется, смутился.

— Все нормально, — сказала я.

Протянув руку, неумело положила ее ему на пах. Почувствовала, как тошнота подкатывает к горлу, но поспешно сглотнула.

Себастиан пошевелился.

— Мне надо в туалет, — пробормотал он.

Я кивнула:

— Я подожду тебя...

Фэй шла по лесу совершенно голая, позади нее пылал дом. Свою одежду она швырнула в огонь — пусть все сгорит вместе с Яком.

Оранжевое пламя вздымалось к ночному небу, дым вставал столбом.

Она не оборачивалась, шла вперед, прочь от Яка, прислушиваясь к новому и острому ощущению свободы, заполнившему все тело.

Фары взятой напрокат машины светили со стороны маленькой лесной тропинки — как раз в том месте, где они с Ильвой назначили встречу. Подруга, все это время державшаяся неподалеку, должна была подъехать к месту встречи, едва заметив дым, поднимающийся от дома. И она приехала туда, как и обещала.

Ильва, сидевшая за рулем, слабо улыбнулась ей, Фэй с неподвижным лицом открыла дверь со стороны пассажирского сиденья. Машина была красная, старая, вся в пятнах ржавчины, без навигатора. Никто не сможет доказать, что они побывали здесь.

— Сделано? — спросила Ильва.

— Сделано.

Она кивнула и, потянувшись к заднему сиденью, протянула ей черную сумку с одеждой. Все чистое. Никаких следов Яка.

— Хочешь одеться до того, как мы тронемся в путь?

Фэй покачала головой и уселась на пассажирское сиденье, держа сумку в руках. Салон стал заполняться дымом, Ильва закашлялась.

— Нет, поехали.

Между стволами деревьев Фэй видела горящий дом — в эту минуту с грохотом обрушилась крыша. Ильва, собиравшаяся запустить мотор, замерла, потом медленно опустила руку.

Некоторое время они сидели молча, глядя на горящий старый дом, потом Ильва включила первую передачу, и машина пришла в движение.

— Что ты чувствуешь? — спросила она.

Некоторое время Фэй размышляла.

— Как ни странно, ничего. А ты?

Ильва сглотнула, потом взглянула на Фэй:

— То же самое.

Выезжая на шоссе, они встретили четыре пожарных машины, несущихся на полной скорости с воем сирен.

Утреннее солнце светило в окно комнаты для гостей в доме Алисы, освещая Ильву, державшую на коленях Нору. Та только что проснулась и немного капризничала.

— Ты в порядке? — спросила Фэй, которая только что заглянула к ней — после того, как пролежала без сна на одном из диванов Алисы.

Она внимательно изучала Ильву.

— Я в порядке, — ответила та, но ее словам и тону противоречило то, как судорожно она прижимала к себе Нору.

— Мы сделали то, что должны были сделать.

— Да, знаю, — ответила Ильва.

Она уткнулась носом в волосенки Нору, закрыла глаза. Ручки дочери крепко обнимали ее за шею.

В комнату вошла Алиса, посмотрела на них и улыбнулась.

— Завтрак подан, — сказала она.

Ночью, когда они вернулись домой, Фэй рассказала все Алисе. Это далось ей нелегко, да и Алиса пришла в состояние шока.

Зазвонил телефон Фэй — увидев, кто звонит, она нажала на зеленую кнопку.

— Привет, моя дорогая, — сказала она, когда лицо Жюльенны заполнило дисплей. — Сейчас я не могу говорить, позвоню позже. Но скоро я приеду к тебе. Обещаю. Скоро-скоро. Целую! Люблю тебя!

— Хорошо, мамочка, пока!

Фэй положила трубку.

— Скучает по тебе? — спросила Ильва. Глаза у Нору слипались — вот-вот снова заснет на руках у Ильвы.

— Да, — коротко ответила Фэй.

Сейчас она не в состоянии говорить о Жюльенне. Ее папа ушел. Навсегда. И хотя она ненавидела его, хотя считала, что ему нет места в жизни Жюльенны, все равно испытывала горе и грусть. Из-за того, что Жюльенне предстоит прожить всю жизнь без отца.

Чувство вины давило на плечи. Не за то, что Фэй лишила его жизни, а за то, что сделала когда-то такой плохой выбор. Но, не будь именно Яка, она не родила бы именно Жюльенну. Это мыслительное уравнение у нее в голове все никак не сходилось. Ах, как ей хотелось, чтобы у нее осталась та фотография в пластиковой папке!.. Это был ее талисман, придававший ей сил, напоминавший о самом главном. Но теперь он исчез — как и Як.

— Каков наш следующий шаг? — спросила Алиса. Она казалась сильной и решительной.

Фэй смотрела на Нору, на ее отяжелевшие веки и длинные ресницы. Временами она становилась так похожа на Яка...

— Придется пустить в ход фото- и видеодоказательства. Настал черед плана Б, придуманного Ильвой.

Алиса улыбнулась:

— Ты хочешь сказать, что пора зажать в тиски Эйвинда?

— Да, нам нужны бумаги из Управления патентов и регистрации.

— Это должны быть правильные документы, правильно сформулированные, — добавила Ильва, покачивая на руках Нору. — Я предельно точно указала, что нам нужно.

И снова Алиса улыбнулась.

— Увидев видео и фотографии, он точно сделает все, что мы попросим. Иначе пошлем их его жене.

— Отлично, — Фэй кивнула.

Она бросила взгляд на Нору, заснувшую на плече у Ильвы. Девочка выглядела в точности как Жюльенна во сне. На мгновение Фэй захотелось плакать. Из-за Жюльенны. Из-за Норы. Из-за Ильвы. Из-за самой себя. Из-за всех них.

Фьельбака, давным-давно

Я едва успела схватить мешочек, валявшийся в углу, кинулась на живот перед кроватью, вытащила новое пиво, открыла бутылку и высыпала туда порошок — а Себастиан уже вернулся.

Я протянула ему новую бутылку. Не произнеся ни звука, он взял ее у меня из рук, уселся на кровать, поднес ее к губам и сделал большой глоток.

Он по-прежнему осторожничал — казалось, все не мог поверить, что я вдруг сдалась и дам ему переспать со мной, не сопротивляясь.

— Можешь поставить какую-нибудь другую музыку?

— Какую?

Осталось только заставить Себастиана допить пиво, держа его на расстоянии от меня как можно дольше. Меня начинало тошнить от одной мысли, что я вынуждена буду сделать с ним.

— Может быть, «Металлику»?

Себастиан кивнул. Встал, подошел к стереоустановке, вынул из нее диск, провел пальцем по ряду дисков на полке, пока не нашел «Металлику». Вставил ее и нажал на «проигрывание». Сделал звук чуть-чуть погромче. Потом встал передо мной.

— Мне надо захмелеть, — проговорила я. — Я знаю: то, что мы собираемся делать, неправильно, но мне нравится, ничего не могу с собой поделать.

— Давай пить наперегонки, — ответил он.

Я улыбнулась:

— Отличная идея.

Я запрокинула голову, и мы одновременно выпили пиво. Я задержала дыхание, чтобы не чувствовать вкуса. Охнула, когда допила все. Себастиан вытер рот рукой. Он смотрел на меня голодными глазами, и по всему телу у меня пробежал неприятный холодок. Как быстро действуют таблетки?

— У тебя есть порнуха? — спросила я.

Я знала, что у него есть тайный запас. Иногда он прятал стопку журналов за батареей, иногда под матрасом.

Повернувшись, Себастиан засунул руку под матрас. Протянул мне журнал. На обложке красовалась женщина с огромными грудями, которая позировала на камеру, раздвинув ноги. Лобок у нее был гладко выбрит.

Я открыла журнал и стала листать его.

— Что тебе нравится? Что ты хочешь, чтобы я сделала? — спросила я, не отрывая взгляда от журнала, пытаясь оттянуть время, дать снотворному подействовать.

Себастиан пожал плечами.

— Ну, что-то же тебе нравится больше, чем все остальное?

— Не-а, не знаю, — тихо проговорил он.

— Мне хотелось бы иметь большие сиськи. Ведь парням нравятся большие сиськи, правда?

Себастиан не ответил.

Я листала дальше.

— Если б ты сказала, что тебе нравилось быть со мной, я никогда не позволил бы им прикоснуться к тебе, — пробормотал он.

Я оторвалась от журнала, но Себастиан избегал смотреть мне в глаза.

«Это ложь, — подумала я, — ты никогда не вступишься бы за меня. Для этого ты слишком труслив».

Вслух я сказала:

— Знаю.

— Получается, я виноват, что они умерли.

«Ты прав, — подумала я. — А скоро умрешь и ты. И я ни слезинки по тебе не уроню. Я-то знаю, какая ты трусливая и жалкая пародия на человека. Ты никому больше не испортишь жизнь».

— Не думай об этом.

Себастиан зевнул, веки его стали падать. Он откинулся назад, прислонился спиной к стене. Глаза у него слипались.

— Ложись, — сказала я. — Я сделаю тебе хорошо.

Сложив порножурнал, отложила его в сторону. Придвинулась поближе к нему, подложила ему под голову подушку. Казалось, Себастиан уже спит, так что я свернулась клубочком рядом с ним, разглядывая его спокойное лицо.

Несколько минут я лежала неподвижно, чтобы таблетки хорошо подействовали. Убедившись, что он спит глубоким сном, осторожно встала с постели и подошла к его компьютеру. Открыв текстовый редактор, написала прощальное письмо, в котором Себастиан говорил о том, как он тоскует по своим друзьям и как страдает от того, что не смог их спасти. Писала я лучше, чем он, поэтому сознательно выбирала самые простые слова и сделала несколько ошибок в правописании. Все это заняло массу времени, поскольку я нажимала на клавиши двумя зажигалками брата — на случай если кому-нибудь придет в голову проверить клавиатуру на предмет отпечатков пальцев.

Открытый документ я оставила на экране, чтобы те, кто зайдет в комнату, сразу его увидели.

Дальше началось самое трудное.

Я подошла к шкафу-кладовке, открыла дверь и разыскала ремень. Поставила на нужное место стул. Легла позади Себастиана, зажав его ногами с двух сторон, обвязала ремень вокруг шеи и затянула. Оказалось, сделать это тяжело. Куда тяжелее, чем я думала.

Я встала в постели, потянула сильнее, упираясь ногами. Лицо у него посинело, губы хватали воздух, но глаза так и оставались закрытыми.

Минут пять, не меньше, я тянула за ремень изо всех сил; потом отпустила, протянула руку и пощупала пульс у него на шее. Ничего. Никаких признаков жизни.

Тело показалось мне невероятно тяжелым. Я медленно оттащила его к кладовке, изо всех сил упираясь ногами в пол. Добравшись туда, усадила его на стул под шестом. Долго и мучительно пыталась закрепить ремень на шесте. Потом толкнула ногой стул, чтобы тот упал на пол. Себастиан безжизненно повис на ремне.

Я оглядела комнату. Не упустила ли я чего? Мешочек, в котором у меня хранилось снотворное, я приложила к кончикам пальцев Себастиана, чтобы там остались отпечатки его пальцев. Меня точно никто не заподозрит. Самоубийство — логичное последствие после того трудного лета, которое выпало Себастиану, когда погибли двое его лучших друзей.

В последний раз оглядев комнату, я взяла с собой свою бутылку пива и на цыпочках ушла в свою комнату. Поразмышляла над тем, не выйти ли мне на улицу, чтобы выбросить ее, но потом решила ограничиться тем, что спрятала ее под своей кроватью.

До шести утра я пролежала без сна, читала, размышляла, пытаюсь понять, мучает ли меня совесть. Нет, совесть меня не мучила. Нисколько.

Около шести утра я услышала за дверью шаги папы. Должно быть, он обратил внимание на открытую дверь Себастиана, когда побрел в ванную, потому что вдруг остановился. В следующую секунду я услышала его дикий вопль.

Первая часть моего плана была выполнена, и все прошло относительно легко. Теперь оставалась мама...

— Что там дома? Уже утро?

Фэй кивнула. Керстин выглядела отдохнувшей. Счастливой. Это ее порадовало. Среди всего царившего вокруг хаоса счастье подруги внушало ей надежду.

Лицо Керстин придвинулось ближе к экрану. Четче проступили тонкие морщинки вокруг глаз. Ее взгляд светился такой заботой, что внутри у Фэй потеплело.

— Ты в порядке? — спросила Керстин.

— Как ни странно, да. Знаешь, я выучила урок. Больше никогда не выпущу из рук власть. Не позволю себе быть уязвимой.

— Этого ты не можешь пообещать. Да я и не хочу, чтобы ты это обещала. Каждый должен не бояться быть немного уязвимым.

Фэй вздохнула и подумала о Жюльенне. О том будущем, которое она видит для своей дочери.

— Ты наверняка права. Но мне нужно время. Не знаю, готова ли я еще раз позволить разбить себе сердце.

Внезапно Керстин рассмеялась. Ее искренний смех всегда вскипал так неожиданно...

— Хватит корчить из себя героиню драмы, Фэй. Ты куда сильнее. Жалеть себя — это так на тебя не похоже... Нас много — тех, кто любит тебя. Возможно, ты проиграла бой, но зато выиграла войну. Помни об этом.

— Я пока не выиграла.

Керстин приложила ладонь к экрану, Фэй буквально ощутила прикосновение к своей щеке.

— Пока нет, но ты победишь. Позвони мне сразу, как только все останется позади.

— Обещаю. Целую. Скучаю по тебе.

— Я по тебе тоже.

Фэй закрыла на компьютере приложение «Фейстайм» и поймала себя на том, что улыбается — несмотря на все напряжение перед предстоящими испытаниями. Она соскучилась по Керстин, однако приятно было видеть, как та счастлива в Мумбаи со своим Бенгтом.

Теперь Фэй потянулась за мобильным телефоном и позвонила Ильве.

— Привет, Фэй, я как раз собиралась звонить тебе.

От напряженного голоса Ильвы сердце у нее забилось так сильно, что застучало в ушах.

— С инвестициями всё в порядке?

— Да, жена подключилась. Инвестиции гарантированы.

— Боже, как чудесно!

Фэй закрыла глаза. Пульс снизился, впервые за долгое время она ощутила в груди жадное нетерпение. Наконец-то встал на место последний кусочек пазла.

Оглядев себя в зеркало, она накрасила губы алой помадой. Потом перекинула через одну руку свой белый плащ от «МаксМара», другой взяла портфель от «Луи Виттон» и вышла из номера люкс. Теперь Фэй снова жила в «Гранд-отеле» — в свете последних событий там она чувствовала себя более безопасно. Расстояние было такое, что можно добраться до места на такси, а можно и пешком. Она решила надеть парочку самых удобных туфель на каблуках и пройтись. Прогулка будет очень кстати, чтобы собраться с мыслями.

Вода у причалов блестела. Стоял прекрасный погожий денек. Солнце светило, даже самый легкий ветерок не морщил гладь воды Стокгольма. Фэй улыбалась тем, кто попадался ей по дороге.

Вдруг она остановилась, отметив боковым зрением нечто необычное. Обернулась к одной из витрин Галереи. Женский бюст с серебряными крыльями. Пораженная скульптурой, Фэй невольно поднесла руку к груди, где когда-то висел кулончик, подаренный ей мамой, пока не потерялся в те страшные дни на острове Иксён.

Она подошла ближе. Художницу звали Каролина Тамм. Взглянув на часы, Фэй вошла в Галерею.

— Я хочу купить скульптуру в витрине. Вон ту, серебряную.

— Не желаете сперва узнать цену? — удивленно спросила женщина, сидящая за столом внутри магазинчика.

— Нет, — ответила Фэй, протягивая ей свою карту «Центурион». — Я немного спешу. Оплачу сейчас, а вы пошлите ее вот по этому адресу.

Фэй протянула свою визитную карточку.

Пока прокатывали ее карту, она подошла к скульптуре, чтобы взглянуть на нее с обратной стороны. Крылья имели форму рогов и росли на спине у женщины. В них ощущалась такая мощь — ничего подобного она никогда раньше не видела. Это и станет символом всего

нового. Когда она думала, что придется уступить «Ревендж» Хенрику, ей показалось, что у нее восковые крылья, которые растаяли, потому что она дерзнула подлететь слишком близко к солнцу. Теперь же она чувствовала, что сможет взлететь как угодно высоко. На своих серебряных крыльях.

Когда дверь Галереи закрылась у нее за спиной, Фэй уже знала: она готова.

* * *

Запрокинув голову, Фэй разглядывала красивый фасад девятнадцатого века. Когда она впервые приехала в Стокгольм из Фьельбаки, то замирала с широко раскрытыми глазами перед этими прекрасными старинными фасадами. Сейчас, двадцать лет спустя, она стала настолько богата, что смогла бы купить целый квартал. Странное чувство...

Фэй перевела взгляд влево, в сторону площади Стюреплан и улицы Библиотексгатан, где когда-то находился клуб «Будда Бар». Вспомнила светлый волшебный вечер 2001 года, когда познакомилась с Виктором. Хороший и добрый был парень. Слишком добрый, как ей вскоре показалось... Как сложилась бы ее жизнь, если б она не предпочла ему Яка?

Фэй снова подняла глаза и посмотрела на окна. Там, наверху, на пятом этаже, ждал Давид. И Хенрик. В разных кабинетах.

Алиса и Ильва послали ей сообщения, предупредив, что все готово и ни один из мужчин не заметил прихода другого. Мина заложена. Фэй пыталась понять, что же чувствует — нервничает, злится, грустит?

Но нет, внутри себя она нашла только счастье. Чистое, дикое счастье. Все могло бы закончиться куда хуже, не будь у нее Ильвы и Алисы. Они спасли ее. Все они спасли друг друга.

Набрав код на домофоне, Фэй стала ждать лифта. Несколько минут спустя она уже шла между пустых письменных столов в открытом офисном пространстве «Ревендж», наслаждаясь запахом свежесваренного кофе. Из конференц-зала падал свет. Она увидела затылок и широкую спину Давида — он сидел и разговаривал с

Ильвой и Алисой. Улыбающиеся губы Алисы шевелились, но из-за толстой стеклянной двери невозможно было разобрать, о чем идет разговор.

Фэй толкнула дверь, Давид обернулся и увидел ее. Он поднялся и раскинул руки, готовясь обнять ее.

— Наконец-то, дорогая, я так соскучился! — воскликнул он. — Во Франкфурте без тебя было так ужасно...

Фэй миновала его, не удостоив ни единым взглядом, выдвинула стул во главе стола и села, закинув ногу на ногу.

— Что... Фэй? Что происходит? — удивленно спросил он.

Улыбка исчезла с лица Алисы. Она зло смотрела на него. Давид заметил, что атмосфера резко изменилась.

— Мы пригласили тебя сюда сегодня, чтобы представить нашему новому инвестору, — начала Фэй и протянула руку к Ильве, которая передала ей папку. Открыв ее, она взглянула на документы и кивнула. — Да, тебя, вероятно, удивляет это заявление в свете того факта, что я больше не контролирую «Ревендж». Среди прочего — благодаря той конфиденциальной информации, которую ты передал Хенрику. Но он сидит в соседнем кабинете. И поверь мне, «Ревендж» скоро вернется ко мне. На твоём месте я постаралась бы в дальнейшем никак не ассоциироваться с Хенриком Бергендалем. Скоро ты все поймешь. Но пока — вот это. Думаю, здесь все сказано.

Она положила на стол верхний документ и придвинула Давиду, который тут же схватил его.

— Это... я м-могу объяснить... — проговорил он заикаясь.

Фэй фыркнула:

— Не надо ничего объяснять. Твое дело — слушать.

Впервые за все это время она устремила на него взгляд. Придвинула к нему три сшитые вместе бумаги. На первой странице виднелся заголовок «Совместное заявление о расторжении брака»; в него были вписаны имена Давида Шиллера и Юханны Шиллер.

— Подпиши это.

— Что это такое? Несколько месяцев я пытался добиться развода, сама знаешь...

Фэй расхохоталась. Алиса и Ильва поддержали ее. Давид с изумлением переводил взгляд с одной на другую.

— Дружочек, игра окончена. Всю свою жизнь ты обманывал женщин. Теперь этому конец. Пытаться войти в долю «Ревендж» за счет денег своей жены и одновременно утверждать, что ты пытаешься с ней развестись, — очень творческий подход. А потом обеспечить себе поддержку нового хозяина, передав Хенрику секретную информацию о выходе на американский рынок...

Фэй кивнула на первый документ, который лежал перед Давидом.

— Должна признать: ты не ленился. Но теперь все кончено, ты понял? Скажи спасибо, если тебе удастся избежать тюрьмы.

Давид сглотнул. Лицо его все более краснело.

— Я...

— Заткнись! — прикрикнула на него Фэй.

В дверь постучали, и она жестом пригласила войти элегантную темноволосую женщину в платье от «Шанель».

— Привет, дорогой бывший супруг, — сказала Юханна Шиллер, выдвигая себе стул рядом с Фэй.

Разинув рот от изумления, Давид смотрел то на одну, то на другую.

— Она пытается обмануть тебя, Юханна, — сказал он. — Не верь ей, она лжет. Ей нужны только твои деньги. Я завел с ней интрижку, признаю, минутная слабость, — но с моей стороны никогда не было ничего серьезного, никогда. Я хочу быть с тобой, Юханна. Я люблю тебя.

Юханна захихикала.

— Я никогда не стал бы изменять тебе, — продолжал он, указывая на Фэй. — Она соблазнила меня.

Давид вдруг ударил кулаком по столу, выражение его лица изменилось, стало сердитым. Теперь он выглядел как обиженный мальчишка.

— Хватит, — проговорила Юханна и покачала головой. — Подпиши бумаги и проваливай; у нас будет заседание правления.

Давид подался вперед.

— Так это ты — новый инвестор?

— Да, у тебя ведь ни гроша за душой, — пробормотала Ильва.

Юханна весело кивнула:

— Без тебя и той драматургии, которую ты привносишь в мою жизнь, у меня образуется лишнее время. И деньги. Мне до смерти

надоело спонсировать твои неудачные инвестиции. Когда Ильва рассказала мне, как обстоят дела, я ответила, что с удовольствием инвестирую в «Ревендж».

Давид обернулся к Фэй. Та рассматривала его, скрестив руки на груди, явно получая удовольствие от всей этой сцены. Он открыл было рот, собираясь что-то сказать, но потом снова закрыл.

— Подпиши, дружочек, и проваливай. Нам еще многое надо обсудить, а потом мы пойдем отмечать сделку.

Давид схватил ручку и, не сводя глаз с Фэй, поставил подпись. Потом вскочил так резко, что чуть не опрокинул стул. С безумным взглядом отступил к двери.

— Давид Шиллер, — произнес строгий голос у него за спиной.

Давид обернулся. В дверях стояли двое полицейских.

Фэй видела, как они появились, но не сказала ни слова.

— Да? — нервно произнес он.

— Мы хотим, чтобы вы проследовали с нами.

— Зачем? — спросил он, вставая в оборонительную позу.

— Об этом мы поговорим снаружи.

Давид обернулся к Фэй:

— Что ты сделала?

— Заявила на тебя за твои преступления против «Ревендж» и меня лично. За промышленный шпионаж тебе полагается несколько лет тюрьмы.

Двое полицейских взяли Давида за руки выше локтя и увели его. До оставшихся в кабинете еще долго долетали его громкие протесты. Ильва собрала документы и сложила в папку.

Фэй поднялась и подошла к Юханне. Они пожали друг другу руки.

— Добро пожаловать в команду.

— Спасибо.

Фэй сделала глубокий вдох. Шампанскому в ведерке со льдом придется подождать еще немного. Прежде чем праздновать, надо разобраться еще с одним негодяем.

Хенрик взглянул на нее с широкой ухмылкой, когда Фэй вошла в помещение, до недавнего времени бывшее ее кабинетом. Ильва и Алиса вошли вслед за ней; Алиса, вошедшая последней, закрыла за собой дверь.

— Что волнует моих бывших подчиненных? Радуйтесь, что у меня найдется для вас несколько минут; я очень занят — у нас намечается выход на американский рынок, и мое терпение в отношении жалоб уволенных сотрудников весьма ограничено. Мы следуем трудовому договору до последней запятой. Однако должен сказать: приятно, что ты явно выражаешь желание работать, Алиса. Это новая черта в твоём характере.

— А ты бы заткнулся, Хенрик, — весело сказала Алиса.

Он нахмурился:

— У меня мало времени. Говорите, что вам нужно, а потом уходите. Вам здесь нечего делать. — Откинулся в кресле и сложил руки за головой.

Ильва положила ему на стол пачку бумаг. Некоторые строки в них были выделены зеленым маркером.

— Что это такое?

Хенрик с раздражением взял в руки бумагу и стал проглядывать ее.

— Ты владеешь «Ревендж», это так, но не правами на нашу продукцию, — заявила Фэй. — Вот справки из Управления патентов и регистрации, подтверждающие это. Интересно будет посмотреть, что скажут об этом партнеры «Ревендж» в США... Не говоря уже о твоих финансовых партнерах. То, что ты владеешь компанией, но не владеешь ее продукцией, означает, что у тебя в руках пустышка.

Она кивнула на Алису и Ильву.

— Вместе с этими двумя коллегами я стала уговаривать акционеров вернуться к нам. А все, что накопили твои частные детективы, чтобы шантажировать акционеров, включая Ирену Арнель... Если ты хотя бы попытаешься использовать эту информацию, то сам прекрасно знаешь — Алисе не нужны никакие частные детективы, чтобы собрать информацию о тебе.

Алиса ухмыльнулась, сложила руки на груди и радостно закивала.

— Чертова манда!.. Ты все это выдумала! Мои адвокаты никогда не пропустили бы такой важный момент! — Хенрик покраснел от

злости, вскочил в полный рост и зло уставился на Алису.

— Хм, по всей видимости, все же пропустили, — ответила та. — Может быть, тебе сменить адвокатскую фирму? Я могла бы ответить тебе тем же и назвать тебя «чертов хер», но с тем малышом, который у тебя в штанах, уместнее было бы сказать «червячок», а это звучит совсем не так экспрессивно...

— Ах ты...

Хенрик попытался шагнуть к Алисе, но тут вперед выступила Фэй, устремив на него суровый взгляд. Наклонившись к столу, она придвинула ему документ и произнесла ледяным тоном:

— Без прав на продукцию эта компания — пустая оболочка. Иными словами — огромные экономические потери для тебя. И твоих инвесторов. Посему лучшее решение, которое ты сейчас можешь принять, — это продать все свои акции мне. За ту же цену, за которую вы их купили — ты и твои подставные лица. Надеюсь, ты понимаешь и благодарен мне за ту щедрость, которую я к тебе проявляю.

— С какой стати? Меня поддерживают мощные инвесторы, у меня хватит денег, чтобы судиться с тобой, и мне плевать, что ты там нашла курсивом в каком-то гребаном договоре — я буду бороться с тобой до последнего гроша...

Хенрик шипел и цедил сквозь зубы, так что брызгала слюна, однако Фэй спокойно потянулась, взяла носовой платок у него из кармана пиджака и вытерла себе лицо.

— Учитывая, что твоим крупнейшим частным инвестором при покупке акций «Ревендж» выступал Стен Стольпе, я на твоём месте не была бы так в этом уверена...

— Стен — мой старинный друг, один из моих самых верных клиентов и деловых партнеров. Не сомневаюсь, что он поддержит меня без малейших сомнений. — Голос Хенрика звучал надменно.

Во время этой дискуссии Алиса разглядывала свои ногти, но теперь проговорила лениво:

— Ты бы проверил свой телефон. Что-то мне подсказывает, что Стен пытается связаться с тобой.

— Какого черта?

Хенрик схватил свой портфель и вытащил из него телефон. Фэй вытянула шею, чтобы взглянуть на дисплей. Потом обернулась к Ильве и Алисе:

— Ой-ой, у Хенрика сорок три пропущенных звонка и довольно много сообщений от Стена. Интересно, что ему нужно? Похоже, ему не терпится пообщаться с тобой...

Хенрик открывал одно сообщение от Стена за другим. Лицо его побелело как полотно.

— Алиса, что ты натворила?

Алиса посмотрела на него своими невинными голубыми глазами.

— Я? Ничего я не сделала. По случайному стечению обстоятельств у меня вчера украли телефон, и я заявила о краже в полицию — в таких вещах надо быть педантичной. Так что я понятия не имею, что там кто-то мог найти в нем и послать Стену. Ясное дело, это может быть видео, в котором ты трахаешь его несовершеннолетнюю дочь, нашу няню... но откуда мне знать? Мой телефон, как уже было сказано, украли. Я сказала, что заявила в полицию?

Хенрик взвыл и кинулся на Алису, но Ильва подставила ему подножку, и он растянулся на полу. Там и остался лежать, продолжая кричать и махать руками.

Три женщины вышли из кабинета, но в дверях Фэй обернулась:

— Не позднее сегодняшнего вечера я хочу иметь твою подпись на документах о том, что ты продаешь мне все акции «Ревендж». Бумаги лежат в стопке внизу, под договорами.

Закрывая за собой дверь, они всё еще слышали за спиной его ругань.

Фьельбака, давным-давно

Уговорить маму оказалось просто. После смерти Себастиана она была как в тумане, а папа срывал на ней всю злость и все свое бессилие. С каждым месяцем его безумие становилось все опаснее. Каждый раз, возвращаясь из школы и нажимая на ручку двери, я задерживала дыхание. Первое, что делала, — окликала маму, каждый раз боясь, что не услышу ответа. Я слышала крики, я видела ее синяки и не могла не замечать, как мама буквально тает на глазах. Она почти ничего не ела. Я пыталась уговорить ее хоть немного поесть, взяла на

себя стряпню, научилась готовить ее любимые блюда. Иногда она съедала немного, но чаще всего смотрела в тарелку пустым взглядом.

Я понимала, что мама медленно умирает у меня на глазах. Я всегда думала, что однажды папа зайдет слишком далеко и убьет ее, но месяц проходил за месяцем, и я осознала: ее убивает безнадежность. Она не видела выхода. Не видела возможности из всего этого выбраться. За счет смерти Себастиана я хотела освободить маму, чтобы ее не раздавила тяжесть нашей тайны. Вместо этого я способствовала ее медленному умиранию.

Каждый день мне вспоминался тот случай, когда я обнаружила ее после того, как она приняла снотворное. Перед глазами у меня стояла сцена, как я запикиваю два пальца ей в рот, вызывая у нее рвоту. Тогда я ее спасла. А сейчас я ее убиваю. Я должна подарить ей надежду. Путь к выходу.

Приняв такое решение, я начала планировать.

Так больно было таиться и ждать, проявлять терпение, когда я каждый день видела маму окровавленной и в синяках... Но я понимала: если не помогу ей вырваться отсюда насовсем, вскоре она просто умрет. А с этим я не смогу дальше жить.

Папа должен быть наказан. За все, что он сделал с нами, чему научил Себастиана, за тот страх, в котором заставил нас жить.

На всем свете существовал один-единственный человек, готовый помочь мне. Брат мамы. Дядю Эгиля папа недолюбливал, а впускать чужого человека в дом всегда рискованно. Рисковать он не хотел. Поэтому для меня дядя Эгиль остался лишь смутным воспоминанием. Но мама часто говорила о нем. И я понимала: ради нее он готов на все.

Его номер хранился у мамы в потрепанной телефонной книжке, спрятанной в ящике комода под ее чулками. Ее я в свои планы не посвящала. Мамин остановившийся взгляд так пугал меня, что мне хотелось просто крепко обнять ее, но все это говорило мне, что я должна стать взрослой и позаботиться о ней. Впервые в жизни роли поменялись: взрослой стала я, а она — ребенком. Мама всегда была маленькая и хрупкая, а теперь с каждым днем становилась все тоньше и слабее.

Дяде Эгилю я позвонила украдкой со школьного телефона, когда секретарша ненадолго вышла из кабинета. Важно было не оставлять следов. Я объяснила ему, *что* мне нужно, и он тут же пообещал мне

помочь. Без оговорок. Без вопросов. Голос у него был настолько похож на мамин, что это придало мне уверенности.

Однажды вечером в начале осени я решила, что время пришло. Позвонила дяде Эгилю из школы и дала ему подробные инструкции. Я знала, что он все в точности исполнит.

Когда папа улегся и заснул — благодаря порции снотворного в стакане виски, — я принялась за дело. Мама казалась совершенно безвольной, как тряпичная кукла. Она была настолько сломленная, такая маленькая и слабая — не сказала ни слова, не задала мне ни одного вопроса, молча делала все, что я говорила, предоставив мне направлять ее. Я не решилась упаковать ее вещи. Все должно было остаться на месте, дабы ничто не указывало на то, что она что-то взяла с собой, что покинула дом добровольно.

Вечер выпал довольно прохладный. Мы продрогли, пока медленно спускались к воде. На мне были папины резиновые сапоги. В одной руке я держала его молоток. Свободной рукой поддерживала маму, ведя ее к краю воды. Папины перчатки оказались мне слишком велики, и приходилось все время подтягивать их. Мама поскользнулась; я поддержала ее, воспользовавшись случаем вдохнуть запах ее волос, когда она прислонилась ко мне. Как мне будет не хватать ее! Боже, как я буду скучать! Но любить другого — значит отпускать его на волю... И теперь я должна отпустить маму.

У берега в катере с погашенными фонарями ждал дядя Эгиль. Он прекрасно знал, что я собираюсь делать. Ему я изложила весь план в деталях. Он не стал возражать, хотя долгое молчание в телефонной трубке свидетельствовало само за себя. Однако он понимал: я права.

Маме я ничего заранее не говорила. Сочла, что лучше подождать до последнего, чтобы получить ее одобрение. Но я знала: она согласится на то, что я буду делать. К боли она привыкла.

— Мама, я должна тебя ударить. Ударить сильно. Молотком. Это папин молоток. Он должен заплатить за то, что сделал с нами. Исчезнуть из нашей жизни. Ты понимаешь, мама?

Она кивнула, не колеблясь ни секунды. Когда мы спустились к лодке, я поздоровалась с дядей Эгилем; теперь же даже не решалась поднять на него глаза. Я обняла маму, почувствовала грудной клеткой ее худенькие плечи.

Я боялась бить ее слишком сильно. Боялась, что она разлетится на куски, словно хрустальная ваза. Но пути назад не было. Я взяла молоток. Подняла его. Закрыла глаза. И ударила. Прицеливалась по мягким частям тела, где ничего не могло сломаться. Но на папин молоток не попало ни единой капли крови. Требовалась кровь. Я поняла, что должна ударить по более твердой части тела. Что-то должно сломаться, разорвать кожу, чтобы молоток окрасился кровью.

Я прицелилась в голень. Подняла молоток высоко над головой и ударила снова. Мама издала лишь тихий стон. Уголкем глаза я видела, как Эгиль отвернулся. Посмотрела на молоток. Кровь. Мамина кровь.

Молоток я положила в нескольких метрах от уреза воды, чтобы вода не смыла его, если поднимется до того, как его найдут полицейские. Нежно поддерживая маму, повела ее в лодку Эгиля. Она едва могла наступать на ту ногу, по которой я ударила. Все ее тело казалось теплым и мягким. Нехотя я передала ее дяде Эгилю, в последний раз ощутила ее запах. Я понимала, что пройдет много лет, прежде чем мы свидимся снова.

Проводив их глазами, когда они скрылись в абсолютной темноте безлунной ночи, я медленно вернулась обратно к дому. Боковым зрением отметила окровавленный молоток.

Вернувшись домой, я осторожно сняла в прихожей папины сапоги; на них попало несколько капель крови. Потом сняла перчатки, тоже с брызгами крови, и бережно положила их на полочку.

В доме царила тишина. Теперь здесь остались только мы с папой. Завтра я останусь одна.

Я не могла дождаться утра. Легла в постель. Подумала о маме. Вспомнила звук, когда молоток врезался ей в кость.

Я люблю ее. И она любит меня. Мы любим друг друга. Это была моя последняя мысль перед тем, как погрузиться в сон...

На краешке круглого стола в «Риш» стояло серебряное ведерко с торчащей из него бутылкой шампанского «Боллингер». Алиса, Ильва и Фэй подняли бокалы и чокнулись. Они уже начали вторую бутылку. Официанту сказали, что закажут еду позже, но давно забыли об этом.

Фэй чувствовала себя пьяной, однако считала, что ничего не случится, если она наутро полетит в Италию немного с похмелья — с Ильвой и Алисой она не увидится целых три месяца.

Совместными усилиями они спланировали дальнейшую работу. В начале октября все снова соберутся вместе, в новом офисе в Нью-Йорке, перед презентацией «Ревендж» на американском рынке. К ним присоединится и Юханна. Она только что развелась, была вполне счастлива и, похоже, регулярно занималась сексом со своим личным тренером. Учитывая, как быстро у них дошло до постели, Фэй подозревала, что отношения возникли не вчера. Однако это уж точно не ее забота.

Давид сидел в следственном изоляторе в ожидании, пока прокурор предъявит ему обвинение в промышленном шпионаже. Последнее, что они слышали о Хенрике, — что его фирма на грани банкротства. Ходили слухи, что между им и Стеном Стольпе пробежала черная кошка, и теперь последний делает все, чтобы потопить Хенрика.

Официант, парень лет двадцати пяти с мужественной нижней челюстью, серыми глазами и фигурой, как у греческого бога, вежливо откашлялся:

— Желаете ли чего-нибудь еще? Или все устраивает?

Он улыбнулся Фэй, и она почувствовала, как по ее телу пронеслась легкая дрожь. Она свободна и весела. Готова идти дальше. В качестве прощания со Швецией краткое, но интенсивное приключение не помешало бы...

— Все могло бы быть куда лучше, — с серьезным лицом произнесла Фэй.

Он вздрогнул и удивленно уставился на нее. Ильва и Алиса тоже вопросительно посмотрели на нее.

— Да, — сказала Фэй и показала жестом, чтобы он наклонился к ней.

Он так и сделал.

— Все было бы идеально, если б ты сказал, во сколько заканчиваешь, чтобы я могла к этому времени подогнать к выходу машину и отвезти тебя к себе в номер, — шепнула она.

Вместо удивления парень теперь смотрел на нее с любопытством. Выпрямившись, он произнес с деланой серьезностью:

— В час ночи, госпожа.

Альсиса и Ильва, догадавшись, о чем спросила Фэй, рассмеялись. Официант поправил воротник рубашки, подмигнул и скрылся.

Они снова подняли бокалы.

Боковым зрением Фэй заметила движение за окном и посмотрела туда. Через стекло она увидела знакомое лицо. При виде него по всему ее телу разлился ужас. Дрожащей рукой она отставила бокал.

Сомнений быть не могло. Этот человек — ее отец. Он приблизился к окну, встретился глазами с Фэй и показал ей фотографию ее мамы с Жюльенной.

А в следующую секунду скрылся из виду.

Благодарности

Когда заканчиваешь роман, так многих хочется поблагодарить... Для начала я хотела бы объяснить, кто такая Карин, которой я посвятила эту книгу. Карин Линге Нурд стала моим издателем, начиная с моего второго романа. Без Карин и ее знаний, мудрости и страстной любви к литературе я никогда не стала бы той писательницей, которой являюсь сегодня. С тех пор, как вышла моя последняя книга, Карин сменила место работы, но то, чему она научила меня, навсегда останется со мной. И к тому же мне досталась привилегия сохранить Карин в своей жизни как близкого друга. Огромное сердечное СПАСИБО, Карин!

При создании этой книги мне выпало счастье работать с Йоном Хэггблумом и Эббой Эстберг. Я не могу не восхвалять их до небес — рукопись этой книги не стала бы такой, не приложи они к ней свою профессиональную руку. Они — звезды на издательском небосклоне, и я безгранично счастлива работать с ними. Хочу также поблагодарить моего редактора Керстин Эдеен и прочих участников процесса в издательстве «Форум/Эстер Бонниер». Вас так много, и вы делаете потрясающую работу. Никого не называю поименно — вы сами знаете, как я вам благодарна...

Важным человеком при работе над этой и предыдущей книгой о Фэй стал мой друг и коллега писатель Паскаль Энгман. С блеском и увлеченностью он обсуждал со мной разные идеи, и я бесконечно рада, что он уделил мне столько времени. Спасибо тебе, Паскаль!

Перед выходом в свет этой книги я каждый день общалась с исключительно компетентной командой. Это Кристина Салиба, Юаким Ханссон и Анна Франкл, прочие сотрудники агентства «Нурдин», а также Лина Хельквист и Юлия Аспнэс.

Фактические сведения — важная часть в написании книги, и в том, что касается экономической составляющей, неоценимым источником информации стали Эммануэль Эргюль, а также Мартин Юнгхем и Сара Бёшвик.

Мне хотелось бы поблагодарить многих из моего ближайшего окружения. Без моей семьи я не смогла бы написать ни строчки. Спасибо моему мужу Симону, которого я люблю больше всех на свете,

моим потрясающим детям Вилле, Мейе, Чарли и Полли. Моей маме Гуннель Лэкберг и свекру и свекрови Анетт и Кристеру Шёльдам. Спасибо, что вы есть и поддерживаете меня.

И как всегда: спасибо, папа, за то, что привил мне любовь к книгам.

Камилла Лэкберг,

Стокгольм, март 2020 года

---

notes

Примечания

1

Здесь и далее: предыдущие события жизни Фэй описаны в романе К. Лэкберг «Золотая клетка».

2

Мисс Карин теперь носит куда более красивое нижнее белье
(англ.).

3

Стиль мебели, названный в честь английского краснодеревщика XVII в. Т. Чиппендейла; отличается особой изысканностью форм.

4

Шведская марка водки.

5

«К черту рак» (*англ.*).

6

«Фредди на солнечной стороне» — популярное шведское телешоу.

7

Гриль класса люкс со множеством функций.

8

«*Амароне*» — разновидность итальянского красного вина с очень насыщенным вкусом.

9

«Скавлан» — шведско-норвежское ток-шоу.

Chalmers Tekniska Högskola — технический университет.

«Флэшбэк» — один из крупнейших и неоднозначных шведских интернет-форумов, где создаются беседы сомнительного содержания.

12

Популярный ночной клуб на мостках.

Музей Васа — шведский морской музей, расположенный в Стокгольме на о. Юргорден. В музее представлен почти полностью сохранившийся 64-пушечный корабль XVII в. «Васа», затонувший в гавани Стокгольма сразу после спуска на воду. Корабль пролежал на дне гавани три столетия и был поднят в 1950-е гг.

14

Промышленный дизайнер.

15

Немецкая фирма по производству бытовой техники.

«Центурион», или «Черная карта», — самая уникальная и дорогая кредитная карта «Американ экспресс».

Фэй Данауэй (р. 1941) — американская актриса, лауреат премии «Оскар» (1977); одна из наиболее популярных американских киноактрис 1960–70-х гг.

Это круто. Я выкурила кучу «травы». Я как Боб Марли из Юрхольма (*англ.*).

19

Речь идет о подаваемой в кофе-шопах выпечке с марихуаной.

20

Вызовите «Скорую»! Она умирает! Пожалуйста, вызовите «Скорую»! (*англ.*)

Вот они. Помогите ей. Вы должны ей помочь. Она умирает!
(англ.)

22

Поторопитесь! (*англ.*)

Не волнуйтесь, дамы, это случается постоянно. У нее упал уровень сахара в крови. Я дам вам сахар для нее. А потом отвезите ее в машине обратно в отель и дайте ей еды и воды (*англ.*).

24

Вы уверены? (*англ.*)

Я уверен, дамы. Это происходит постоянно, по десять раз на дню
(англ.).

26

Хорошая девочка (*англ.*).

27

Препарат для устранения похмелья.

Средство от головной боли.

Мидсоммар — шведский праздник, отмечаемый в двадцатых числах июня.

30

Я люблю Мадрид (*исп.*).

31

Название центральной площади Мадрида.

«*Лягушечки*» — детская песня, традиционно исполняемая на празднике мидсоммар во время хоровода.

Брексит — выход Великобритании из Европейского союза.

Конечно (*англ.*).

Авичи (наст. Тим Берглинг, 1989–2018) — популярный шведский диджей и музыкальный продюсер.

36

Современный шведский дуэт.

Большой парк развлечений в Гётеборге.

Номер экстренного вызова в Швеции, ныне заменен на общеевропейский 112.

Международный аэропорт в Стокгольме.

Table of Contents

[Камилла Лэкберг Серебряные крылья](#)

[Часть I](#)

[Часть II](#)

[Часть III](#)

[Часть IV](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)

[32](#)

[33](#)

[34](#)

[35](#)

[36](#)

[37](#)

[38](#)

[39](#)

